

Martin Tamcke (Hg.)

„Wie wollen wir leben?“

Ein deutsch-russisches Studierenden-Projekt
der Universitäten Perm und Göttingen

Universitätsdrucke Göttingen

Martin Tamcke (Hg.)
„Wie wollen wir leben?“

Dieses Werk ist lizenziert unter einer
[Creative Commons
Namensnennung - Weitergabe unter gleichen Bedingungen
4.0 International Lizenz](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/).

erschienen in der Reihe der Universitätsdrucke
im Universitätsverlag Göttingen 2017

Martin Tamcke (Hg.)

„Wie wollen wir leben?“

Ein deutsch-russisches
Studierenden-Projekt der
Universitäten Perm und Göttingen

Universitätsverlag Göttingen
2017

Bibliographische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliographie; detaillierte bibliographische Daten sind im Internet über <http://dnb.dnb.de> abrufbar.

Anschrift des Herausgebers

Prof. Dr. Dr. h.c. mult. Martin Tamcke

E-Mail: martin.tamcke@theologie.uni-goettingen.de

Dieses Buch ist auch als freie Onlineversion über die Homepage des Verlags sowie über den Göttinger Universitätskatalog (GUK) bei der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen (<http://www.sub.uni-goettingen.de>) erreichbar. Es gelten die Lizenzbestimmungen der Onlineversion.

Satz und Layout: Jan Harten

Umschlaggestaltung: Jutta Pabst

Coverabbildungen: Aula der Universität Göttingen; Hauptgebäude der Universität Perm

© 2017 Universitätsverlag Göttingen

<https://univerlag.uni-goettingen.de>

ISBN: 978-3-86395-336-2

DOI: <https://doi.org/10.17875/gup2017-1063>

Inhaltsverzeichnis

Vorwort 1 (Martin Tamcke)	1
<i>Предисловие 1 (Мартин Тамке)</i>	3
Vorwort 2 (Liubov Fadeeva)	7
<i>Предисловие 2 (Любовь Фадеева)</i>	9
1. Peter Bieri: „Wie wollen wir leben?“ (Jan Harten)	11
<i>Петер Бири: «Как мы хотим жить?» (Ян Хартен)</i>	15
2. Alexej Iwanow: Der Geograf, der den Globus austrank (Valerija Permjakova)	21
<i>Алексей Иванов: Географ глобус пропил (Валерия Пермякова)</i>	27
3. Alexander Terechow: Die Deutschen (Jelizaweta Tunewa)	33
<i>Александр Терехов: Немцы (Елизавета Тунева)</i>	37
4. Wladimir Kirschin: Privatleben. Szenen aus dem Privatleben der Permjaken ¹ 1955 – 2001 (Michail Grabewnik)	41
<i>Владимир Киришин: «Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955-2001» (Михаил Грабевник)</i>	47
5. Semjon Wachsmann: Die ganze Erde (Walentina Parschakowa)	51
<i>Семен Ваксман: Вся Земля (Валентина Паршакова)</i>	59

¹ Bewohner der Stadt Perm (Anm. d. Übersetzerin).

6.	Maia Kutscherskaja: Tante Motja (Inna Waskina)	65
	<i>Майя Кучерская: Тетя Мотя (Инна Вакина)</i>	69
7.	Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt (Jonas Trodler)	73
	<i>Даниель Кельманн: Измерение мира (Йонас Тродлер)</i>	77
8.	Jaan Kross: Professor Martens' Abreise (Judith Schaefer)	83
	<i>Яан Кросс: Уход профессора Мартенса (Юдит Шефер)</i>	87
9.	Pascal Mercier: Nachtzug nach Lissabon (Jannik Garvs)	93
	<i>Паскаль Мерсье: Ночной поезд на Лиссабон (Янник Гарвс)</i>	97
10.	Christoph Poschenrieder: Wie will der Mauersegler leben? (Lorena Feige)	101
	<i>Кристоф Пошенридер: Чёрный стриж (Лорена Файге)</i>	105
11.	Erste Eindrücke (Martin Tamcke)	111
12.	Göttinger und Russen (Martin Tamcke)	113
	<i>Гёттингенцы и русские (Мартин Тамке)</i>	121

Vorwort 1

Martin Tamcke¹

Im vergangenen Jahr reiste der niedersächsische Ministerpräsident Stephan Weil nach Perm, die russische Partnerregion des Landes Niedersachsen. Dabei stellten die Politiker beider Seiten fest, dass es dringend geboten sei, den Austausch zwischen den Regionen wieder zu aktivieren. In Niedersachsen wurde daraufhin eine Ausschreibung veröffentlicht, welche die kulturellen Institutionen, darunter auch die Universitäten, einlud, sich mit Projekten zu bewerben, die den Austausch befördern können. Wir hatten im Rahmen eines größeren EU-Projekts gute Kontakte nach Perm aufgebaut, hatten Wissenschaftler von dort bei uns in Göttingen und waren für längere Aufenthalte in Perm. Dies war eine – wie mir schien – geniale Voraussetzung, sich mit einem Projekt auf die Ausschreibung zu bewerben. Die Bewerbung war erfolgreich und Liubov Fadeeva war – wie stets – eine verständnisvolle Partnerin, mit der es nicht schwierig war, eine gemeinsame Basis für ein Projekt zu finden.

Seit Peter Bieri seine Vorlesungen zu der Frage, wie wir leben wollen, in Buchform veröffentlichte (zunächst in Österreich, nun auch als Taschenbuch in Deutschland), jagte eine Auflage die nächste. Hier hatte ein bekannter Philosoph, der in Berlin lehrte und in Göttingen Mitglied der Akademie der Wissenschaften ist, offensichtlich den Nerv vieler Zeitgenossen getroffen. Kein Wunder, dass er unter dem Pseudonym Pascal Mercier auch zu einem der erfolgreichsten Schriftsteller des gegenwärtigen Deutschlands avancierte. Das Projekt widmet sich der

¹ Professor Dr. Dr. h.c. mult. Martin Tamcke, Ökumenische Theologie, Georg-August-Universität Göttingen.

Fragestellung Bieris, aber nicht im freien Gespräch oder anhand philosophischer und theologischer Entwürfe, sondern anhand von Romanen, die zu gleichen Teilen aus gegenwärtiger russischer und gegenwärtiger deutscher Literatur stammen. Zwei Romane der deutschen Seite thematisieren speziell auch die Göttinger Universität, und zwar in Gestalt einiger ihrer herausragenden Repräsentanten. In das Gespräch darüber, wie darin die Frage nach den Zielen und Wünschen der eigenen Lebensführung und Lebenserwartung zur Sprache kommt, sollen auch die Ziele, Wünsche, Erwartungen und Sehnsüchte der beteiligten Studierenden einfließen. Dadurch wird das scheinbar Fiktionale in seinem Wirklichkeitsbezug zum heutigen Leben erkennbar. So hoffen wir, einen Beitrag zur Völkerverständigung leisten zu können, der Grenzziehungen hinter sich lässt und neben den üblichen interkulturellen Effekten zu transkulturellen Dimensionen vorstößt. Das Gemeinsame gilt es zu entdecken in der Verschiedenheit. Anhand einer Frage, auf die alle geistig freien Menschen aller Kulturen eine Antwort für sich finden müssen, wollten wir zu allem, was uns wissenschaftlich und kulturell aneinander bewegen mag, einen gemeinsamen menschlichen Resonanzboden erkunden. Was dabei von den Studierenden eingebracht wurde, findet sich in diesem Heft zusammengetragen.

Zu danken haben wir Jan Harten, unserer wissenschaftlichen Hilfskraft am Göttinger Institut, der die Verantwortung für die Erstellung der Druckfassung der Texte trug, Stanislaw Paulau, der die anbahnenden Gespräche in Perm begleitete, Frau Dr. Esther von Richthofen vom Büro für Internationale Beziehungen an der Georg-August-Universität, die uns als Regionalreferentin zu dem Projekt ermutigte und Frau Daniela Barton, ohne die die administrativen Erfordernisse gar nicht zu leisten gewesen wären. Ich danke außerdem der Niedersächsischen Landesregierung, den Studierenden aus Perm und Göttingen sowie allen, die sich mit uns auf dieses Abenteuer einließen. Es ist gut, wenn in einer Zeit, in der die Zerspalter dieser Welt wieder Aufwind haben, sich Menschen an das Gemeinsame oder an den Brückenbau zwischen Kulturen wagen und damit die Hoffnung auf Verständigung aufrechterhalten – jenseits aller Zersplitterung.

Предисловие 1

Мартин Тамке¹

В прошлом году состоялась поездка премьер-министра Земли Нижняя Саксония Петера Вайля в Пермь и Пермскую область - регион-побратим Нижней Саксонии. Участники переговоров пришли к выводу о насущной необходимости стимулировать межрегиональные сотрудничество и обмен. Одним из результатов этой поездки стал объявленный в Нижней Саксонии конкурс проектов, направленных на активизацию данного сотрудничества. Принять участие в конкурсе могли различные учреждения культуры, в том числе и университеты. В рамках одного из проектов ЕС мы уже наладили прочные связи с Пермью, приглашали тамошних учёных в Гёттинген и ездили в длительные командировки в этот город. Мне подумалось, что это просто гениальная предпосылка для участия в данном конкурсе. Нам сопутствовал успех, а Любовь Фадеева оказалась – как всегда – понимающим и вдумчивым партнёром, с которым оказалось несложно найти общий язык. С тех пор как Петер Бири опубликовал свои лекции на тему «Как мы хотим жить?» отдельной книгой (первоначально в Австрии, а затем книга вышла в мягкой обложке и в Германии), это произведение выдержало множество изданий. Очевидно, что этот известный философ, преподававший в Берне и являющийся членом Академии Наук в Гёттингене, затронул невероятно важный и даже болезненный для немалого числа современников вопрос. Неудивительно, что ему - под псевдонимом Паскаль Мерсье - также

¹ Профессор доктор Мартин Тамке, экуменического богословия, Геттингенский университет имени Георга Августа, почетный доктор нескольких университетов.

сопутствовала удача, и роман «Ночной поезд на Лиссабон» принёс Бири славу одного из наиболее успешных писателей современной Германии. Наш проект посвящён поставленному автором вопросу, ответ на который мы ищем не при помощи философских или богословских концепций и не в свободной дискуссии, а в чтении романов. При этом выбрано было для анализа одинаковое число русскоязычных и немецкоязычных произведений. Темой двух из немецких романов является Гёттинген в образе его выдающихся представителей. Разговор должен был идти о том, насколько литературные произведения выражают жизненные цели и пожелания, причём студентам предстояло рассказать и о своих собственных целях, мечтаниях и опыте. Таким образом то, что представляется вымыслом, обретает связь с реальностью сегодняшней жизни. Мы надеемся с помощью данного проекта внести посильный вклад во взаимопонимание между народами, преодолевая границы и прорываясь, помимо обычных позитивных эффектов соприкосновения двух культур, в транскультурные изменения. Мы стремимся найти общность в различии. Исходя из вопроса, на который каждый духовно свободный человек, представитель любой культуры, обязан найти для себя ответ, мы отправляемся на поиск общей для нас основы всему тому, что нас объединяет, в научном и культурном отношении. В этой книге – вклад студентов в наш совместный проект.

Приношу свою благодарность Яну Хартену, научному сотруднику института в Гёттингене, на котором лежала ответственность за оформление и подготовку текстов к печати, Станислау Палау, помогавшего вести переговоры в Перми, а также г-же доктору Эстер фон Рихтхофен, сотруднице Бюро международных связей при Университете Георга Августа в Гёттингене, являющейся референтом по региону, которая поддержала нашу идею, а также г-же Даниэле Бартон, которая взяла на себя административную работу. Также считаю необходимым поблагодарить правительство Нижней Саксонии, студентов Гёттингена, пермских студентов и всех, кто решился пуститься с нами вместе в это приключение.

Приятно осознавать, что именно сегодня, в противовес всем тенденциям вновь расколоть этот мир, люди всё же находят мужество искать точки соприкосновения и наводить мосты между культурами. Значит надежда на взаимопонимание всё ещё жива – вне зависимости от всей раздробленности.

**Martin Tamcke und eine russische Übersetzerin
im Gespräch mit unseren Gastgebern in Perm**

Vorwort 2

*Liubov Fadeeva*¹

Wie lassen sich am besten die Bücher aussuchen, die uns helfen könnten, das Land, die Gesellschaft, die Menschen und deren Selbstbild sowie deren Lebenskonzepte zu verstehen, um dadurch zu begreifen, wie sie leben wollen? Wir können uns einerseits an der Anerkennung des Schriftstellers und seiner Werke durch die Gemeinschaft der Schriftsteller orientieren oder uns nach der Beliebtheit des Buches bei den Lesern richten. Diese Werte und Kennzahlen stimmen nicht unbedingt überein. Es ist ebenfalls möglich, sich von dem eigenen Geschmack leiten zu lassen: Welche Bücher gefallen mir, welche finde ich interessant. Ich glaube, es hat keinen Sinn, Bücher zu empfehlen, die einem langweilig oder gar ekelhaft erscheinen.

Bei meinen Empfehlungen ließ ich mich von einem Bündel an unterschiedlichen Kriterien leiten. Die Romane von Alexej Iwanow, Maja Kutscherskaja und Alexander Terechow erhielten mehrere nationale Auszeichnungen und stießen auf eine heftige, wenn auch nicht immer eindeutig positive, Reaktion der Leser. Indes sind Bücher von Wladimir Kirschin und Semjon Wachsmann von einer ganz anderen Sorte. Diese Werke wurden von den Bewohnern des Gebiets Perm und über diese Region geschrieben. Der Begriff der Region wurde dabei breit gefasst und zugleich erlauben uns diese Literaturwerke, durch die regionale Perspektive über die Probleme des Landes als Ganzem sowie die Probleme der Welt und der menschlichen Zivilisation nachzudenken.

¹ Professorin Dr. Liubov Fadeeva, Politikwissenschaften, Staatliche Universität Perm.

Scheinbar haben all diese Bücher nur wenig gemeinsam, mit Ausnahme der klaren und bildhaften Literatursprache. Die Protagonisten der Romane von Iwanow und Kutscherskaja gehören zu der breiten Schicht der Intelligenzija, genauer gesagt – zu deren Unterschicht: Es sind ein Geografielehrer in der Schule sowie eine Philologin und eine Verlagslektorin. Das Leben dieser Menschen ist voller Alltagsorgen und -probleme: Wie komme ich über die Runden, wie überlebe ich, wie finde ich Sinn in meinem Beruf? In Terechows Roman handelt es sich um hochrangige Beamte, die nach einem völlig anderen Wertekanon leben. Das Geld interessiert sie nur insofern, dass sie bemüht sind, ihr Vermögen weiter zu vermehren. Ihre größte Sorge ist es, ihre berufliche Position zu sichern. Kirschins Werk erscheint beinahe wie eine Dokumentation des Lebenswandels eines Durchschnittsbewohners einer größeren regionalen Metropole während der letzten 50 Jahre. Er beschreibt das Umfeld dieses Menschen, Dinge, die ihn umgeben, Ereignisse, die ihm widerfahren. Wachsmanns Grundidee besteht darin, die Schicksale von Menschen zu verbinden, die durch Jahrhunderte und Kontinente voneinander entfernt sind.

Nichtdestotrotz zeichnen alle diese Bücher gemeinsam das Bild der gesellschaftlichen Realität in Russland, ein unlackiertes Bild, frei von jeglichen Ausschmückungen und Verzierungen, ein Bild, das beizeiten bitter und wenig schmeichelhaft erscheint. Auch die Liebe, wie sie in diesen Romanen dargestellt wird, hat nichts von einer Seifenoper. Doch genau diese Liebesbeziehungen erfüllen das Leben der Protagonisten mit Gefühlen und Sinn. Sie leiden und versuchen, sich in ihrem Streben nach Freiheit und nach einfachem Glücklichen aus den gesellschaftlichen Zwängen zu befreien.

Gewissermaßen ist es den Autoren gelungen, dem Leitprinzip von Leo Tolstoi zu folgen, der behauptete, die Aufgabe eines jeden Schriftstellers sei es, die Liebe zum Leben in seiner endlosen Vielfalt zu lehren.

Предисловие 2

*Любовь Фадеева*¹

Как выбрать книги, которые бы помогли понять страну, общество, людей, их представление о себе, о том, как они живут, а через это – как бы они хотели жить? Можно пойти по пути признания авторов и их произведений в литературном сообществе, можно – по популярности книг среди читателей. Известно, что далеко не всегда эти показатели совпадают. Можно руководствоваться собственным вкусом: какие книги понравились, какие было интересно читать. На мой взгляд, нет смысла рекомендовать для чтения и анализа книги, которые показались скучными или вызвали отвращение.

В моих рекомендациях соединились разные критерии. Романы Алексея Иванова, Майи Кучерской и Александра Терехова отмечены многими литературными премиями общероссийского уровня и вызвали бурную реакцию читающей публики, правда, далеко не однозначную. Однако, равнодушными читателей не оставили. Книги Владимира Киришина и Семена Ваксмана – другого плана. Они написаны пермяками и о Пермском крае в широком смысле этого слова, и в то же время позволяют через этот региональный фокус выйти на проблемы страны, цивилизации, мира.

Казалось бы, предложенные книги мало что объединяет, за исключением хорошего литературного языка – яркого и образного. В романах Иванова и Кучерской главные герои – представители так называемой массовой интеллигенции, ее нижнего слоя – школьный учитель географии, филолог – корректор в издательстве, жизнь которых полна каждодневных забот: как

¹ Профессор Любовь Фадеева, доктор исторических наук, Пермский государственный университет.

выжить, где взять деньги, как найти смысл в своей работе. Роман Терехова – о чиновниках достаточно высокого ранга, у которых совершенно иная шкала ценностей – материальных и духовных; деньги их волнуют в плане наращивания своих ресурсов, а самая большая забота – закрепиться на своем месте. Киршин в своих почти что документальных очерках воспроизводит полвека жизни среднего человека крупного регионального города через описание окружающей его среды, вещей, событий. Замысел романа Ваксмана в том, чтобы связать воедино судьбы людей, разделенных столетиями и континентами.

Тем не менее, в совокупности эти книги дают картину современного российского общества, не приукрашенную, не залакированную, местами горькую и неприятную. И любовь в них не как в «мыльных операх». Но именно она наполняет жизнь героев чувствами и смыслом. Они страдают и бьются о жизненные оковы в поисках свободы и простого человеческого счастья.

В известном смысле, авторам удалось следовать принципу Льва Толстого, который считал задачей писателя – научить любить жизнь в бесконечных ее проявлениях.

Liubov Fadeeva und Martin Tamcke

Peter Bieri: „Wie wollen wir leben?“

Jan Harten

1 Der Autor

Peter Bieri ist Schriftsteller und Philosoph. Vor seiner Emeritierung übte er unter anderem eine Professur für Philosophie an der Freien Universität Berlin aus. Zu Bieris wichtigsten philosophischen Veröffentlichungen zählt „Das Handwerk der Freiheit“. Unter dem Namen Pascal Mercier veröffentlichte er außerdem die Bestseller-Romane „Nachtzug nach Lissabon“ und „Lea“. Für sein wissenschaftliches Werk und seine Romane wurde er mehrfach ausgezeichnet, unter anderem mit der Lichtenberg-Medaille der Göttinger Akademie der Wissenschaften.

2 Zum Inhalt von „Wie wollen wir leben?“

Bieri entfaltet die Frage anhand von drei Leitbegriffen: Selbstbestimmung, Selbsterkenntnis und kultureller Identität.

Dabei identifiziert er im ersten Schritt ein selbstbestimmtes Leben als erstrebenswert und erörtert, was genau er unter Selbstbestimmung versteht. Im zweiten Schritt erklärt Bieri, inwiefern Selbsterkenntnis als ständiger Prozess zu einem selbstbestimmten Leben notwendig ist. Dieser identitätsbildende Prozess vollzieht sich immer in einer spezifischen Kultur, von der wir von Geburt an geprägt werden. Deshalb illustriert Bieri im dritten Schritt, inwiefern der einzelne Mensch durch seine kulturelle Identität geprägt ist und wie sich Selbstbestimmung in Auseinandersetzung mit Kultur vollzieht. Zentral ist dabei die Frage, wie man durch kritische Aneignung (bewusste Annahme oder Ablehnung einzelner Elemente) von

Kultur die eigene Freiheit ergreifen kann, das heißt, „aus dem Schatten blinder Prägungen herauszutreten und sich zu fragen, wer man sein möchte“.

2.1 Selbstbestimmung

Selbstbestimmung meint bei Bieri weder ein isoliertes, von meinen Mitmenschen unabhängiges Dasein, noch frei und ganz neu zu bestimmen, wie ich denke, handle und fühle. Ohnehin sei keines von beidem möglich, da wir von Geburt an durch unzählige Menschen und Einflüsse unfreiwillig und ganz spezifisch geprägt werden. Stattdessen zielt Bieri auf den Prozess ab, Selbstbild und Wirklichkeit in Einklang zu bringen. Für das Selbstbild sind dabei vor allem zwei Fragen entscheidend: *Wer möchte ich sein?* Und *was ist mir wichtig?* Überhaupt erst möglich wird dieser Prozess durch die menschliche Fähigkeit, einen inneren Abstand zum eigenen Erleben aufzubauen. Einerseits geschieht dies durch *Erkennen und Verstehen*: Was denke, fühle und will ich eigentlich? Auf diese Weise erkenne ich, dass meine Art zu leben eben nur eine *Möglichkeit* ist, neben der es auch noch andere Möglichkeiten gibt, die ich wählen kann. Andererseits kann ich eine Distanz zu meinem Erleben schaffen, indem ich auf die Ebene der *Bewertung* wechsele: Bin ich eigentlich zufrieden mit meiner gewohnten Art, die Dinge zu sehen und mit ihnen umzugehen? Bieri veranschaulicht diese Ebene anhand eines „Ichs“, das mit dem hadert, was es erlebt (zum Beispiel Neid und Hass auf andere) oder mit seinem Willen in Konflikt ist (weil es unzufrieden auf sein bisheriges Streben nach Ruhm und Erfolg blickt).

Ermöglicht wird durch diesen Abstand erstens, dass ich mich trotz der vielen Einflüsse, von denen ich bestimmt bin, aktiv zu meinem Handeln, Denken und Fühlen verhalten kann. Das Leben stößt mir so nicht einfach zu, sondern ich erlebe mich als Subjekt, das das Bild von sich selbst immer wieder neu entwickelt, revidiert und anpasst. Unvermeidbar und natürlich ist dabei laut Bieri, dass wir in diesem Prozess von unserer Umwelt *beeinflusst* werden. Ein Problem stellt dagegen *Manipulation* dar, die Bieri von bloßer Beeinflussung unterscheidet. Manipulation läuft nämlich planvoll ab und ist deshalb keiner Kontrolle durch das eigene Selbstbild zugänglich. Dies geschehe beispielsweise in versteckter Werbung oder wenn ein Mensch ganz gezielt die Gefühle eines anderen ausnutzt. Als Folge entfernen wir uns von unserem Selbstbild und erleben dies als innere Zerrissenheit. Vor diesem Hintergrund ruft Bieri zu kritischer „Wachheit“ gegenüber Handlungen und Worten anderer auf. Konkret versteht er darunter eine ständige Suche nach gedanklicher Klarheit: Was genau *bedeutet* das? Und woher *weiß* ich das eigentlich? So einleuchtend diese Fragen klingen – zwangsläufig sind sie nicht. Jeder übernimmt seit seiner Kindheit Urteile über sich selbst oder die eigene Umwelt, deren innere Logik und Richtigkeit er erst viel später oder nie überprüft.

Zweitens lerne ich durch die Fähigkeit innerer Distanz zu meinem Erleben mich, also meine Affekte, Wünsche, Gedanken und Gefühle, immer besser kennen. Dies führt zum Thema „Selbsterkenntnis als Weg zu Selbstbestimmung“.

2.2 Selbsterkenntnis

Zu verstehen, wer man ist, zielt bei Bieri darauf ab, zu überprüfen, wie plausibel und wirklichkeitsnah das bisherige Selbstbild ist, da es eher willkürlich von Konventionen, zufälligen Begegnungen und dem Zufall der eigenen Bildungsgeschichte geprägt sei. Dabei werden bisher „verdunkelte“ Triebkräfte aus dem Unbewussten ins Bewusstsein überführt. Es geht letztlich um das Erkennen des Eigenen (Fühlens, Denkens und Wollens), ohne äußere Zwänge hinsichtlich dessen, wie das Erkannte sein soll. Wichtig ist an dieser Stelle, dass es Bieri bei Selbsterkenntnis zwar auch um Achtsamkeit für die *inneren Empfindungen* geht. Allerdings stelle dies nur den ersten Schritt dar, da die eigene, nach innen gerichtete Aufmerksamkeit anfällig ist für Selbsttäuschungen. Wenn Wut gerade zweckmäßiger als Traurigkeit erscheint oder von anderen erwartet wird, erlebe ich mich eventuell eher wütend als traurig. Und wenn es um die Frage der moralischen Überlegenheit geht, belügen wir Menschen uns besonders gern. Deshalb sei es nötig, nicht bei dem Blick nach innen stehen zu bleiben, sondern sich aus der Außenperspektive zu betrachten und retrospektiv zu fragen, was geschehen ist. Ein so tiefgründiger Deutungsprozess sei notwendig, um die wichtigen Vorgänge im Leben zu verstehen, beispielweise „warum wir einen Brief nicht beantworten“ oder ein Studium beenden. Dabei kann der Blick anderer Menschen als Korrekturinstanz enorm helfen, um den eigenen Versuchen vorzubeugen, sich und andere zu täuschen.

Zentral ist in dem Prozess der Selbsterkenntnis für Bieri das Motiv, die „eigene Stimme“ zu finden. Dies beschreibt er anhand des Schreibens einer Geschichte: In der Auseinandersetzung mit den Figuren, im Schaffen einer bestimmten Atmosphäre sowie in der Wahl seiner Erzählperspektive wird sich der Autor immer mehr gewahr, wer er ist (und wer nicht). Bieri will hier allerdings nicht das glückliche Los einiger weniger Schriftsteller herausstellen, sondern einen wichtigen Zugang zu Selbsterkenntnis für jeden Menschen freilegen: sich selbst auszudrücken und sich darin zu erkennen. Oder um es mit Bieri zu sagen: „Man betrachtet, was man gemacht und wie man es gemacht hat und sieht: So also bin ich auch.“

2.3 Kulturelle Identität

Die Auseinandersetzung mit Kultur in Richtung Selbstbestimmung bezeichnet Bieri als Bildungsprozess. Wie schon bei der Selbstbestimmung (siehe oben) geht es ihm auch hier darum, sich aus dem anfänglichen Zustand, in dem einem Kultur nur widerfährt, zu einer aktiven, kritischen Aneignung derselben zu entschließen. Als Beispiel beschreibt Bieri diejenige Person, die sich bewusst für eine (Fremd-)Sprache entscheidet, in der sie ihre eigene Stimme findet, anstatt sich aus Bequemlichkeit oder Alternativlosigkeit in der eigenen Muttersprache auszudrücken. Dabei unterscheidet Bieri unterschiedliche Dimensionen, in denen man sich (s)eine Kultur aneignet: Sprache, die den Menschen überhaupt erst zu einem Kulturwesen macht; Wissen, Wahrheit und Vernunft; den Blick der Anderen, durch den wir die

eigene Stimme besser identifizieren können; Selbstbestimmung und Würde; Moral als Kampf gegen die Grausamkeit im Zusammenleben; religiöse und säkulare Identität. Entscheidend für den von Bieri aufgezeigten Bildungsprozess ist am Ende, dass wir nicht bloß äußerliches Wissen *über* die eigene Kultur ansammeln (gekannte Kultur), sondern die einzelnen Elemente (zum Beispiel Romane oder Filme) so erfahren, dass sie etwas *in uns* auslösen und verändern (gelebte kulturelle Identität). Erst so kann Kultur zu dem ständigen Prozess werden, in dem man sich mit den entscheidenden Fragen konfrontiert: *Wer möchte ich sein?* Und *was ist mir wichtig?*

3 Persönlicher Ausblick

Bieris Ausgangsfrage „Wie wollen wir leben?“ ist sehr konkret. Seine Antworten bleiben jedoch meist abstrakt und beschreiben weniger konkrete Lebensentwürfe, als vielmehr große Motive, von denen der Leser es entweder schafft, eine Brücke zu seinem eigenen Kontext zu schlagen, oder nicht.

Für mich persönlich war das Motiv, die eigene Stimme zu finden, besonders inspirierend. Anders als Bieri erlebe ich allerdings den Blick nach innen, die Achtsamkeit für meine inneren Regungen und meine Intuition durchaus nicht nur als Startpunkt, sondern immer wieder als letztes Kriterium, um zu prüfen, was mir wichtig oder wirklich erscheint. Mich in diesem Blick zu üben und hierfür eine Wachheit zu entwickeln, scheint mir deshalb extrem hilfreich.

Auch Bieris Appell zur Wachheit gegenüber dem, was in und um uns herum passiert, kann ich viel abgewinnen. Besonders im zwischenmenschlichen Kontakt sehe ich die Gefahr, andere Menschen als bloßes Mittel zum Zweck zu sehen und aus einem bestimmten Interesse heraus manipulativ auf sie einzuwirken. Und auch das individuelle Verhalten erscheint mir oft nicht besonders selbstbestimmt, wenn ich an die Vielfalt von „inneren Wahrheiten“ (wie „Mich liebt niemand!“ oder „Arbeiterkinder studieren nicht!“) denke, von denen Menschen unbewusst und doch stets wirksam geprägt werden. Hier tut man tatsächlich gut daran, immer wieder kritisch zu fragen: *Was genau bedeutet das?* Und *woher weiß ich das eigentlich?* Diese Fragen nicht nur an die eigene Sicht auf das „Außen“ zu stellen, sondern auch das eigene Selbstbild, also den Blick auf mich selbst, immer wieder neu daraufhin zu befragen, scheint mir ein lohnenswertes Experiment zu sein, um innerlich Stück für Stück freier zu werden.

Literatur

Peter Bieri, *Wie wollen wir leben?*, München 72016.

Петер Бири: «Как мы хотим жить?»

Ян Хартен

1 Автор

Петер Бири писатель и философ. До ухода на пенсию он был в числе прочего профессором философии в Вольном университете Берлина. Среди наиболее значительных публикаций Бири следует назвать «Ремесло свободы». Под псевдонимом Паскаль Мерсье он являлся автором таких бестселлеров как «Ночной поезд на Лиссабон» и «Леа». За выдающиеся заслуги в области науки и литературы он удостоился многочисленных премий, одной из важнейших наград стала для Бири Медаль имени Лихтенберга, вручённая писателю Академией наук Гёттингена.

2 Коротко о содержании «Как мы хотим жить?»

Бири освещает этот вопрос на примере трёх ключевых понятий: самоопределение, самопознание и культурная идентичность.

При этом в качестве первого шага он утверждает, что жизнь на основе самоопределения является достойной целью, и даёт своё собственное понятие самоопределению. В качестве следующего шага Бири рассуждает о том, почему для жизни на основе самоопределения необходим постоянный процесс самопознания. Данный процесс, который и формирует нашу идентичность, протекает всегда в рамках определённой культуры, налагающей на нас с самого детства свой отпечаток. Посему в качестве третьего шага Бири уделяет внимание этому отпечатку культурной

идентичности, каковой несёт на себе каждая человеческая личность. Автор демонстрирует, как процесс самоопределения разворачивается в столкновении, в споре с культурой. Центральную роль играет при этом следующий вопрос: насколько критическое усвоение культуры (сознательное приятие или отторжение отдельных её элементов) позволяет обрести индивидуальную свободу, т.е., по словам автора, «покинуть тень слепого следования готовым образцам и спросить себя: кем я хочу быть?»

2.1 Самоопределение

Под самоопределением Бири не понимает ни независимое от окружающих существование, ни возможность свободно и совершенно по-новому решать, как я думаю, поступаю и чувствую. Подобная ситуация так и так в реальной жизни невозможна, поскольку с самого рождения и независимо от нашей воли на нас оказывает влияние бесконечное число людей и событий, формируя нас определённым образом. Бири скорее заостряет внимание на процессах, ведущих к гармоничному сочетанию комплекса представлений человека о самом себе и окружающей действительности. Два вопроса приобретают для представления личности о себе первоочерёдное значение: *Кем я хотел бы быть?* и *Что для меня важнее всего?* Процесс сближения вышеуказанного комплекса представлений и действительности становится возможным благодаря способности человека внутренне дистанцироваться от собственных переживаний. С одной стороны, это происходит путём *познания* и *понимания*: что я думаю, чувствую и к чему я стремлюсь? Таким образом я осознаю, что то, как я живу, – это всего лишь одна возможность из многих, что мне предоставлены и другие возможности и я могу выбрать одну из них. С другой стороны, я могу отстраниться от переживаемого мной, перейдя на уровень «*оценивания*»: испытываю ли я чувство удовлетворения от того, как я привык видеть окружающие меня вещи и обращаться с ними? Бири приводит для пояснения своих рассуждений пример некоего «Я», которое не в ладу со своими ощущениями и переживаниями (зависть и ненависть по отношению к другим людям) или, например, находится в состоянии конфликта со своей собственной волей (поскольку это «Я» с неприятным чувством оглядывается на своё прежнее стремление к успеху и славе).

Я в состоянии действовать подобным образом, во-первых, потому, что я, несмотря на влияние различных обстоятельств и других людей, от которых я завишу, всё же обладаю свободой и могу занять активную позицию по отношению к моим собственным поступкам, мышлению и ощущениям. Было бы неправильно утверждать, что жизнь со мной просто случается, напротив, я воспринимаю себя самого в качестве субъекта, постоянно вновь формирующего, пересматривающего и изменяющего представление о себе. С точки зрения Бири представляется неизбежным и в то же время естественным, что окружающая среда оказывает в ходе данного процесса на

нас определённое *влияние*. Напротив, проблематичной представляется *манипулирование*, каковое Бири чётко отличает от *воздействия*. Манипуляция – это планомерный процесс и потому неподвластно контролю со стороны представлений человека о самом себе. В качестве примера манипулирования можно привести скрытую рекламу, а также ситуацию, когда один человек в своих целях использует чувства другого. Под воздействием манипуляции мы отдаляемся от наших представлений о самих себе – мы воспринимаем это состояние как внутренний разлад. Исходя из вышесказанного, Бири призывает нас «*бодрствовать*» и критически относиться к поступкам и высказываниям других людей. Конкретно этот призыв означает постоянное стремление к ясности мышления: что это *означает* в точности? И откуда я это, собственно говоря, знаю? Какими бы очевидными ни казались таким образом поставленные вопросы – нельзя сказать, чтобы они автоматически задавались людьми. С раннего детства каждый человек перенимает суждения других людей о себе самом и о своём окружении. Внутреннюю логику и правомерность данных суждений он или никогда критически не анализирует или делает это лишь много лет спустя. Во-вторых, благодаря способности внутреннего самоотстранения по отношению к переживаемому мной я могу всё лучше познать себя самого или мои аффекты, стремления, мысли и чувства. Таким образом мы подходим к теме «самопознание как путь к самоопределению».

2.2 Самопознание

Бири считает, что для того чтобы понять себя, необходимо проверить реалистичность и убедительность сформировавшихся за годы жизни представлений о себе, поскольку эти представления несут сильный отпечаток условностей, случайных встреч, а также в какой-то степени случайно выбранной специальности и приобретённых знаний. Подобная проверка выводит на поверхность из подсознания до тех пор скрытые движущие силы и помогает осознать их суть. Речь идёт о познании своей сущности, того, что человек может в полной степени назвать «своим» (ощущения, мышление и желания). Это познание свободно от давления извне, навязывающего нам мнение о том, как оценить познанное нами. Здесь важно подчеркнуть, что, хотя для Бири в отношении самопознания и важна прежде всего внимательность по отношению к внутренним ощущениям самого человека, однако это представляет собой лишь первый шаг, поскольку в подобной направленной вовнутрь себя внимательности кроется опасность самообмана. Так, например, если ярость в определённых обстоятельствах кажется мне или представляется моему окружению более правильной, целесообразной реакцией на ту или иную ситуацию чем грусть, то я вероятно скорее приду в ярость, чем впаду в грустное настроение. А если речь идёт о вопросе морального превосходства, то мы особенно охотно поддаёмся самообману.

Именно поэтому важно не остановиться на этом взгляде внутрь самого себя, но нужно научиться видеть себя со стороны, а также уметь оглянуться назад и проанализировать прошедшие события. Подобный глубинный процесс самоанализа необходим, чтобы постичь важные события и поступки в нашей жизни и суметь найти ответ на такие к примеру вопросы, как: *почему я не отвечаю на это письмо?* или *почему я бросил институт?* При этом мнение других людей крайне важно для корректировки процесса самопознания, в особенности для того, что воспрепятствовать попыткам обмануть самого себя и других.

Центральное место в самопознании занимает по мнению Бири стремление обрести «собственный голос». На примере такого творческого процесса, как написание литературного произведения, автор поясняет, что он имеет в виду: думая о своих героях, создавая определённую атмосферу и выбирая перспективу, исходя из которой будет вестись повествование, писатель всё глубже осознаёт себя и одновременно понимает, что же ему чуждо. Данный пример Бири приводит не с целью похвалиться счастливой писательской долей – в конце концов, не так много на свете писателей! Нет, автору хотелось бы указать каждому человеку путь к самопознанию, а именно найти путь самовыразиться и в плодах этого самовыражения узнать и обрести себя самого. Или, говоря словами Бири: «Человек видит плоды своего труда, своих действий. И он говорит себе: «Ах, вот оказывается какой я!»

2.3 Культурная идентичность

Критическое отношение к культуре и стремление к самоопределению Бири называет образовательным процессом. Как и в случае самоопределения, он считает, что каждый должен решиться активно и критически воспринимать культуру и уйти от изначального состояния, когда культура, образно говоря, с тобой «происходит». В качестве примера Бири приводит человека, сознательно переходящего на иностранный язык, который позволяет ему обрести собственный голос, вместо того, чтобы по привычке или по причине отсутствия альтернативы и дальше выражать себя на родном языке. Бири различает несколько «измерений» усвоения культуры: язык как основа становления человека в качестве субъекта культуры, знания, истина и разум, точка зрения других людей, через которую мы учимся лучше различать свой собственный голос, самоопределение и достоинство, мораль как орудие в борьбе против проявлений жестокости, религиозная или секулярная идентификация. Для того, чтобы образовательный процесс в понимании Бири проходил успешно, недостаточно простого усвоения знаний о собственной культуре (т.н. познанная культура), но необходимо соприкоснуться с отдельными элементами культуры (например, романами или фильмами) таким образом, чтобы это соприкосновение пробудило в нас какие-то чувства или мысли и заставило бы нас самих измениться (культурная

идентичность как образ жизни). Лишь в этом случае культура сможет стать для нас непрерывным процессом, который ставит перед нами решающий вопрос: *Кем я хочу быть? Что для меня в этой жизни важно?*

3 Личная перспектива

Изначально поставленный Бири вопрос «Как мы хотим жить?» очень конкретен. Однако отвечает автор на этот вопрос скорее абстрактным образом. Он описывает не конкретные жизненные концепции, а глобальные движущие мотивы. Сможет ли читатель перекинуть мостик от этих общих рассуждений к своей частной жизненной ситуации или нет, остаётся «за кадром».

Меня особенно вдохновляет призыв найти собственный голос. В отличие от Бири я воспринимаю взгляд внутрь себя, концентрацию на своих переживаниях и чувствах, а также мою собственную интуицию не как отправную точку, а скорее как важнейший и окончательный критерий, позволяющий мне понять, что для меня лично представляет значение. Именно поэтому мне кажется крайне важным «тренировать» этот взгляд внутрь себя.

Важен для меня и призыв Бири к внимательному, недремлющему отношению ко всему в нас самих и вокруг нас происходящему. В межчеловеческих взаимоотношениях я вижу опасность использования человека в качестве средства для достижения определённых целей или попыток манипулятивного воздействия на других людей в собственных, эгоистичных интересах. Мне кажется, что в поступках и поведении отдельного человека самоопределение занимает не слишком большое место. Стоит только подумать, насколько велико число «внутренних истин», как например «Меня никто не любит!» или «Дети рабочих не получают высшего образования!», которые накладывают на человеческое подсознание свой отпечаток и определяют поступки той или иной личности. Как раз в этом случае человек окажет самому себе неопенимую услугу, задавшись вопросом: *Что это означает конкретно? Откуда я это, собственно говоря, знаю?* Решившись на подобный эксперимент, т.е. ставя данные вопросы не только с точки зрения собственного взгляда на «внешний мир», но и критически анализируя свои представления о самих себе, мы шаг за шагом обретаем внутреннюю свободу.

Использованная литература

Bieri, P.: *Wie wollen wir leben?*, München 2016.

Kulturelle Begegnung in Gesang und Diskussion

Alexej Iwanow: Der Geograf, der den Globus austrank

Valerija Permjakova

1 Autor

Der Schriftsteller Alexej Iwanow wurde im Jahre 1969 in der Stadt Gorki in eine Familie von Schiffbauingenieuren geboren. Seinen Schulabschluss machte er in der Stadt Perm. Bereits als Kind wollte Alexej Iwanow Schriftsteller werden. Gleich nach dem Abitur reist er nach Swerdlowsk, um Kunstwissenschaften zu studieren. 1996 macht er seinen Studienabschluss an der Fakultät für Kunstgeschichte der Staatsuniversität von Ural.

In der ersten Dekade des 21. Jahrhunderts erlangt Iwanow Bekanntheit als aktiver Förderer und Anhänger des „Permtums“, indem er für den Transfer der Haushaltsmittel und eine verstärkte Finanzierung von lokalen Projekten und Kulturvorhaben eintritt. Im Jahre 2013 boykottiert er Perm und verlässt den öffentlichen Raum der Stadt, 2015 übergibt er einem Archiv in Jekaterinburg zwei seiner Buchmanuskripte: „Der Geograf, der den Globus austrank“ und „Das Herz von Parma“.

Es ist genau diesem Schriftsteller zu verdanken, dass in den 2010er-Jahren das „Konzept der Bergbauzivilisation“ dermaßen beliebt wurde. In dieser Vision ist Ural keine vergessene Provinz mit alten Fabriken, sondern ein einzigartiges Phänomen der russischen Welt.

Unter anderem verfasste Iwanow bekannte Werke wie „Obschtschaga na kro-wi“¹, „Bludo i MUDO“², „Serdze Parmi“³, „Zoloto bunta“⁴ sowie Bücher zu historischen und gesellschaftspolitischen Themen: „Chrebet Rossii“⁵, „Message: Tschusowaja“⁶, „Uwidet’ russkij bunt“⁷. Das bekannteste Werk Iwanows ist indes das bereits im Jahre 1995 geschriebene Buch „Geograf globus propil“⁸ – seinen Ruhm hat das Werk der Verfilmung durch den Regisseur Alexander Weledinskij im Jahr 2013 zu verdanken.

2 Das Buch

Der Roman „Der Geograf, der den Globus austrank“ wurde 1995 von Iwanow im Alter von 26 Jahren geschrieben und 2003 veröffentlicht. Darin lassen sich autobiographische Züge entdecken: Iwanow war einige Zeit als Lehrer tätig. Damals wunderte sich der künftige Schriftsteller über das Fehlen von Büchern und Filmen, welche realitätsnah über die Schule in der russischen Provinz berichten. Exakt gibt der Verfasser die Atmosphäre der „unheilvollen 90er“ wieder. Er zeigt, wie es in den sowjetischen Familien der damaligen Zeit zuging, auch über die früher tabuisierten Themen schreibt er – in der Literatur taucht das Thema „Sexualität“ damals immer häufiger auf. Im Roman begegnen uns immer wieder die unschönen Seiten menschlicher Existenz: Arbeitslosigkeit, Besäufnisse, der üble Geruch sexueller Beziehungen. Hinzu kommt der anstrengende Alltag eines einfachen Erdkundelehrers, der verzweifelt nach sich selbst, dem eigenen „Ich“, sucht.

Der Roman schildert das neue Leben in der postsowjetischen Ära. Die damaligen „Reformen“ bedeuten für den Protagonisten einen schweren Überlebenskampf. Aus diesem Grund ist der studierte Biologe gezwungen, eine Stelle als Geografielehrer an einer Schule vor Ort anzunehmen. Hier sieht er sich einer Schar von dreisten, faulen, zynischen und „kopfloren“ Neuntklässlern ausgesetzt, um mit ihnen einen erbitterten Kampf – zum Teil im übertragenen, zum Teil gar im buchstäblichen Sinne – auszutragen.

3 Die Geschichte von einem glücklichen und freien Menschen

Die Handlung des Romans spielt in der ersten Hälfte der 1990er-Jahre in Perm. Der Protagonist Wiktor Sluschkin ist ein „Geograf“ und ein Absolvent der Staats-

¹ „Wohnheim auf dem Blute“ (Anm. d. Übersetzerin).

² „Bludo und MUDO“ (Anm. d. Übersetzerin).

³ „Das Herz von Parma“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁴ „Das Gold der Rebellion“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁵ „Russlands Rückgrat“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁶ „Message: Tschusowaja“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁷ „Die russische Rebellion im Blick“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁸ „Der Geograf hat den Globus vertrunken“ (Anm. d. Übersetzerin).

universität von Ural. Er beginnt an einer Oberschule als Erdkundelehrer zu arbeiten. Ihm werden drei neunte Klassen zugeteilt. Der Geograf bezeichnet die Klasse 9 „a“ als „Rote Professoren“, in diese Klasse geht auch Mascha Bol'schakowa, eine der fleißigen Schülerinnen, in die sich der Geograf später verlieben wird, genauso wie sie sich in ihn; die Klasse 9 „b“ sind „die Väter“, die Beziehungen zu dieser Klasse gestalten sich als weitgehend freundschaftlich; die 9 „w“⁹ ist „das Sonderkommando“ – eine äußerst komplizierte und rebellische Schulklasse.

Der frisch gebackene Lehrer verbrachte seine Kindheit, Jugend sowie sein ganzes erwachsenes Leben in Perm, in dem Bezirk „Retschniki“¹⁰. Der Geograf lebt mit seiner Frau Nadja und der vierjährigen Tochter Tata zusammen. Vor Beginn des neuen Schuljahres erklärt ihm Nadja, dass sie ab sofort keine Ehe mit Wiktor führen wird und dass das Einzige, was die beiden jetzt miteinander verbindet, die Tochter Tata sei. Eine nicht unwichtige Rolle in dieser komplizierten Verkettung der Zwischenbeziehungen der Eheleute spielt Budkin, ein Schulfreund von Sluschkin. Mit ihm beginnt Nadja schon bald eine Affäre.

Am Anfang des Schuljahrs erzählt der Geograf während einer Unterrichtsstunde in der 9 „b“ über seine Wanderungen. Die Schüler zeigen sich interessiert und möchten gemeinsam mit dem Lehrer eine Raftingtour unternehmen. Im Frühjahr löst Sluschkin sein Versprechen ein und bereitet mit den „Vätern“ – Bormanow, Tjutin, Demonov und Tschebukin – eine Expedition vor. In der letzten Sekunde drängen sich ihnen Mascha, ihre Freundin Ljusja aus der 9 „a“ sowie der Rabauke und Viererschüler Gradusow aus der 9 „w“ auf.

Während der Wanderung sieht sich die Gruppe mit ungeheuren Schwierigkeiten und Hindernissen konfrontiert. Angesichts der extremen Herausforderungen ändert Gradusow plötzlich sein Verhalten. Während er dem Lehrer zuvor bei jeder Gelegenheit schaden wollte und zu jeder Gemeinheit bereit war - ob es nun darum ging, den Tafelschwamm in Urin zu tränken oder auf die Türklinke des Fachraums für Erdkunde zu spucken – steht Gradusow jetzt konsequent zum Geografen.

Einige Zeit nach der Rückkehr von der Expedition erfährt der Geograf, dass Mascha die Tochter der stellvertretenden Direktorin ist. Diese entdeckt ihrerseits, dass Mascha in den Erdkundelehrer verliebt ist, als sie die beiden eng umschlungen im entsprechenden Fachraum erwischt. Die stellvertretende Direktorin fordert Sluschkin auf, sofort zu kündigen, was er auch tut.

In dem Heimatbezirk von Sluschkin befindet sich eine Schiffsreparaturwerft, der größte Arbeitgeber und Betrieb in dieser Gegend. Alle bedeutenden Ereignisse im Leben Sluschkins lassen sich auf einer Karte markieren: Nowije Retschniki – Waldstück – Chaussee – Gratschewnik – Starije Retschniki – am Ankerplatz. Schiffe, die dort vor Anker eng neben einander liegen, besitzen eine gewisse Ähnlichkeit mit einer Stadtsilhouette. Alles passt in diesen Ort hinein, jedes Ereignis hat hier seinen Platz: sein gesamtes Leben, alle Gefühle und Emotionen, sämtliche Bezie-

⁹ Im Russischen ist „W“ der dritte Buchstabe des Alphabets (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁰ „Schiffsleute“ (Anm. d. Übersetzerin).

hungen, seine ersten Freunde, die ersten Prügeleien, der Spaziergang mit Mascha, eine Unterrichtsstunde. Dieser Ort, an sich nicht sonderlich groß, erscheint dem Menschen zugleich als riesig.

Das ganze Leben des Geografen spaltet sich in ein „Davor“ und ein „Danach“, und zwar in dem Augenblick, als Sluschkin mit seinen Schülern zu der längst versprochenen und ersehnten fünftägigen Expedition aufbricht. Während die Stadt für den Geografen mit komplexen und undurchsichtigen Beziehungen, Alltagsproblemen und einem Durcheinander assoziiert wird, so werden während der Wanderung all diese Sorgen von der unermesslichen Weite verschlungen.

Fünf Tage – das ist so wenig und zugleich so viel, um die Freiheit zu erlangen, um einen inneren Kampf auszutragen – und diesen zu gewinnen. Wie viel lässt sich in dieser kurzen Zeit durchleben und fühlen, um von „der ewigen Unbehaglichkeit des nordischen Zaubers“ zu den „neblig bis zum Horizont fließenden grandiosen Weiten der borealen Nadelwälder“ zu gelangen. Wie gering erscheint angesichts der unermesslichen Taiga der Mensch mit seinen Unklarheiten, Problemen und seiner Unordnung. „Ein aufblasbares Plundergebäck und eine Handvoll Menschlein darin – inmitten des bedrohlichen Ozeans der Taiga. Es ist wie ein Messer am Hals, wie die erste Liebe, wie das letzte Poem.“ Erst während dieser Raftingtour begreifen deren Teilnehmer und wir, die Leser, mit ihnen, dass „[...] die Taiga und die Felsen zu etwas Wichtigem in ihrem Leben geworden sind, wichtiger und bedeutsamer als vieles, wenn nicht das Wichtigste überhaupt.“

Dieses kurze fünftägige Leben, das mit solch einem überragenden Sinn erfüllt war, begann am Bahnhof Perm-II und ging im Dorf Meshen' zu Ende. Obwohl der Geograf zuvor bereits etliche Male solche Raftingtouren unternommen hatte – erst während dieser Expedition erschließt sich ihm deren Sinn. Ihr Schlauchboot legte die Strecke zwischen der Semitschelowetschja und Rassochoa zurück – es war wie eine Fahrt durch das Schicksal der Erde selbst hindurch, von den uralten Heiligtümern bis zu den Konzentrationslagern. Er bewegte sich durch diese Expedition, über die Flüsse Ponisch und Ledjanaja, durch diese Natur wie durch seine Liebe hindurch. „Und ich bin nicht einfach Fleisch vom Fleisch dieser Erde. Ich bin ihre detailgetreue Kopie. Ich gebe mit allen Kurven meines Schicksals, meiner Liebe, meiner Seele ihren Sinn wieder. Ich dachte, ich hatte diese Tour aus meiner Liebe zu Mascha organisiert. Es stellte sich heraus, dass ich die Expedition einfach aus Liebe organisiert hatte. Vielleicht wollte ich genau das den ‚Vätern‘ beibringen – diese Liebe. Obwohl ich eigentlich nichts beibringen wollte. Die Liebe zur Erde, denn es ist einfach, einen Badeort zu lieben, aber ein wildes Hochwasser, Schneegestöber im Mai und unwegsame Wälder und Flüsse – diese zu lieben, ist nicht einfach. Die Liebe zu den Menschen, denn es ist einfach, ein literarisches Werk zu lieben, aber die Menschen, welchen du an beiden Ufern des Flusses begegnest – diese sind nicht einfach zu lieben. Die Liebe zu einem konkreten Individuum, denn es ist einfach, einen Cherub zu lieben, aber einen Geografen, einen Stoßzahn, eine Lawine – diese sind nicht einfach zu lieben. Ich weiß nicht, was ich erreicht habe.

In jedem Fall habe ich mir alle erdenkliche Mühe gegeben, um die ‚Väter‘ stärker und gütiger zu machen, ohne mich selbst und auch sie zu erniedrigen.“

Einerseits handelt dieses Buch von dem „grauen Alltag“ – von einem ungeordneten Leben, Geldmangel, ständigen „Besäufnissen“ des Geografen, den typischen Problemen der 1990er-Jahre. Doch Auge in Auge mit der Taiga erscheinen all diese Probleme und Unkosten der Stadt unwichtig und dieses Grau verschwindet. Über die tosenden Flüsse, durch den Windbruch hindurch, durch finstere Wälder und die ersten Schneeglöckchen spürst du die Fülle des Lebens. Du atmest zusammen mit der kalten und zugleich brennenden Luft der Taiga die Freiheit ein. Es ist eine grenzenlose Freiheit, voller Liebe nicht zu einem einzelnen, für sich genommenen Menschen, sondern zur Menschheit als Ganzer. Indem du diese Freiheit erlangst, wirst du eins mit der Natur und du löst dich in ihr auf.

Iwanows Roman ruft starke und widersprüchliche Emotionen hervor. Er wirft eine Menge Fragen auf, die sich nicht auf einmal beantworten lassen. Der Protagonist selbst erscheint mir voller Widersprüche. Einerseits lässt er sich als Nichtsnutz, Säufer und überhaupt nicht als richtiger Lehrer beschreiben. Er erlaubt es sich, während der Unterrichtsstunde zu rauchen, zusammen mit seinen Schülern eine Runde zu trinken sowie an die Schüler, die sich besonders „hervorgetan“ haben, großzügig Backpfeifen zu verteilen. Jedoch ist er auch imstande, einen jeden von ihnen zu verstehen. Seine größte Heldentat vollbringt der Lehrer indes während der Wanderung. Genau in dieser knappen Zeit zeigte er den Jugendlichen, dass auch sie stark sein können, dass sie Menschen sein können. Er erlaubte den Schülern, die wichtigsten Entscheidungen eigenständig zu treffen und sich als Persönlichkeiten zu behaupten. Sie waren nicht mehr Viererschüler und Rowdys, sondern ein Team. So wurde diese Expedition für die Schüler und ihren Lehrer zur entscheidenden Unterrichtsstunde überhaupt, die Raftingtour wurde zur Schule des Lebens, der Liebe und der Menschlichkeit. Die Gelegenheit, mit Mascha allein zu bleiben, die Chance auf eine sexuelle Beziehung zu ihr nutzt er bewusst nicht aus. Dadurch erlangt er Freiheit und Frieden. „Ich aber blieb ruhig, denn niemand wollte mir diese Wahl aufzwingen – weder die Menschen noch mein Schicksal noch Mascha selbst. Und wenn sich Mascha schon bald von mir abwendet, weil sie nicht imstande ist, mich zu verstehen – sei es drum! Sie soll in ihr frisches, wunderschönes, fantastisches Leben fortschreiten. Nun gut, es ist ihre erste Liebe, und diese Liebe bleibt nie die Letzte. Doch ich verliere Mascha nicht. Verlieren kann einer nur das, was er besitzt. Was wir besitzen – das hüten wir nicht. [...] Und ich habe Mascha nicht besessen. Sie bleibt mit mir, wie mit mir das Licht des Polarsterns bleibt, dessen Strahlen die Erde Jahrmillionen, nachdem der Stern erloschen ist, immer noch erreichen werden. Ich habe Mascha nicht ‚nehmen‘ und besitzen wollen, auch weil sonst alles Gute, was ich getan habe, sich als eine simple Schweinerei erwiesen hätte. Die wahren Wohltaten, das Gute sind jedoch umsonst. Jetzt besitze ich diesen Trumpf, diese Tatsache, diese Tat.“ Die Beziehung zu Mascha löst sich auf ihrem Höhepunkt auf, was beweist: Jeder Russe ist insgeheim ein Buddhist.

Am Ende des Romans kehrt Sluschkin wieder zum Ankerplatz zurück. „Die Ufer blühten, über der Kama¹¹ glühte der wolkenlose Himmel, der Wind kräuselte das Wasser und verlieh ihm eine Ähnlichkeit mit dem Schuppenkleid eines Fisches. Der Ankerplatz war leer. Alle Schiffe waren weggefahren.“ Diese Zeilen sind ein Sinnbild der Ruhe und des Friedens. Der Geograf hat seine innere Freiheit erlangt. „Wer sagt, dass ich ein Pechvogel bin? Ich habe das beste Los gezogen. Ich kann glücklich sein, gerade wenn es mir bitter zumute ist.“

4 Wie wollen wir leben?

Die Schlüsselfigur des Romans ist ein Held unserer Zeit, dessen Persönlichkeit während der Stagnationsära, der Perestroika und Jelzins Reformen geformt wurde. Er ist auf der Suche nach seinem Platz in dieser komplizierten und facettenreichen Welt. Eine besondere Rolle spielt in diesem Buch die Natur, die zu einem untrennbaren Teil der Erzählung avanciert. Symbolisch geht es hier um eine Rafting-tour über den Fluss des Lebens, eine Fahrt voller Überraschungen, Unglücke und Entdeckungen. Das Buch präsentiert uns ein Leben, in dem wir nur eine, und zwar unsere eigene Rolle zu spielen haben. Diese Rolle ist fehlerfrei auszuführen, damit wir mit unserem Gewissen im Reinen bleiben können.

Es ist ein Erziehungsroman. Zwar ist der Protagonist ein Erdkundelehrer, jedoch versucht er seinen Schülern, den „Nichtsnutzen“ und „faulen Säcken“, weniger die Geografie, sondern vielmehr die Kunst des Lebens beizubringen, sie auf die kommenden Schwierigkeiten vorzubereiten. Zugleich deckt der Verfasser die komplexe und tiefe Krise des Bildungssystems im Land auf. Waren die Lehrer während der Sowjetzeit Helden und Vorbilder, so lösen sich in den 1990er Jahren alle Autoritäten auf, die Lehrer sind sich der Schüler überdrüssig, die Schüler werden durch die Sinnlosigkeit des Bildungsprozesses gequält. Der Protagonist sieht ein, dass Belehrungen keinen Einfluss auf seine „kopflosen“ Schüler haben, genau deshalb lässt er sie eigenständig Entscheidungen treffen, wodurch er es letztendlich auch vermag, sich deren Respekt zu verdienen. Es ist ein Roman über die Standhaftigkeit eines Menschen, über sein Bestreben, ohne Eitelkeit oder Lügen zu rechtzukommen, und den Glauben an das Leben und an die Menschen nicht zu verlieren – egal, was kommt. Der Roman handelt davon, sich im Leben vom eigenen Gewissen und von der Liebe leiten zu lassen.

Literatur

Алексей Иванов, Географ глобус пропил, Москва 2013.

¹¹ Nebenfluss der Wolga, die Stadt Perm liegt an der Kama (Anm. d. Übersetzerin).

Алексей Иванов: Географ глобус пропил

Валерия Пермякова

1 Автор

Прозаик Алексей Иванов (1969 г.р.) родился в городе Горьком в семье инженеров-судостроителей. Закончил школу в Перми. А. Иванов с детства хотел стать писателем. Сразу после школы, он уезжает в Свердловск и в 1996 году заканчивает факультет истории искусств Уральского госуниверситета по специальности искусствовед.

В середине 2000-х годов Иванов становится известен как защитник «пермскости», выступая за перераспределение бюджетных средств и переориентацию их на поддержку местных культурных инициатив и проектов. В 2013 году он объявляет бойкот Перми и уходит из пермского публичного пространства, а в 2015 году Иванов передаёт в один из архивов Екатеринбурга рукописи своих книг «Географ глобус пропил» и «Сердце Пармы».

Благодаря А.Иванову в 2010-е годы популярной становится «концепция горнозаводской цивилизации», согласно которой Урал – это уникальный феномен русского мира, а не просто провинция со старыми заводами.

А. Иванов является автором таких известных работ как «Общага на крови», «Бладо и МУДО», «Сердце Пармы», «Золото бунта», а также историко-публицистических книг «Хребет России», «Message: Чусовая», «Увидеть русский бунт». Однако наиболее популярной из работ А. Иванова стала книга, написанная в 1995 году, «Географ глобус пропил», благодаря ее экранизации режиссёром Александром Велединским в 2013 году.

2 Книга

Роман «Географ глобус пропил» был написан в 1995 году (опубликован в 2003 г.) Алексеем Ивановым в возрасте 26 лет. В работе прослеживаются автобиографические мотивы: Иванов имел опыт работы школьным учителем. В ту пору будущего писателя удивляло отсутствие книг и фильмов, достоверно рассказывающих о провинциальной школе. Автор очень хорошо передаёт атмосферу «лихих 90-х». Показывает, что творилось в бывших советских семьях, то, о чём раньше было не принято говорить – интимные стороны жизни начинают всё чаще и чаще появляться в литературных произведениях. В романе мы то и дело встречаемся с низовыми сторонами бытия – безработица, пьянки на кухнях, смрад сексуальных отношений. К этому всему добавляются нелегкие будни простого учителя географии, который отчаянно пытается найти себя.

События романа демонстрируют новую постсоветскую жизнь, когда в условиях «реформ» нужно как-то выживать, именно поэтому главный герой романа, биолог по образованию, от безденежья идёт устраиваться в местную школу учителем географии, где ему приходится в прямом и переносном смысле сражаться с наглыми, ленивыми, циничными и «обезбашенными» девятиклассниками.

3 История о счастливом и свободном человеке

Действие романа происходит в первой половине 1990-х годов в г. Пермь. Главный герой произведения Виктор Служкин, выпускник Уральского госуниверситета, устраивается работать учителем географии в одну из средних школ. Виктору Служкину - Географу, достаются три девятых класса. Географ условно обозначает их как: 9 «а» - «красная профессура», в этом классе учится прилежная ученица Маша Большакова, в которую впоследствии влюбляется Географ, а она в него; 9 «б» - «отцы», с ними складываются достаточно приятельские отношения; 9 «в» - «зондеркоманда» - неизменно сложный и буйный класс.

Все детство, юность и сознательная взрослая жизнь новоиспечённого учителя географии прошли в Перми в районе «Речники». Географ проживает с женой Надей и четырёхлетней дочкой Татой. Перед началом учебного года Надя объявляет Виктору, что она прекращает с ним всякие супружеские отношения, и всё что их связывает сейчас – это дочь Тата. В их сложную цепочку взаимоотношений входит школьный друг Служкина – Будкин. Вскоре у Нади и Будкина начинается роман.

В начале года на одном из своих уроков в 9 «б» Географ начал рассказывать про свои походы, и тогда заинтересованные путешествием «отцы» напрашиваются на сплав. Весной Служкин выполняет своё обещание – он берёт с собой «отцов» - Борманова, Тюттина, Демонова, Овечкина,

Чебыкина, но в самый последний момент с ними навязываются Маша, её подруга Люся из 9 «а» и хулиган и двоечник Градусов из 9 «в».

В походе им приходится преодолеть огромное число трудностей. Но в самых сложных ситуациях двоечник Градусов, который весь год делал подянки Географу (подкладывал к доске тряпку в моче, плевал на входную ручку кабинета географии и т.д.) меняется кардинально: он во всём поддерживает Географа.

Через некоторое время после возвращения из похода Географ узнаёт, что его ученица Маша — дочь завуча. Та, в свою очередь, обнаруживает, что Маша влюблена в учителя географии, поскольку застаёт их обнявшимися в кабинете географии. Завуч предлагает Служкину немедленно написать заявление об увольнении, что он и делает.

Основным предприятием района, в котором протекает жизнь Служкина, является судоремонтный завод. И все важные и главные жизненные ситуации, которые происходят в судьбе Географа, можно отметить как на карте: Новые речники - перелесок - шоссе – Грачевник - Старые речники - берег затона. Тесно составленные в затоне корабли напоминают город. Все здесь, вся жизнь, все эмоции, все отношения, первые друзья, первые драки, прогулка с Машей, урок с классом - все в этом небольшом, но и одновременно огромном для человека месте.

Вся жизнь Географа делится пополам – на до и после, в тот момент, когда Служкин со своими учениками отправляется в обещанный и долгожданный поход на пять дней.... Если город для географа - это сложные и непонятные отношения, бытовые проблемы, путаница, то в походе необъятность территорий поглощает в себе эти проблемы.

Пять дней – это одновременно, так мало и много, чтобы обрести свободу, чтобы сразиться с самим собой и... выиграть. Как много можно пережить и почувствовать за такой короткий промежуток времени от «вечного неуютта северного очарования» до «туманом катящегося к горизонту великих далей тайги». Каким маленьким видится человек в этой необъятной тайге с его, казалось бы, неопределённостями, неурядицами и проблемами жизни. «Надувная плюшка и пригоршня человечков на ней – посреди грозного таёжного океана. Это как нож у горла, как первая любовь, как последние стихи». Только в походе все его участники и мы вместе с ними понимаем, что «... тайга и скалы вдруг стали чем-то важным в жизни, важнее и нужнее многого, если не всего».

Пятидневная маленькая, но с огромным смыслом жизнь, началась от станции Пермь-II, а закончилась в деревне Межень. И несмотря на то, что Географ был в походах много-много раз, именно в этом путешествии ему становится ясен смысл. Они проплыли от Семичеловечьей до Рассохи, словно сквозь судьбу земли, от древних капищ до концалегерей. Через этот поход, через реки Поньши и Ледяная, через эту природу он проплыл, как сквозь свою любовь. «И я не просто плоть от плоти этой земли. Я – малое,

но точное её подобие. Я повторяю смысл всеми извилинами своей судьбы, своей любви, своей души. Я думал, что устроил этот поход из своей любви к Маше. А оказалось, что я устроил его просто из любви. И может, именно любви я и хотел научить «отцов» - хотя я ничему не хотел учить. Любви к земле, потому что легко любить курорт, а дикое половодье, майские снегопады и речные буреломы любить трудно. Любви к людям, потому что легко любить литературу, а тех, кого ты встречаешь на обоих берегах реки, любить трудно. Любви к человеку, потому что легко любить херувима, а Географа, бивня, лавину, любить трудно. Я не знаю, что у меня получилось. Во всяком случае, я, как мог, старался, чтобы «отцы» стали сильнее и добрее, не унижаясь и не унижая».

С одной стороны, эта книга «серости» - бытовых неурядиц и проблем, нехватки денег, постоянных «пьянок» Географа, сложности 90-х годов. Но когда ты оказываешься в тайге один на один с природой, тебе становятся неважны эти проблемы и издержки города, вся эта «серость» исчезает. Через бурные реки, непроходимые буреломы, тёмные леса, первые подснежники, ты чувствуешь всю полноту жизни. Вместе с холодным, но одновременно обжигающим воздухом тайги полной грудью вдыхаешь свободу. Свободу безграничную, полную любви не к отдельно взятому человеку, а ко всему человечеству. Обретя эту свободу, ты становишься неотделим от природы и растворяешься в ней.

Роман А. Иванова вызывает бурю противоречивых эмоций и вопросов, на которые нельзя сразу ответить. Да и сама фигура Географа очень противоречива. С одной стороны про него можно сказать – «раздолбай», «оболтус», «пьяница» и вообще не учитель! Он позволяет себе курить на уроках, выпивать со своими учениками, давать пинка и оплеухи некоторым «отличившимся» школьникам и т.д. Но он умеет понимать каждого. И главный свой подвиг он совершает в походе. Именно в походе пацанам он смог показать, что они могут быть сильными, могут быть людьми. Он позволил ребятам самим принимать решения, быть личностями. Не двоечниками и хулиганами, а Командой. Он преподнёс этим походом им и себе самый главный урок – урок Жизни, урок Любви, урок Человечности. У него была возможность остаться с Машей, «взять» Машу, но он этого не сделал. И этим самым обрёл свободу и покой. «Но я остался спокоен, потому что выбора мне никто не навязывал – ни люди, ни судьба, ни сама Маша. И пусть скоро Маша, ничего не поняв, отвернётся от меня и уйдёт в свою свежую, дивную и прекрасную жизнь. Что ж, у неё – первая любовь, которая никогда не бывает последней. А я Машу всё равно уже не потеряю. Потерять можно только то, что имеешь. Что имеем - не храним... А я Машу не взял. И Маша останется со мною, как свет Полярной звезды, луч который будет светить Земле ещё долго-долго, даже если звезда погаснет. И ещё я не взял Машу потому, что тогда всё моё добро оказалось бы просто свинством. А настоящее добро – бесплатное. И теперь у меня есть этот козырь, этот факт,

этот поступок». Отношения с Машей разрешаются в самой верхней своей точке, подтверждая давнее наблюдение, что русский человек – стихийный буддист.

В конце романа Служкин снова возвращается к затону. «Берега цвели, над Камой горело безоблачное небо, вода в затоне от ветра рябила, как чешуя. Затон был пуст. Все корабли уплыли». Этими строчками олицетворяется спокойствие и безмятежность. Географ обрёл свободу, свободу душевную. «Кто сказал, что я неудачник? Мне выпала главная удача в жизни. Я могу быть счастлив, когда мне горько.»

4 Как мы хотим жить?

Ключевой персонаж романа предстаёт перед нами героем своего времени, который сформировался как личность в эпоху застоя, перестройки и ельцинских реформ, который пытается осознать своё место в этом непростом и многогранном мире. Природа в произведении занимает особое место и становится частью сюжетной линии. Сплав по реке жизни, полной всевозможных и совсем не запланированных сюрпризов, невзгод и открытий. В произведении нам показана жизнь, в которой нужно сыграть только свою роль, сыграть правильно, чтобы не было за себя самого обидно перед совестью.

Это роман воспитания. Несмотря на то, что главный герой является учителем, он пытается научить своих «оболтусов-учеников» не географии, а умению жить, бороться с трудностями. Автор показывает и всю глубину проблем образования, если в СССР при советских стандартах, учитель – это образ героя, то в середине 90-х нет никаких авторитетов, педагогам не нужны школьники, ученики мучаются от бессмысленности процесса образования. Главный герой понимает, что наставления и нотации не оказывают никакого влияния на «обезбашенных» школьников, именно поэтому – он даёт им самим принимать решения, чем в итоге и заслуживает уважение своих учеников. Это роман о стойкости человека, о стремлении жить без фальши и без ханжества. Не терять веры в жизнь и людей, несмотря ни на что. Жить по совести и любви.

Использованная литература

Алексей Иванов, Географ глобус пропил, Москва 2013.

Alexander Terechow: Die Deutschen

Jelizaweta Tunewa

1 Über den Autor

Alexander Terechow wurde am 1. Juni 1966 in Nowomoskowsk geboren. Im Jahr 1991 machte er seinen Abschluss an der Fakultät für Journalismus der Moskauer Staatsuniversität. Er arbeitete für diverse Zeitungen und Magazine und ist Mitglied des Moskauer Schriftstellerverbandes. Seine erste Veröffentlichung war die Erzählung „Duratschok“¹ (1988), sein erstes Buch „Proschu propustit“² erschien 1993.

2 Das Buch

Es wird häufig gesagt, man dürfe nicht von dem Einband auf das Buch schließen. Das ist durchaus korrekt, genau wie die Behauptung, kein Buch sei nach der Anzahl von Auszeichnungen, die ihrem Verfasser zuteil wurden, zu beurteilen. Betrachten wir die „Errungenschaften“ Alexander Terechows, so scheinen seine Werke besondere Aufmerksamkeit zu verdienen: Er erhielt die Auszeichnung „Großes Buch“, die Nominierung für den „Russischen Booker-Preis“ und den Titel „Nationalbestseller“. Außerdem wurde ein Roman ins Englische, ein anderer ins Italienische übersetzt. Dennoch bleibt nach der Lektüre des Romans „Die Deutschen“ ein eher unangenehmer Nachgeschmack, ja eine gewisse Enttäuschung, zurück.

¹ „Einfaltspinsel“ (Anm. d. Übersetzerin).

² „Bitte durchlassen“ (Anm. d. Übersetzerin).

„Die Deutschen“ ist eine politische Satire. Präsentiert wird die hässliche Kehrseite des Moskauer Beamtentums: Korruption, Wahlfälschung, Speichelleckerei, Hochmut und Geringschätzung gegenüber der Konkurrenz und den Opponenten und Verachtung gegenüber der „einfachen Bevölkerung“.

Man möge glauben, jeder wisse Bescheid, dass es in der „Oberschicht“ genau so auch wirklich zugeht. Indes berichtet der Autor mithilfe einer Perspektive „innerhalb“ des Systems, was ein gewisses Interesse hervorruft. Der Verfasser ist dabei keineswegs darum bemüht, seine Protagonisten und ihre Mundart zu verschönern oder als attraktiv zu präsentieren. Dank dieser Besonderheit wirkt die beschriebene Realität noch brutaler und abstoßender.

Auf dem Gipfel der im Roman dargestellten Machtpyramide befindet sich „das Monstrum“ – wie es unter seinen Untergebenen bezeichnet wird – und just mit diesem Wort beginnt der Roman. Hierbei handelt es sich wohl kaum um einen Zufall. Die Intention des Verfassers ist vermutlich, seinem Leser gleich zu verdeutlichen: Von dieser namenlosen Figur ist nichts Gutes zu erwarten. Ist es überhaupt von Bedeutung, den Namen des Monstrums zu erfahren? Hohe Beamte, die diesen Posten innehaben, kommen und gehen – und jeder schlüpft in die Rolle eines Monstrums. Auch die Beziehung der Untertanen zu ihrem Herrscher bleibt unverändert, zumal sie gezwungen sind, jeden Wunsch des Vorgesetzten zu erfüllen, auch wenn diese Laune mit deren Dienstbeschreibung nichts zu tun hat. So heißt es in einem Gespräch Eberhards mit seinem Kollegen: „Seinen Privatauftrag haben wir ausgeführt – ein Poem zum 3. Geburtstag des Enkelkinds zu schreiben. Einband aus Samt. Handgefertigtes Papier. Lesezeichen aus Silber.“

Jedoch nicht das Monstrum, sondern Eberhard ist der Protagonist dieses Buches. Er bekleidet den Posten des Pressesprechers in der Präfektur eines Moskauer Bezirks. Indem der Leser dem Protagonisten folgt, bekommt er die Gelegenheit, gleich zwei Welten näher zu erkunden: einerseits die „schmutzige“ Welt der Politik, andererseits sein Privatleben, das mit Gefühlen und Erlebnissen gefüllt ist, die sich in keiner Weise von denen der „gewöhnlichen Leute“ unterscheiden.

Gerade in diesem Erzählstrang ist Eberhard als Mensch erkennbar, indem er von den Gefühlen zu seiner Tochter überwältigt wird. Durch diese menschlichen Züge sticht Eberhard aus der Menge der Beamten hervor, denn für Letztere gibt es – zumindest scheinbar – auf dieser Welt nichts anderes als Macht- und Geldgier. Im Roman wird der Kampf Eberhards um die Aufmerksamkeit Ernas, seiner Tochter aus erster Ehe, geschildert. Er sehnt sich nach einer Möglichkeit, mit der Tochter in Kontakt zu bleiben. Seine geschiedene Frau Sieghild ist jedoch streng gegen jegliche Kommunikation zwischen ihrem Ex-Mann und der Tochter. Diese Konfrontation macht Eberhard wütend, was sich einige Zeit später negativ auf seine Arbeitsleistung auswirkt. Die Liebe zu seiner Tochter zieht sich wie ein roter Faden durch den Roman hindurch und spielt für den Protagonisten eine entscheidende Rolle.

Zwangsläufig stellt sich die Frage nach dem Romantitel: Warum nennt Terechow sein Werk „Die Deutschen“, obwohl weder von Deutschland die Rede ist

noch irgendeine Verbindung zu diesem Land erwähnt wird? In der Tat hat der Roman nichts mit der Nationalität oder dem Land zu tun. Das einzig Auffällige ist die Anhäufung der für Russen schwierig auszusprechenden deutschen Vornamen (zum Beispiel Eberhard, Erna oder Fritz). Was sagt uns das? Vermutlich möchte der Schriftsteller durch die Verwendung fremd klingender Vornamen dem Leser eben jene Fremdartigkeit dieser Menschen gegenüber dem Land und der Gesellschaft vor Augen stellen. Nicht zufällig sind genau die Menschen mit deutschen Vornamen an der Macht, wodurch ihre Distanz zur „einfachen“ Bevölkerung vergrößert wird. Letztere tragen gewöhnliche russische Vornamen wie Fedja oder Alexej.³

Der Inhalt des Romans ist offensichtlich nicht außergewöhnlich. Diese und ähnliche Probleme werden in gegenwärtiger russischer Literatur und Film oft thematisiert, daher vermag es Terechow nicht, seinen Leser zu überraschen oder zu entrüsten. Vielmehr wäre dieser Roman als ein weiteres Abbild der erdrückenden Realität Russlands einzuordnen. Bringt das Werk uns zum Nachdenken? Meiner Meinung nach tut es dies. Doch erscheint mir dabei die Frage nach den Möglichkeiten, diese für unser Land beschämende Situation zu verändern, am wichtigsten. Allerdings bleibt diese Frage in den meisten Fällen eine rhetorische, auf die keine Antwort erwartet wird.

Manche Rezensenten vergleichen „Die Deutschen“ von Alexander Terechow mit den Romanen von Michail Saltykow-Schtschedrin – aus meiner Sicht völlig zu Recht. Beide kritisieren den Staatsapparat in Russland scharf. Saltykow-Schtschedrin sagte einst: „Ihr sollt mich in rund 100 Jahren aufwecken und fragen, wie es denn in Russland zugeht. Ich antworte euch dann: Man säuft und klaut.“ Bei der Lektüre dieses Romans lässt sich mit Sicherheit behaupten, dass diese Aussage auch 200 Jahre später noch aktuell ist. Indes lässt sich anhand des Buches kein generelles Urteil über die zeitgenössische Gesellschaft Russlands fällen, da der Roman lediglich ein begrenztes, spezifisches Segment dieser Gesellschaft beschreibt.

Warum enttäuschen mich „Die Deutschen“? Zum einen erscheint mir die Sprache des Schriftstellers eher schwer zugänglich, sodass es nicht immer einfach ist, der Logik des Autors zu folgen. Dadurch bleiben auch der Gedanke und die Intention des Buches etwas unklar. Zum anderen entsteht der Eindruck, das Buch enthalte viele Beschreibungen, die für den Handlungsablauf irrelevant bleiben und eher dazu dienen, die Aufmerksamkeit des Lesers abzulenken. Drittens – wie bereits oben angemerkt – erscheint mir der Inhalt des Buches nicht einzigartig. Daher beschleicht mich das Gefühl, meine Zeit mit der Lektüre vergeudet zu haben.

³ Einige Rezensenten weisen auf zwei weitere Aspekte hin: Zum einen auf die immer noch für den „gemeinen Russen“ lebendigen Assoziationen zwischen den „Deutschen“ und den Besatzern, dem Feind aus den Zeiten des II. Weltkrieges; zum anderen auf die ursprüngliche Bedeutung des Wortes „Njemzi“, wie die Deutschen auf Russisch heißen: sie sind eigentlich die „Stummen“, die „ohne Sprache“ und daher diejenigen, die ohne eine (menschliche) Gestalt sind (Anm. d. Übersetzerin, vgl. hierzu: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/05/14/net_zhitya_ot_eth).

3 Wie wollen wir leben?

Die Beschreibung der hässlichen Züge des russischen Beamtentums bietet uns kein Bild davon, wie wir denn leben wollen. Unsere Vorstellung vom „guten Leben“ wäre wohl das Gegenteil zu den Bildern, die wir in Terechows Roman vorfinden.

Wollen wir in einem Land leben, dessen Mächtige die Korruption als die natürlichste Sache der Welt betrachten? – eindeutig nicht. Es ist daher kein Zufall, dass solche Beamten samt Familienmitgliedern im Roman deutsche Vornamen tragen, wodurch sie fremd und fern der russischen Gesellschaft erscheinen.

Eberhard, der Protagonist des Romans, urteilt über das Leben eindeutig als Konsument: „Die Überschrift über das Leben müsse ‚das wird alles vergehen‘ lauten, damit der Verbraucher von Anfang an wüsste – er solle sich beeilen; das Abwassersystem, Warmwasser, die Armentafel und das Fernsehen haben die Hölle überwunden – es hat für alle gereicht, alles, was du nicht selbst besitzt, kannst du im Fernsehen bewundern, du bist der Gott – nutze das aus, zappe.“ Diese Denkart stimmt traurig, sie macht gar Angst, denn sie ist äußerst beschränkt.

Demnach lässt sich Folgendes behaupten: Alexander Terechow schildert in seinem Roman die brachiale Realität, vermutlich mit dem Ziel, jeden vor die Frage zu stellen: Will er (oder sie) unter diesen Bedingungen leben und wäre sein Leser bereit dazu?

Literatur

Александр Терехов, Немцы, Москва 2013.

Александр Терехов: Немцы

Елизавета Тунева

1 Об авторе

Александр Терехов родился 1 июня 1966 г. в г. Новомосковск Тульской области. Закончил факультет журналистики МГУ в 1991 г. Работал корреспондентом, обозревателем и редактором в многочисленных газетах и журналах. Первым опубликованным произведением был рассказ «Дурачок» 1988 г., первая книга «Прошу простить», вышла в свет в 1993 г. Является членом Союза писателей Москвы.

2 Книга

Говорят, что не нужно судить о книге по обложке. И это очень правильно, как и то, что не нужно судить о книге по количеству наград, которых был удостоен ее автор. Если посмотреть на достижения Александра Терехова, то складывается впечатление, что перед нами автор, заслуживающий особого внимания: премия «Большая книга», шорт-листы «Русский Букер» и «Национальный бестселлер», переводы одного из романов на английский и итальянский языки. Однако после прочтения книги «Немцы» остается не очень приятное послевкусие и даже некоторое разочарование.

В политической сатире «Немцы» автор представляет нашему вниманию уродливое закулисье московского чиновничества: взяточничество («... с главами управ договорились – в месяц по триста тысяч для префекта с каждого. С меня – миллион. Так они решили»; «Нет непокупаемых ситуаций.

Есть вопрос цены»), фальсификации на выборах, заискивание перед вышестоящим начальством («Решает один <...> А его все ли-ижут, обступили, я побегал вокруг – присосаться негде. Вгрызться негде!», пренебрежительное отношение к своим оппонентам и конкурентам («Кравцову и носи. И совесть твоя будет чиста. <...> - Ты сказал «совесть чиста». – Да, брат, - Хериберт перекрестился, - едим тех, кого не видим. А как иначе? Такие мы люди») и к простому населению («...нищего педагогического прошлого»; «черные люди» - о гастарбайтерах).

Казалось бы, все знают, что это имеет место быть в «высших кругах», но в данной книге представлен, что называется, взгляд «изнутри», из самой этой системы, что вызывает некоторый интерес. При этом автор не старается представить речь и описания персонажей красивыми и привлекательными, что делает описываемую действительность еще более жестокой и вызывающей отторжение у читателя.

На вершине властной пирамиды, описываемой в романе, находится Монстр – именно так все подчиненные называют его между собой, и именно с этого слова начинается произведение. Случайно ли это? Наверное, нет. Автор с самого начала настраивает читателя на то, что ему не нужно ждать чего-то доброго и честного от этой фигуры, у которой даже нет имени. Да и так ли уж необходимо знать имя монстра? Ведь люди на этом посту сменяют друг друга, а их ампула монстра остается неизменным, как и отношение подчиненных к ним, которые вынуждены выполнять любую прихоть начальства, даже если это напрямую не относится к их должностным обязанностям («Выполнили личное поручение – написали поэму на трехлетие внука. Бархатный переплет. Бумага ручной выделки. Серебряная закладка» - из разговора Эбергарда с коллегой).

Однако центральной фигурой повествования является не монстр, а Эбергард, глава пресс-службы префектуры одного из округов Москвы (один из персонажей Эбергарду: «Как так получилось, что собрал ты все в свои руки: и социальная реклама, и информирование, интернет, полиграфия... Даже сувенирка. И всё – один человек. Магнат какой-то!»). Наблюдая за этим персонажем со стороны, читатель получает возможность заглянуть сразу в два мира: с одной стороны, это «грязный» мир политики, а с другой – его личная жизнь, наполненная переживаниями, ничем не отличающимся от переживаний обычных людей.

Пожалуй, именно вторая линия раскрывает в Эбергарде человека («- <...> Но я почему-то – ничего не чувствую по-настоящему. – Зачем ты на себя наговариваешь?! – А с дочкой – я почувствовал. Первый раз! Я ожил. Теперь уже не могу остановиться, это само... Я, оказывается, еще не пустой! Я – человек, оказывается!»), что в то же самое время очень выделяет его на фоне остальных чиновников, для которых, казалось бы, не существует ничего, кроме жажды власти и денег. Эбергард предстает перед читателем во время своей борьбы за внимание и возможность хоть как-то взаимодействовать со

своей дочерью от первого брака Эрной. Его бывшая жена, Сигилд, категорически настроена на то, чтобы между ее дочерью и бывшим мужем не было никаких контактов («Я не хочу, чтобы ты был прописан в моем доме! – Мало ли чего ты не хочешь! – Я хочу, чтобы мы жили своей семьей, я не хочу, чтобы ты лез в мою семейную жизнь! – Пока мы живы, наша семья – ты, я и Эрна!» - разговор Эбергарда с его бывшей женой), что, естественно, вызывает гнев Эбергарда, который через некоторое время отрицательно сказывается и на его работе. Однако именно его любовь к дочери является нитью, которая пронизывает весь роман, и которая в конечном счете является самым важным элементом для персонажа.

Вполне логичен вопрос о том, почему же роман называется «Немцы», тогда как в нем не фигурирует ни Германия, ни что-либо еще, связанное с этой страной. Да, привязки к национальности или стране в этом произведении нет. Единственное, что явно бросается в глаза – это обилие труднопроизносимых для русских немецких имен (Эбергард, Улрике, Эрна, Сигилд, Фриц и др.). О чем это может нам говорить? Скорее всего, автор через использование непривычно звучащих имен пытается донести до читателя идею чужеродности носителей этих имен для страны, для общества. Не случайно, у власти находятся люди именно с немецкими именами, что еще больше отдаляет их от простых жителей, имеющих привычные имена – Федя, Алексей Данилович и др.

Является ли чем-то уникальным сюжет данной книги? Очевидно, что нет. В современной российской литературе и кинематографе довольно часто освещаются эти темы, поэтому А. Терехову нечем удивить или шокировать читателя. Скорее, нужно воспринимать данный роман как очередную иллюстрацию угнетающей российской действительности. Заставляет ли это нас задуматься? Думаю, да. Но, на мой взгляд, гораздо важнее вопрос о том, что нужно сделать, чтобы изменить эту ситуацию, которая вызывает чувство стыда за свою страну – однако, как показывает практика, чаще всего этот вопрос остается просто риторическим, не требующим ответа.

Некоторые критики, с моей точки зрения, совершенно справедливо приводят сравнение между «Немцами» А. Терехова и произведениями М. Салтыкова-Щедрина. Оба автора подвергают серьезной критике систему государственного аппарата в России. Салтыков-Щедрин сказал: «Разбудите меня лет через сто, и спросите, что сейчас делается в России. И я отвечу — пьют и воруют» - читая «Немцев», можно с уверенностью говорить, что эта фраза справедлива и спустя двести лет.

Тем не менее, по данной книге нельзя судить о современном российском обществе в целом, поскольку в ней представлено описание лишь очень ограниченной и специфической его части.

Почему «Немцы» разочаровывают? Во-первых, книга написана достаточно сложным языком, который иногда затрудняет следование логике автора, а, следовательно, и восприятие мысли, которую автор пытается

донести до читателя. Во-вторых, создается впечатление, что в книге очень много описаний, которые не имеют значения для сюжетной линии, и которые выглядят просто как отвлечение внимания. В-третьих, как уже было отмечено, само содержание романа не является оригинальным, что заставляет задуматься над тем, стоит ли тратить время на чтение данной книги.

3 Как мы хотим жить?

Сложно говорить о том, что, описывая уродливые черты российского чиновничества, перед нами предстает картина того, как мы хотим жить. Скорее наоборот, ответ на этот вопрос кроется в противоположности всему тому, что мы найдем в романе А. Терехова.

Хотим ли мы жить в стране, управляющие которой считают коррупцию вполне естественным явлением? Однозначно нет. Не случайно в романе такие чиновники (и их самое близкое окружение, семья) носят непривычные немецкие имена, что еще раз подчеркивает их отдаленность и чуждость российскому обществу.

В рассуждениях главного персонажа романа, Эбергарда, явно прослеживается отношение к жизни с потребительской точки зрения: «<...> на жизни надо писать «всё это сейчас пройдет», чтобы потребитель знал с самого начала – торопись; центральная канализация, горячее водоснабжение, обеды для бездомных и телевизор побороли ад – всем хватило, всё, чем не владеешь, - можно посмотреть, ты Бог – пользуйся, переключай каналы». От этого становится по-настоящему грустно и даже страшно, поскольку такое видение жизни очень ограничено.

Соответственно, мы можем говорить о том, что А. Терехов в своем романе изображает жестокую реальность, возможно, для того, чтобы каждый сам для себя ответил на вопрос, хочет и готов ли он жить в таких условиях.

Использованная литература

Александр Терехов, Немцы, Москва 2013.

Wladimir Kirschin: Privatleben. Szenen aus dem Privatleben der Permjaken¹ 1955 – 2001

Michail Grabewnik

1 Autor

Wladimir Kirschin ist ein permischer Schriftsteller und Journalist. Geboren wurde er am 25. Februar 1955 in der Stadt Weimar in der Deutschen Demokratischen Republik. Ab 1958 verbrachte Kirschin sein Leben in Perm. Im Jahr 1981 absolvierte er dort das permische Polytechnikum. Heute ist er Mitglied des Russischen Schriftstellerverbandes und wurde bei dem journalistischen Arkadij-Gaidar-Wettbewerb in den Jahren 2007 und 2008 jeweils mit einem Diplom ausgezeichnet. Seit den 1990er-Jahren beteiligt sich der Autor aktiv an dem kulturellen Leben seiner Stadt, er gehört mehreren Literaturvereinigungen und Verbänden an. Seine bekanntesten Werke sind die Erzählungen „Djujmowotschka“², „Schutnik Garibaldi“³ und „Rassol’nik“⁴ sowie der Sammelband „Nitschja“⁵ und die Essays „Tschastnaja Zhizn“⁶.

¹ Bewohner der Stadt Perm (Anm. d. Übersetzerin).

² „Däumelinchen“ (Anm. d. Übersetzerin).

³ „Garibaldi, der Witzbold“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁴ „Säuerliche Fleischsuppe“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁵ „Unentschieden“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁶ „Privatleben“ (Anm. d. Übersetzerin).

2 Das Buch

Kirschins Essays wurden zunächst in der permischen Presse veröffentlicht, die erste Auflage des Buches „Privatleben: Szenen aus dem Privatleben der Permjaken 1955 – 2001“ erschien im Jahre 2003. Jahr für Jahr sichtet der Verfasser in diesen Essays das Privatleben der Einwohner seiner Stadt und setzt es in den kulturell-historischen Kontext. Wie Kirschin selbst einst bemerkt hat, wählte er als Genre das Essay wegen seiner maximalen Freiheit.

Jedes Kapitel ist einem bestimmten Jahr aus dem Leben des Autors gewidmet. Somit umfasst der Band rund 50 Essays, in denen sich alles um ein gemeinsames Thema dreht – das Alltagsleben eines einfachen Einwohners von Perm, eines Permjaken. Einerseits befasst sich der Band mit einem konkreten permischen Bürger, und zwar dem Journalisten und Publizisten Wladimir Kirschin selbst. Andererseits behandelt er auch den Permjaken als Typus, wobei der Verfasser und Erzähler die Position eines Anthropologen und Gesellschaftsforschers einnimmt. Der Schlüssel zur Persönlichkeit eines Permjaken ist in seinem alltäglichen Leben zu suchen. Was ist jedoch unter dem Alltag zu verstehen? Nicht zuletzt geht es hier um Gewohnheiten und Traditionen der Permjaken, um ihren Lebens- und Arbeitsstil, ihre kulturellen Präferenzen und die bevorzugte Freizeitgestaltung, die Ästhetik der Lebensmittelläden und Restaurants, die Modetrends und ihre Umgangssprache.

Jede Schattierung des Alltags spiegelt den Menschen, sein soziales Wesen im Raum und in der Zeit wider. Die Geschichte des Alltags wird somit zur Geschichte der Transformation eines Menschen.

3 Geschichte des Alltags

Ein Beobachter darf beim Betrachten einer jeden größeren Gemeinschaft – vorausgesetzt er befindet sich außerhalb des Rahmens eines wissenschaftlichen Paradigmas – die soziale Wirklichkeit und deren Geschichte konstruieren, ausgehend von seiner eigenen subjektiven Erfahrung und seiner Wahrnehmung.

Ohne Furcht benennt der Verfasser seinen Standpunkt im Hinblick auf diese Geschichte, zwingt diesen aber niemandem auf. Nicht einmal beim besten Willen kann ein Mensch das Leben einer sozialen Gruppe, sei diese noch so überschaubar, widerspiegeln. Jeder von uns besitzt das Recht auf eine eigene Wahrnehmung und kann die Vergangenheit auf seine eigene Weise beurteilen. „Wer sich anders erinnert – der solle doch sein eigenes Buch schreiben.“ Diese Herangehensweise kann sowohl als Vor-, aber auch als Nachteil dieses Buches bezeichnet werden. Wer sich mit der Geschichte befasst, hat einerseits bei seinem Bericht über die Ereignisse auf die Logik und wissenschaftliche Korrektheit zu achten – genau das fehlt in diesem Buch. Andererseits bringt gerade diese geerdete und subjektive Erzählweise Elemente der Offenheit und Aufrichtigkeit in eine nüchterne Beschreibung hinein.

Die Geschichte eines Landes ist nicht nur oder vielleicht sogar weniger die Geschichte von politischen Umwälzungen und Wirtschaftskrisen, die Geschichte der Kriege und Revolutionen. „Unsere“ Geschichte – das ist hauptsächlich die Geschichte der „einfachen Menschen mit einem großen Herzen“, dieser winzigen Rädchen einer riesenhaften Maschine. Sie ist die Geschichte der Gesellschaft als Ganzer. Es ist die Geschichte einer Weltmacht und zugleich der Bürger einer „geschlossenen Stadt“⁷. Es ist die Geschichte des Gigantischen und des Privaten gleichzeitig, die sich im Alltäglichen abspielt. Die so verstandene Geschichte ist ein Diskurs, basierend auf der Auffindung und Überwindung der Gegensätze: Der Kollektivismus und der Individualismus existieren neben- und miteinander, die Freiheit entfaltet sich ungeachtet und entgegen aller Einschränkungen, der Staat funktioniert nur durch jeden einzelnen Bürger. Die Geschichte des Alltags ermöglicht uns, die Veränderungen auf unterschiedlichen Ebenen gleichzeitig zu beobachten. Die Perspektive des Autors verbindet seine individuelle Wahrnehmung der Geschichte mit der Sichtweise der Generation, dem Blickwinkel von zahlreichen sozialen Gruppen und Subkulturen sowie mit dem Standpunkt der Bürger der Stadt und des Staates insgesamt.

Wie sieht denn diese „unsere“ Geschichte aus? Letztendlich zeigt diese Geschichte den Weg ins private Leben und zum Persönlichen, Individuellen, alle Hindernisse überwindend, die dem Menschen durch die kommunistische Ideologie, die gesellschaftliche und ökonomische kollektivistische Ethik und kulturelle Abschottung in den Weg gelegt wurden. Es ist auch die Geschichte des Übergangs von den klar ausgeprägten und im Wertekanon fest verankerten Werten Gemeinschaftlichkeit und Solidarität zur Wertschätzung des Individuellen bis hin zum Individualismus, zur Distanzierung, zum Privatbesitz. Dies ist die Geschichte der Wandlung eines „Sowjetmenschen“ hin zu einem Bürger Russlands, der unterwegs zum Privatleben ist.

Wer ist er aber, dieser „Sowjetmensch“, der „Homo sovieticus“? Er lebt von der Überzeugung, der Wohlstand eines jeden sei durch den Wohlstand des Staates bedingt und der Lebenszweck eines wahren Sowjetmenschen bestünde darin, den Wohlstand des Staates zu mehren, indem sich jeder an seiner Arbeitsstelle maximal einbringt. Es gibt für ihn keine höhere Religion als den Kommunismus. Jedoch wird dieser Glaube Jahr für Jahr geschwächt.

Die wichtigsten Charakteristika eines „Homo sovieticus“ sind ein solidarisches Gefühl, Kollektivismus und das „Sowjettum“. Die Solidarität kommt unter anderem in der Politik zum Ausdruck – einem für den Sowjetmenschen eigentlich verbotenen und geheimen Bereich – durch eigene Wechselbeziehung zum Sowjetstaat, kommunistischer Ideologie und zur Partei⁸.

Die Grenze zwischen dem Privaten und dem Gemeinschaftlichen, dem Individuellen und dem Kollektiv wird allmählich, langsam und konsequent aufgehoben.

⁷ Eine Stadt oder Region mit Aufenthalts- und Reiseeinschränkungen (Anm. d. Übersetzerin).

⁸ Die Kommunistische Partei der Sowjetunion (Anm. d. Übersetzerin).

Zwar ängstigt sich der Sowjetmensch vor dem Verlust seines „Sowjettums“, jedoch rückt sein eigenes Leben, betrachtet unter dem Blickwinkel individueller Interessen, Vorstellungen und des eigenen Gedankenguts, immer mehr in den Mittelpunkt. Hinter der Maske eines „Sowjetmenschen“ verbirgt sich jetzt ein zunächst zaghaftes Verlangen nach persönlicher Freiheit, ein Verlangen, das mit der Zeit immer mehr erstarkt. In jeder Hinsicht wendet sich das Leben eines einfachen Menschen und Bürgers immer mehr zum Privaten hin. Ökonomisch gesehen verhält sich der Sowjetmensch immer rationalistischer und individualistischer, politisch gesehen bewegt er sich in Richtung Pluralismus. Immer mehr macht sich die Liberalisierung der kulturellen Sphäre bemerkbar. „Die hatten ihre Stagnation. Bei uns jedoch mehrten sich die kleineren Theaterprojekte und Vereine, die sich für Musik oder Film engagierten.“

Nur knappe fünf Jahre liegen zwischen dem „Ist doch klar – es gibt keine Veränderungen“ des Jahres 1984 bis zum „Jede Familie ist im Wandel begriffen“ des Jahres 1989. Das private Leben des Sowjetmenschen veränderte ihn immer mehr, die politische Situation und die Wirtschaftskrise der 1980er- und 1990er-Jahre erstickten den „Homo sovieticus“ endgültig. Werte wie Solidarität und Kollektivismus verloren vollständig an Bedeutung, das „Sowjettum“ der Bürger ging ebenfalls zur Neige, und zwar gemeinsam mit ihrer Staatstreue. Dem Kollektivismus wurde seine politische Grundlage entrissen, die gesellschaftliche und wirtschaftliche Situation riefen das Individuum und den Individualismus auf den Plan. Der Sowjetmensch wurde zu einem russischen Menschen – zu einem durch den Individualismus verbitterten und gierig nach Freiheit greifenden Menschen. Der russische Mensch steht Anfang der 1990er-Jahre, so Kirschin, „verloren“ und „heimatlos“ da. „Nun wurde das Leben in Russland im wahrsten Sinne des Wortes privat, und das zu 100 Prozent. Ob du klaust oder auswanderst, (...) ob du gleich umfällst und verreckst – den Anderen bist du schnurzipiepegal.“

4 Wie wollen wir leben?

„Unsere“ Geschichte – das ist die Transformationsgeschichte: Der Sowjetmensch wird zu einem russischen Menschen. Indes ist Wladimir Kirschin keineswegs der Meinung, die Wandlung vollzog sich abrupt und radikal. Seine Szenen aus dem Privatleben der Permjaken liefern den Gegenbeweis – die tiefgreifenden Veränderungen keimen sehr langsam auf. Die Entstehungsgeschichte dieses Buches zeigt, wie diese Veränderungen im Bewusstsein seiner Mitbürger Wurzeln schlagen, wie sie Schritt für Schritt stärker werden – zunächst als Vorstellungen und Meinungen, um später als handfeste Interessen und Handlungen Substanz zu bekommen.

Aus der Sicht des Autors sind die damaligen gesellschaftlich-politischen Transformationen ausschließlich negativ konnotiert. Durch das Negative schimmert nicht einmal ansatzweise die helle Seite der Wandlung hindurch. „Die Zukunft ist unüberschaubar geworden, sie ist auf diese konkrete Minute begrenzt. Alle Ver-

sprechen sind nur Bluff, alle Pläne – Fiktion. Es ist kaum möglich, jemanden telefonisch zu erreichen, sich mit jemandem zu verabreden oder schlichtweg irgendetwas zwischen die Zähne zu kriegen.“ Der Staat wird als Ursache von diesem Elend des russischen Menschen aufgefasst. „Das ist ein Ziegenböcke-Staat. Du kannst heulen und schimpfen, du kannst den Kopf gegen die Wand schlagen – aber das wahre Wappen Russlands zierte am Ende des Jahrhunderts kein anderer als ein Ziegenbock⁹.“

Die Intention des Verfassers ist offensichtlich. Seine Botschaft: Die idealisierten „Jugend, strahlende Zukunft und das Purpursegel¹⁰“ der Träume der Sowjetmenschen zerschellten an dem wirtschaftlichen und politischen Pragmatismus des Staates. Der Staat – und es bleibt letztlich ungeklärt, ob es der Sowjetstaat oder bereits der russische Staat gewesen ist – erwürgte den Sowjetmenschen und ließ den freien und privaten russischen Menschen frei.

Ganz bewusst lässt der Autor die Frage „Wie wollen wir leben?“ unbeantwortet. Zum einen kann die Nostalgie, entspringend aus der vergessenen kollektivistischen Tradition, als eine Antwort interpretiert werden. Dies ist die Sehnsucht nach einem solidarischen und einheitlichen Leben im Hinblick auf die Gesellschaft und die Kultur, auf die Ökonomie und die Politik. Zum anderen – indem das Buch mit einem Essay zum ersten Jahr des neuen Jahrtausends schließt – verleiht das Werk doch Hoffnung auf eine positive Zukunft des Privatlebens von diesem neuen, russischen Menschen. Der Kreis scheint sich zu schließen: Die Hoffnung erleuchtete bereits den Anfang des Buches, auch im Fazit ist eine Hoffnung zu spüren. Aus dieser Hoffnung speist sich eine – eher rhetorische – Frage: „Was ist für einen Permjaken besser – das private Leben oder das gemeinschaftliche Leben?“

Literatur

Владимир Киршин, Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955 – 2001, Пермь 2009.

⁹ Im Russischen bezeichnet das Wort einen „Depp“, einen „Hohlkopf“ (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁰ Im Russischen als Sinnbild für Romantik und Fantasie verwendet. Der Begriff stammt aus dem gleichnamigen Roman von Alexander Grin (1880 – 1932) (Anm. d. Übersetzerin).

Владимир Киршин: «Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955-2001»

Михаил Грабевник

1 Автор

Пермский писатель и журналист Владимир Киршин родился 25 февраля 1955 года в городе Веймар Германской демократической республики. Всю сознательную жизнь писатель провел в Перми: с 1958 года проживает в Перми, а в 1981 году окончил Пермский политехнический институт. На сегодняшний день является членом Союза писателей России, дважды дипломантом журналистского конкурса имени Аркадия Гайдара в 2007 и 2008 годах. Наиболее известные работы: рассказы «Дюймовочка», «Гарибальди Весельчак» и «Рассольники»; сборник «Ничья» и очерки «Частная жизнь».

2 Книга

Первоначально очерки Киршина публиковались в пермской прессе, а книга «Частная жизнь: очерки частной жизни пермяков 1955-2001» впервые была издана в 2003 году. Год за годом автор просматривает в данных очерках частную жизнь пермяков в культурно-историческом контексте. Как заметил автор, жанр выбран «самый вольный – эссе».

Каждая глава книги посвящена отдельному году жизни автора. Таким образом, книга вобрала в себя полсотни очерков, объединенных тематикой повседневной жизни простого пермяка. С одной стороны, пермяка вполне

конкретного – журналиста и публициста Владимира Киришина. С другой стороны, пермяк описан как образ собирательный, фольклорный, с позиции социального антрополога. Повседневность представлена как главный ключ к разгадке человека-пермяка. Она охватывает привычки и традиции пермских людей, их рабочий и бытовой стиль жизнедеятельности, их культурные и досуговые предпочтения, эстетику продуктовых магазинов и ресторанов, моду и сленг.

Каждый нюанс повседневности является отражением человека, его социальной сущности во времени и пространстве. История повседневности предстает историей трансформации человека.

3 История повседневности

Обращая взгляд на историю любой крупной общности, наблюдатель имеет право (если он находится за рамками научной парадигмы) конструировать социальную реальность и конструировать ее историю, исходя из собственного субъективного опыта и восприятия.

Автор книги без робости заявляет собственную субъективную позицию по отношению к такой истории, но никому её не навязывает. Каждый из нас имеет полное право на собственное восприятие и оценку прошлого – «кто помнит иначе - пусть пишет свою книжку». Этот подход является одновременно и достоинством, и недостатком книги. С одной стороны, история должна выстраивать логику событий с научной аккуратностью и стремлением к объективности, чего книге недостает. С другой стороны, именно приземленность и субъективность приносят в публицистическую работу правдивость и искренность.

История страны - не только (и не столько) история политических изменений и экономических кризисов, войн и революций. «Наша» история – это, главным образом, история «простых людей с большим сердцем» и крошечных элементов колоссального общественного механизма; история жизни граждан многомиллионного великого государства и граждан провинциального закрытого города; история колоссального и частного, заключенная в повседневности. В такой истории диалектически сплетены элементы противоположностей: коллективизм сосуществует с индивидуализмом, свобода развивается вопреки ограничениям, а государство функционирует посредством каждого отдельного гражданина. Кажется, благодаря истории повседневности, возможно одновременно наблюдать изменения на разных уровнях. Взгляд автора вообрал в себя не только персональное восприятие истории, но и взгляд поколения, взгляд многочисленных социальных групп и субкультур, взгляд горожан и граждан государства.

Так какова же «наша» история? Это история пути к частной жизни и индивидуализму сквозь все препятствия коммунистической идеологии, социально-экономического коллективизма и культурной закрытости. Это история перехода от ярко выраженного и закрепленного в ценностях чувства коллективизма и солидарности к чувству индивидуализма, отстраненности и собственности. Это история трансформации советского человека и гражданина в российского на пути к частной жизни.

Кто есть советский человек? Он убежден, что личное благосостояние складывается из всеобщего государственного благосостояния, а главная обязанность советского человека состоит в повышении благосостояния советского государства при максимальной личной отдаче. Советский человек верит в равенство и справедливость в советском обществе. Для него нет религии важнее, чем коммунизм. Но вера эта с каждым годом становится только слабее.

Солидарность, коллективизм и «советскость» – основные отличительные черты человека советского. Солидарность проявляется и в политике (в сфере запретной и тайной для советского человека) – в соотношении себя с советским государством, коммунистической идеологией, партией.

В период «оттепели и застоя» грань между частным и общим, индивидуальным и коллективным стирается постепенно, медленно и упрямо. Советский человек еще боится потерять свою «советскость», но уже осознает собственную жизнедеятельность сквозь призму личных интересов, идеи и мысли. Под личиной «советского человека» скрывается [первоначально] робкое требование индивидуальной свободы, которое в дальнейшей перспективе развивается и крепнет с каждым годом. Жизнь простого человека и гражданина становится более частной, что наблюдается во всех сферах его жизни. С экономической точки зрения, советский человек становится все более рациональным и индивидуальным, в политической сфере происходит движение в сторону идейного плюрализма. Либерализация культурной сферы происходит еще интенсивнее.

От «всем же ясно – перемен не будет» в 1984 году до «перемены в каждом доме» в 1989 году прошло всего пять лет. Частная жизнь трансформировала советского человека, а экономический и политический кризисы 1980-1990-ых гг. и вовсе его задушили. В условиях, когда коллективность и солидарность обесценились, иссякли и «советскость» граждан, и их единение вокруг государства. Политического основания коллективизма не стало, а общественно-экономические условия требовали индивидуализма. Человек стал российским - озлобленным индивидуализмом и жадным до свободы. Российский человек начала 1990-ых гг. предстает, по Киришину, «потерянным» и лишившимся родной страны. «И наступила в России самая настоящая, стопроцентная частная жизнь. Хочешь — воруй, хочешь — уезжай... хочешь — упади и сдохни, — никому до тебя дела нет».

4 Как мы хотим жить?

«Наша» история – это история трансформации советского человека в человека российского. Однако не нужно полагать, что, по мнению Владимира Киршина, изменения произошли резко и кардинально. Очерки жизни пермяков демонстрируют обратное – глубинные изменения зарождаются постепенно и укореняются в согражданах на протяжении всей истории книги, шаг за шагом усиливаясь сначала в идеях и мнениях, а затем материализуясь в интересах и действиях.

Впрочем, автор указывает только на негативные стороны общественно-политических изменений того времени, сквозь которые невозможно разглядеть светлые стороны преобразований. «Будущее не просматривается дальше текущей минуты, все обещания – блеф, все планы – фикция, дозвониться, встретиться, просто поесть – огромная проблема». Источником такого состояния [уже] российского человека является государство. «Государство козлов. Плачь, ругайся, бейся головой о стену – но настоящий герб России конца века – Козел».

Авторский посыл прозрачен. Идеализированные «нонь, светлое будущее и алые паруса мечты» советского человека разбились о государственный экономический и политический прагматизм. «Все это было намалёвано не только на стенке, это жило и в наших душах». Государство задушило советского человека, предоставив вольный воздух свободному и частному человеку российскому.

Автор вполне осознанно оставляет без конкретного ответа вопрос «Как мы хотим жить?». С одной стороны, ответом служит ностальгия по забытым советским традициям коллективной жизни - жизни солидарной и единой культурно, социально, экономически и политически. С другой стороны, завершаясь очерком первого года нового тысячелетия, книга дает надежду на светлое будущее уже частной жизни российского человека. Круг повествования словно замыкается: надежда озаряла начало очерков, она же их подытожила, поставив риторический вопрос: «Что лучше для пермяка – частная жизнь или коллективная?»

Использованная литература

Владимир Киршин, Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955 – 2001, Пермь 2009.

Semjon Wachsman: Die ganze Erde

Walentina Parschakowa

1 Über den Autor

Semjon Iegudowitch Wachsman wurde 1936 im Gebiet Stawropol geboren. Ob bedauerlicherweise oder zum Glück – er scheiterte an den Aufnahmeprüfungen für den Studiengang Journalismus der Moskauer Staatsuniversität. Die Mitglieder der Aufnahmekommission vermochten es damals nicht, in dem jungen Mann einen künftigen Schriftsteller zu erkennen. So beschloss Semjon Wachsman, sein Leben der Geologie zu widmen. Im Jahre 1959 machte er sein Diplom an der Fakultät für Geologische Erkundung der Moskauer Gubkin-Hochschule für Erdöl und Gas. Semjon Wachsman suchte gemäß der Anweisung Chruschtschows¹ im fernen Osten Russlands nach Erdöl, denn der Staatschef wollte Wladiwostok in ein neues San Francisco verwandeln (davon wird im Buch „Die ganze Erde“ noch die Rede sein). Seit 1963 lebt Wachsman in der Region Perm, bis 2002 war er berufstätig, unter anderem in der „Permneftegeophysik“², als Mitarbeiter des Kontors für Geologische Erkundung, am Forschungsinstitut „PermNIPIneft“³, an der Abteilung Geologie der Gesellschaft „Permneft“⁴, später GmbH „Lukoil-Permneft“. Je-

¹ Nikita Sergejewitsch Chruschtschow (1894 – 1971), zwischen 1953 und 1964 Generalsekretär der Kommunistischen Partei der Sowjetunion und somit das faktische Staatsoberhaupt (Anm. d. Übersetzerin).

² Kontor für Erdöl-Geophysik für Perm (Anm. d. Übersetzerin).

³ Пермский научно-исследовательский и проектный институт нефти – das permische Forschungs- und Projektinstitut für Erdöl (Anm. d. Übersetzerin).

⁴ „Permische Erdöl“ (Anm. d. Übersetzerin).

doch hat der Geologe seine Liebe zur Literatur nicht vergessen. Er ist Mitglied des Russischen Schriftstellerverbandes, von ihm stammen Bücher wie „Lik Zemli“⁵ (1967), „Uslovnij Znak – Perm“⁶ (1991), „Sinij Platotschek“⁷ (2001), „Putewoditel’ po Jurjatinu“⁸ (2003). Sein Buch „Wsja Zemlja“⁹ wurde mit dem regionalen Literaturpreis für das Jahr 2008 ausgezeichnet.

2 Das Buch

„Die ganze Erde, oder die Notizen zum Roderick Murchison, dem König von Perm, Silur und Devon“ ist eines der zwölf Bücher, die für das Projekt „Perm’ kak Text“¹⁰ ausgewählt wurden. Dieses Verlagsprojekt bietet eine eigene Lösung des Kernproblems, nämlich den Einwohnern der Region zu einem einheitlichen und ganzheitlichen Bild der Regionalgeschichte, den Eigenarten und kulturellen Besonderheiten des Gebiets Perm zu verhelfen. Das Projekt wurde auf Initiative Alexej Iwanows, eines bekannten Schriftstellers aus Perm, ins Leben gerufen. Bezeichnend ist die Tatsache, dass „Die ganze Erde“ zu den ersten drei Büchern gehörte, die im Rahmen dieses Projekts veröffentlicht wurden. Darüber hinaus ist auch der Zeitpunkt der Veröffentlichung wichtig – das Jahr 2008. Denn genau in diese Zeit fällt die sogenannte „Kulturrevolution“ in Perm – dabei handelte es sich um die Förderung des regionalen Brandings und um tiefere Einblicke in das Wesen der Region. Wachsmans Buch erwies sich somit als zeitgemäß, es half den Bewohnern Perms, eine Brücke von ihrer Heimat zur Weltkultur zu schlagen, ohne etwas an ihrer eigenen Identität einzubüßen.

3 „Die permische Pangäa“ durch die Zeit und den Raum

Pangäa – diesen erhabenen Namen trug der Superkontinent, welcher einst das gesamte Festland unseres Planeten umfasste. Später teilte sich Pangäa und wurde zu den sieben Kontinenten, die es heute gibt. Die ferne und geheimnisvolle Pangäa, so könnte man glauben, ist von dem Angesicht unseres Planeten für immer verschwunden – sie sei in Vergessenheit geraten und habe sich in der historischen Vergangenheit spurlos aufgelöst.

Demgegenüber bringt der permische Literat Semjon Wachsmann seinen Leser auf einen scheinbar widersinnigen, jedoch alles erklärenden Gedanken – die Pangäa ist nicht einfach untergegangen, sie existiert weiter und wird höchstwah-

⁵ „Das Antlitz der Erde“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁶ „Kartenzeichen – Perm“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁷ „Das Blaue Tüchlein“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁸ „Reiseführer durch Jurjatin“ (Anm. d. Übersetzerin).

⁹ „Die ganze Erde“ (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁰ „Perm als Text“ (Anm. d. Übersetzerin).

scheinlich ewig bleiben. Die Pangäa verschlang den Raum und die Zeit, dadurch konnte sie alles mit allem verbinden. Wenn alles durch einen Kontinent umfasst wird, dann gibt es auf dieser Welt nichts Zufälliges und nichts, was von dem Gesamtgefüge losgelöst wäre.

Ob es etwa ein Zufall ist, dass die historische Pangäa während des Zeitalters des Perm entstanden ist? Und wie könnte es wirklich zufällig geschehen, dass dieses Zeitalter durch den bekannten schottischen Geologen Roderick Murchison entdeckt und erkundet wurde, der das Zeitalter nach dem fernen Land „Pera maa“ benannt hat? Und noch weniger zufällig ist es, dass viele Jahre später ein Schriftsteller namens Semjon Wachsmann genau in der Stadt Perm den verborgenen Sinn der Verflechtungen des eigenen Schicksals mit dem von Murchison aufdeckt. All die Übereinstimmungen haben einen Grund, dessen Name „omnis terra“ oder „Die ganze Erde“ ist. Es wäre nur zu einfach, diesen Gedanken als Fantasterei abzutun, wäre dieser von Wachsmann gleich zu Beginn des Buches, auf den ersten Seiten seines Romans, klar und unverhüllt verkündet worden. Daher beschließt der Autor, seinen Leser ein wenig zu überlisten.

„Die ganze Erde“ beschreibt das Leben des schottischen Geologen Murchison. Es wird über die Herausbildung seiner Persönlichkeit, den Lebensweg und seine entscheidenden Entdeckungen berichtet – dies alles ist zweifelsohne recht spannend, jedoch fehlt zunächst die Verbindung zum „Einzelnen“. Dieses Narrativ wäre wohl für Geologen, Biografen sowie für Menschen, die sich weiter bilden möchten, von Interesse. Indes ist die Aufgabe Wachsmanns eine andere, eine globale: Er möchte eine Verbindung zwischen seinem Leser und der Erde herstellen, er möchte dem Leser den tiefen Sinn dieser Verbindung erschließen und einen Blick für verborgene Zusammenhänge öffnen.

Um dieser Aufgabe gerecht zu werden, baut der Autor sein Werk nach dem Hypertext-Prinzip auf: Die Abfolge der Sinneinheiten gestaltet sich nicht linear, sondern der Leser sieht sich mit einem Gefüge aus mehreren Texten konfrontiert. Diese bilden einerseits eine Einheit, andererseits ist jeder für sich eigenständig und in sich abgeschlossen. Bei näherer Betrachtung dieses Buches lassen sich mehrere „Blöcke“ unterscheiden, jeder unter einem eigenen Thema: die Autobiografie Semjon Wachsmanns, der Lebenslauf von Sir Roderick Murchison, die Beschreibung der Erforschung von „omnis terra“ in die Weite (Zeitalter der Entdeckungen), die Erforschung von „omnis terra“ in die Tiefe (Geologenstreit über die Natur der Erde) sowie deren Erforschung „von außen“ (Weltraumflüge). Ein einzelner Block setzt sich aus Texten zusammen, die „Weltkultur“ zum Thema haben. All diese Elemente dringen ineinander ein und spiegeln einander wider. So erzählte zum Beispiel eine Verwandte des Erzählers davon, dass Pablo Picasso eine grasgrüne Farbe benötigt hat, die ausschließlich aus dem Mineral Wolkonskoit hergestellt werden konnte, welches wiederum nur bei Perm abgebaut wird. Man möge sich fragen: Wo lebt Picasso und wo liegt Perm? Jedoch sind die beiden auf der gleichen „omnis terra“ – der einen Erde – zu finden. So oder ähnlich kreuzen

sich dank Perm die Wege von Murchison, Leonow¹¹ und Beljaew¹², von Lermontow¹³, Zwetajewa¹⁴, Darwin¹⁵ und vielen anderen.

Noch ein Beispiel: Auf Verlangen seiner Tante, einer Malerin, besucht der Erzähler das Institut für „Konsumchemie“, um die Farbe Blau zu ergattern. Und was bekommt er? Der stellvertretende Direktor schwärmt plötzlich davon, dass „die ganze Welt Pasternaks¹⁶ in Blau getaucht ist (...)“, dass „die Erde bei Jessenin¹⁷ blau und der Sand himmelblau sind: ‚Kein Ende, kein Rand ist zu sehen, nur das Blau saugt am Auge.‘“ Nach dieser Betrachtung über das Blau in der russischen Literatur rückt der stellvertretende Direktor ein halbes Kilogramm Farbe heraus. Nebenbei bemerkt er, dass der größte Teil der hergestellten Farbe an die Eremitage geliefert wurde, um den blauen Umhang der „Madonna Litta“¹⁸ zu restaurieren. So laufen in einem Punkt, in Perm, viele Stränge zusammen: der junge Wachsman, Leonardo da Vinci¹⁹, Jessenin und Pasternak. Und nichts hat sie dabei gehindert – weder die Jahre noch die räumliche Entfernung.

So wird auch Roderick Murchison von diesem historisch-kulturellen Wasserstrudel mitgerissen. Er sieht einen „diamantbesetzten Sternenhimmel“ – ebenso wird diesen später Pasternak sehen. Zusammen mit einem Trupp von Geologen erreicht er Solikamsk genau an dem Tag, an dem Lermontow sein Gedicht „Allein betrete ich den Weg“ schreibt, es finden sich Parallelen zwischen der Leidenschaft seiner Jugendjahre – dem Bejagen von „Rotfüchsen“ – und den roten Sandböden bei Perm. Schon entsteht der Eindruck: Auf der ganzen Welt gibt es kein Sandkorn, das keinen Bezug zu Murchison, durch ihn zu Perm und durch diese Stadt zum gesamten Universum hätte. Zugleich gibt es wohl kein einziges Sandkörnchen, das nicht in einer Beziehung zum Weltall und durch das Weltall (zu Murchison und durch ihn) zur Weltkultur hätte. Und so geht es endlos weiter. Wachsman wird nicht müde, Parallelen aufzuzeichnen, die Städte und Jahrhunderte, Menschen und Naturphänomene, seinen Leser und die ganze Erde miteinander verbinden.

Das gesamte Werk ist durchdrungen von den Verweisen auf seine Blöcke. Der Leser durchwandert buchstäblich die beschriebenen Ereignisse. So findet er sich mal in Moskau, mal im russischen Fernen Osten wieder, um auf der nächsten Seite nach Schottland und eine weitere Seite später wieder zurück nach Moskau zu rei-

¹¹ Leonid Maximowitsch Leonow (1899 – 1994), russischer Schriftsteller (Anm. d. Übersetzerin).

¹² Alexander Romanowitsch Beljaew (1884 – 1942), russischer Science-Fiction Schriftsteller (Anm. d. Übersetzerin).

¹³ Michail Jurjewitsch Lermontow (1814 – 1841), russischer Dichter (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁴ Marina Iwanowna Zwetajewa (1892 – 1941), russische Dichterin (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁵ Charles Darwin (1809 – 1882), britischer Naturforscher (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁶ Boris Leonidowitsch Pasternak (1890 – 1960), russischer Schriftsteller und Dichter (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁷ Sergej Alexandrowitsch Jessenin (1895 – 1925), russischer Dichter (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁸ „Stillende Madonna“, dieses Gemälde wird heute Giovanni Antonio Boltraffio (1467 – 1516) zugeschrieben (Anm. d. Übersetzerin).

¹⁹ Siehe Fußnote 18.

sen. Dabei bewegt sich der Reisende durch verschiedene Epochen hindurch, er überfliegt mal 100, mal 200 Jahre, manchmal sogar eine noch längere Zeitspanne, um später zum Ausgangspunkt zurückzukehren. Nun hat ein aufmerksamer Leser mit eigenen Augen gesehen, dass alles in dieser Welt auf eine wundersame Weise zusammenhängt und ist daher bereit, das Gewohnte unter dem neuen Blickwinkel zu betrachten.

Perm könnte sich bei dieser Untersuchung als ein geeignetes Forschungsobjekt erweisen. Die Stadt begegnet uns am Anfang des Buches, bevor wir uns der Existenz von allen Parallelen außerhalb von Raum und Zeit gewahr werden: „Es fliegen an uns Betonmauern und -zäune, Fabrikschlote, Werkhallen, eine Fabrik nach der anderen vorbei (...). Düsterer Himmel (...). Die Straßenbahn donnert (...). Über die Straße der Helden von Chasan²⁰ flitzt ein Minibus an den Haltestellen mit den krächzenden und furzenden Namen vorbei: PNITI²¹, TEZ²²-6, ZHBK²³ (...).“ Jedes Wort ist eine Abkürzung für Alltägliches und Autonomes. Diese kalten, seelenlosen Namen vermischen sich mit der Monotonie der Fabriken.

Jedoch sind wir nun den Weg von Murchison gelaufen und konnten die Welt durch die Brille Wachsmans sehen. Was sehen wir nun, als wir unseren Blick wiederum auf die Stadt Perm richten? Die permische Pangäa. Sie ist ein einzigartiger Ort, in dem sich vieles überschneidet: Sankt Petersburg („Perm ist nach Petersburger Art gebaut: breite Straßen, zu einem breiten Fluss führend“), das Weltall (durch die Straßen, die nach den Schriftstellern Leonow und Beljaew benannt wurden), die Geologie (der Begriff „Zeitalter Perm“, von Murchison eingeführt, blieb sogar zu der Zeit erhalten, als die Stadt zeitweise ihren Namen gewechselt hatte²⁴), das Schicksal des Autors (der Perm als einen Reiseführer durch die ganze Erde betrachtet) – und das Genannte ist nur ein kleiner Teil von dem, was Perm in seinem Herzen bewahrt.

Es ist nicht die Absicht des Verfassers, seinen Lesern die Heimatliebe aufzuzwingen. Er lässt den Leser selbst erkennen, dass sogar in einem „fernen Land“, in der russischen Provinz, ein Anhaltspunkt für eine Verbindung zur weiten Welt und sogar zum Weltall aufzuspüren ist. Wachsman führt sich selbst als Beispiel an, indem er sein Schicksal mit dem von Murchison verknüpft – durch die Geologie und konkret durch das Mineral Lasurit. Würde das Mineral fehlen, sähe der Umhang von Madonna Litta anders aus. So ergibt sich eine Parallele zwischen Semjon Wachsman und Leonardo da Vinci.

Anfangs scheint Wachsmans Konzept – der universelle Zusammenhang von allem mit allem, die Existenz von Pangäa (nicht die reale, historische, sondern die

²⁰ Gemeint sind Kämpfe zwischen dem sowjetischen Militär (Rote Armee) und der Kaiserlichen Armee von Japan im Jahre 1938 (Anm. d. Übersetzerin).

²¹ Permischer Forschungsinstitut für Technologie (Anm. d. Übersetzerin).

²² Dampfkraftwerk (Anm. d. Übersetzerin).

²³ Betonfabrik (Anm. d. Übersetzerin).

²⁴ Molotow (1940 – 1957) (Anm. d. Übersetzerin).

symbolische Existenz) – schlichtweg nur zu gut zum Lebensweg des Schriftstellers zu passen. Je weiter wir jedoch in dem Buch lesen, desto mehr Parallelen lassen sich auch zum eigenen Leben des Lesers entdecken. So erwähnt Wachsman bei der Beschreibung der wichtigsten Etappen der geologischen Entdeckungen Professor Meinardus, welcher aus Göttingen nach Graz kommt, um an einer Expedition teilzunehmen. So wird auch die deutsche Stadt Göttingen in die Chronik der Geologie eingebunden. Durch die Geologie wird Göttingen zu einem Teil des Romans des permischen Schriftstellers Wachsman – und gehört so ebenfalls zur Geschichte der Stadt Perm.

Es zeigt sich, dass die Existenz von Pangäa nie aufhörte. Dorthin kann jeder gelangen, und zwar ziemlich mühelos: Es genügt, die Zusammenhänge zwischen den scheinbar isolierten Gegenständen und Phänomenen zu entdecken. Diese Zusammenhänge lassen sich absolut willkürlich herstellen, wodurch eine Realität entsteht, in der es sich gut leben lässt. Nun hat jeder begriffen, wie er oder sie die Verbindung zur „omnis terra“ – zur „ganzen Erde“ – herstellen kann.

4 Wie wollen wir leben?

Auf den ersten Blick mag der Eindruck entstehen, Semjon Wachsman spreche die aktuellen gesellschaftlichen Probleme Russlands nicht an. Er erwähnt diese nicht einmal und erzählt stattdessen drei Geschichten: seine eigene, die von Murchison sowie die Kultur- und Wissenschaftsgeschichte, die sie alle miteinander verbindet. Zwar merkt er in seinem Bericht über Murchisons Expedition an, alle Probleme seien durch die „vom Imperator ausgestellten Papiere“ und Seilschaften zu lösen, jedoch setzt Wachsman keinen Akzent auf diesen sicherlich falschen Weg.

Sein Hauptanliegen und das Kernproblem, mit dem sich der Autor befassen möchte, ist ein wesentlich tiefgründigeres. Es gehört nicht an einen konkreten Ort oder zu einem bestimmten Zeitpunkt – es betrifft jeden Menschen. Das Problem, nach dessen Lösung Wachsman in seinem Roman greift, besteht darin, dass viele Menschen keine harmonische Beziehung zu ihrer „lokalen Heimat“, zu ihrer Region aufbauen können und verzweifelt nach einem Grund suchen, diese „kleine Heimat“ zu lieben und auf das Fleckchen Erde stolz zu sein. Nicht einmal in einer Großstadt gibt es genügend Sehenswürdigkeiten, damit sich jeder aussuchen kann, was er mag. Umso schlimmer steht es um die Provinz. Wir wollen da leben, wo es etwas gibt, auf das wir stolz sein können. Wir möchten die Provinz schnellstmöglich verlassen, uns ihr entreißen, ohne auch nur irgendwie bereit zu sein, uns hier, in dieser Provinz, auf die Suche nach etwas Bedeutsamem zu begeben.

Durch das gesamte Werk will der Autor seinem Leser zeigen, dass das Leben im „Hier und Jetzt“ nicht unbedingt gut ist. Um sich mit der Heimatstadt zu verbinden, ist es manchmal notwendig, seinen Blick für geschichtliche und kulturelle Parallelen zu schärfen und dadurch zu lernen, die Stadt „zwischen den Zeilen“ zu lesen. Heute, im Zeitalter der fragmentarischen Denkart, hilft diese Fähigkeit, sich

selbst in der endlosen Reihe von bunten Bildern nicht zu verlieren. Außerdem kann so die Vergangenheit korrekt analysiert werden, um hieraus richtige Schlüsse zu ziehen, statt einfach an einem abstrakten und seelenlosen Ort zu leben.

Literatur

Семён Ваксман, Вся Земля. Или Записки о Родерике Мэрчисоне, короле Пермском, Силурийском и Девонском, Пермь 2008.

Семен Ваксман: Вся Земля

Валентина Паршакова

1 Об авторе

Семён Иегудович Ваксман родился в 1936 году в Ставропольском крае. К сожалению (или к счастью), Ваксман не поступил на «журналистику» в МГУ. Приемная комиссия университета тогда не разглядела в молодом человеке будущего писателя. Так Семён Ваксман решил связать свою жизнь с геологией, и уже в 1959 году он закончил геологоразведочный факультет Московского института нефти имени Губкина. Работал Семён Ваксман на Дальнем Востоке, где искал нефть по приказу Хрущева, пожелавшего превратить Владивосток в советский Сан-Франциско (о чем будет упомянуто в книге «Вся Земля»). С 1963 г. живет в Пермском крае, где до 2002 года работал в «Пермнефтегеофизике», геолого-поисковой конторе, институте ПермНИПИнефть, в геологическом отделе объединения «Пермнефть», впоследствии ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМНЕФТЬ». Но, несмотря на геологическую стезю, Ваксман про литературу не забыл. Он является членом Союза российских писателей и автором таких книг, как «Лик Земли» (1967), «Условный знак – Пермь» (1991), «Синий платочек» (2001), «Путеводитель по Юрятину» (2003). Его книга «Вся Земля...» удостоена краевой премии по литературе за 2008 год.

2 Книга

«Вся Земля или Записки о Родерике Мэрчисоне, короле Пермском, Силурийском и Девонском» - одна из 12 книг проекта «Пермь как текст». Издательский проект «Пермь как текст» предлагает решение важнейшей проблемы — формирование у жителей края единого и цельного представления о его истории, самобытности и творческом своеобразии. Разные «пермские тексты» призваны укрепить имидж края, помочь читателю с самоидентификацией и идентификацией своей локальной родины, ее особенностей. Автором проекта является известный пермский писатель Алексей Иванов. Примечательно, что «Вся Земля...» вошла в тройку первых книг, напечатанных в рамках данного проекта. Также представляется важным и время публикации произведения, 2008 год. Именно с этого периода в Перми начинается так называемая «культурная революция», которая стремилась укрепить пермский бренд, раскрыть его природу. Поэтому книга Ваксмана оказалась «на волне времени» и помогла пермякам соединить свою родину с мировой культурой при сохранении аутентичности.

3 «Пермская Пангея» сквозь время и пространство

Пангея – такое величественное название имел единый континент, который включал в себя всю сушу нашей планеты. Впоследствии Пангея разделилась и к настоящему моменту превратилась в семь континентов. Таинственная и далёкая Пангея, как может показаться, навсегда исчезла с лица нашей планеты, канула в бездну истории и без следа в ней растворилась.

Пермский литератор Семен Ваксман, кажется, в противовес здравому смыслу, ведёт своего читателя к одной простой, но при этом всеобъясняющей мысли – Пангея не просто была, она есть и, вероятнее всего, будет всегда. Пангея поглотила собой пространство и время, соединив все на свете со всем. Нет в мире ничего случайного и не связанного между собой, когда все объединено одним континентом.

Разве случайностью является то, что историческая Пангея образовалась в пермский период? Случайность ли, что период этот был выделен известным шотландским геологом Родериком Мэрчисоном и назван в честь «далекой земли Пера маа»? А затем, спустя много лет, именно в Перми писатель Семен Ваксман раскроет тайный смысл переплетения собственной биографии и биографии Мэрчисона? Всем этим совпадениям есть причина, и имя её – «omnis terra», или Вся Земля. Казалось бы, если Ваксман с первых же страниц своей книги продекларировал эту мысль в её чистом, обнаженном виде, то было бы предельно просто отмахнуться от нее, обвинив автора в чрезмерной фантазии. Поэтому автор решает несколько обхитрить своего слушателя.

«Вся Земля...» – это повествование о жизни шотландского геолога Мэрчисона. Становление личности будущего исследователя, его жизненный

путь и описание основных открытий – это, безусловно, интересно, но при этом лишено связи с «каждым». Это – область интереса геологов, биографов, либо просто людей, стремящихся расширить свой кругозор. Ваксман же ставит перед собой метазадачу – связать каждого своего читателя с Землей, научить понимать её глубинный смысл, видеть скрытые связи.

Для решения поставленной метазадачи автор строит свое произведение по принципу гипертекста: смысловые единицы представлены не в линейной последовательности, а как система текстов, одновременно составляющие единство, но вместе с тем обладающие самостоятельностью. Если проанализировать произведение Семена Ваксмана, то можно выделить несколько смысловых блоков: автобиография самого автора, биография сэра Родерика Мэрчисона, описание изучения «*omnis terra*» вширь (эпоха географических открытий), изучения «*omnis terra*» вглубь (геологические споры о природе Земли), и изучение «извне» (космические экспедиции). Отдельным блоком можно выделить тексты, касающиеся мировой культуры. Все эти элементы постоянно проникают друг в друга и переключаются между собой.

Вот, например, родственница повествователя говорит о том, что Пабло Пикассо необходима травянисто-зеленая краска, которая получается только из пермского минерала волконскоита. Казалось бы, где Пикассо, а где Пермь? Ответ простой – на «*omnis terra*», на одной Земле. Подобным образом пересекаются с помощью Перми пути Мэрчисона, Леонова и Беляева, Лермонтова, Цветаевой, Дарвина и многих других. Еще один пример: по настоянию тётки-художника рассказчик идет в институт бытовой химии, чтобы добыть синий цвет. И что он получает? Замдиректора института вдруг начинает вспоминать, что «у Пастернака весь мир погружен в синее... у Есенина и земля голубая и песок небесный: не видать конца и края: только синь сосёт глаза». После анализа «синего» в русском литературном творчестве, замдиректора выдает полкило синей краски, отмечая, что большую часть отдала в Эрмитаж на реставрацию синего плаща Мадонны Литты. Вот и сошлись в одной точке, в Перми, и молодой Ваксман, и Леонардо да Винчи, и Есенин с Пастернаком. И не помешали им в этом ни года, ни пространства.

Родерик Мэрчисон точно так же оказывается включен в весь водоворот культуры и истории. Он видит «звёздное небо в алмазах» таким, каким видел его Пастернак, он в составе группы геологов добирается до Соликамска в тот же день, когда Лермонтов пишет свое стихотворение «Выхожу один я на дорогу», его юношеское увлечение охотой на «красных лисиц» находит параллели с красными пермскими песчаниками. И нет, кажется, на свете песчинки, не связанной с Мэрчисоном, через него с Пермью, через нее с космосом. Как нет и песчинки, не связанной с космосом, через него с Пермью, через нее с Мэрчисоном, через него с мировой культурой. И так до

бесконечности. Ваксман не устает рисовать параллели, соединяющие города и века, людей и природные явления, читателя и Всю Землю.

Всё произведение насквозь пронизано ссылками на свои отдельные части. Читатель буквально путешествует по описываемым событиям. Вот он в Москве, вот в Приморье, а уже буквально на следующей странице – в Шотландии, еще страница – в космосе, а потом так же быстро обратно в Москву. И всё это путешествие – не по одной эпохе, автор легко перелетает на 100, 200, а иногда и более лет вперед, а потом возвращает читателя в исходную точку. Теперь вдумчивый читатель видел своими глазами, что в мире все взаимосвязано самым удивительным образом, и в силу этого готов посмотреть на всё привычное под новым углом зрения.

Объектом такого изучения может стать и Пермь. Вот какой она предстает перед нами в начале текста, когда мы еще не увидели все вневременные и внепространственные параллели: «Летят мимо бетонные заборы, трубы, заводские корпуса, завод за заводом... Хмурое небо... Трамвай гремит... Летит по улице Героев Хасана узик мимо остановок с хрипящими и пердящими названиями: ПНИТИ, ТЭЦ- 6, ЖБК...». В каждом слове зашифрована обыденность и автономность. Холодные и бездушные названия смешиваются одной краской с бесконечными заводами. Но вот мы прошли по пути Мэрчисона, надев очки Ваксмана. Что же мы видим теперь, когда обращаем свой взор на Пермь? Пермскую Пангею. Уникальное место, где пересекаются: Санкт-Петербург (Пермь «устроена по-питерски, прямые улицы, выходящие к широкой реке»), космос (через улицы, названные в честь Леонова и Беяева), геология (Термин «пермская система», введенный Мэрчисоном, сохранял свое название даже тогда, когда город менял своё имя), судьба автора (для которого Пермь стала путеводителем ко Всей Земле) и это лишь малая часть того, что хранит в себе Пермь.

Автор не стремится искусственно навязать любовь к своей Родине. Он позволяет читателю самому дойти до мысли о том, что даже в «далёкой земле», провинциальном городе реально найти то, с помощью чего можно связаться со всем остальным миром или даже космосом. Ваксман показал это на личном примере, связав себя с Мэрчисоном, который связан с геологией, которая связана с минералом лазуритом, без которого плащ Мадонны Литты был иным. И вот сам Семен Ваксман стоит на одной параллели с Леонардо да Винчи.

В самом начале знакомства с концепцией Ваксмана о взаимосвязи всего в мире со всем и о наличии Пангеи (только уже не физической, а смысловой) кажется, что эта идея просто хорошо вписалась в жизненный путь автора. Однако по мере прочтения все больше пересечений читатель перекладывает на свою жизнь. Так, например, описывая основные вехи геологических открытий, Ваксман упоминает профессора Мейнардуса, приехавшего из Геттингена в Грац для участия в экспедиции. И вот уже немецкий город Геттинген оказывается вписан в геологическую скрижаль истории. А через

геологию – в книгу Пермского писателя Ваксмана, а значит и в историю самой Перми.

Вот и получается, что Пангея не прекратила своё существование. Каждый желающий может без особых трудностей в нее попасть: достаточно научиться видеть взаимосвязи между, казалось бы, обособленными предметами и явлениями. А строить их можно совершенно произвольным образом, тем самым конструируя вокруг себя ту реальность, в которой хочется самому жить. Теперь каждый знает этот путь обретения связи с «omnis terra». «Всей Землей».

4 Как мы хотим жить?

На первый взгляд, Семён Ваксман не говорит о том, какие проблемы испытывает современное общество и есть ли они вообще: он просто рассказывает три истории (свою, Мэрчисона и историю культуры и науки), связывая их между собой. Да, рассказывая про экспедицию Мэрчисона, он не раз обращает внимание на то, что все проблемы можно решить, если есть «императорские бумаги» или личные знакомства. Это, безусловно, не правильно, но Ваксман не ставит на этом основной акцент.

Та проблема, которую он хочет поднять, гораздо глубже и она характерна не для какого-то конкретного времени или места – она касается каждого человека. Заключается эта проблема в том, что люди не могут найти гармонию со своей малой родиной, найти то, за что ее можно любить и ею гордиться. Даже в большом городе набор достопримечательностей ограничен, и не всегда можно найти то, что будет по душе именно тебе. Что уж говорить о провинции? Мы хотим жить там, где есть чем гордиться, хотим скорее уехать, «вырваться» из провинции, но не готовы сами искать в этой самой провинции что-то значимое и важное.

Через своё произведение автор хочет показать читателю, что жить «здесь и сейчас» - не всегда хорошо. Иногда для того, чтобы связать, соединить себя со своим городом, необходимо просто научиться видеть исторические и культурные параллели, читать свой город «между строк». В эпоху «клипового мышления» такой навык поможет обществу не заблудиться в бесконечной череде ярких картинок, поможет грамотно анализировать происходящее и делать из этого выводы, а не просто жить в абстрактном и бездушном месте.

Использованная литература

Семен Ваксман, Вся Земля. Или Записки о Родерике Мэрчисоне, короле Пермском, Силурийском и Девонском, Пермь 2008.

Maja Kutscherskaja: Tante Motja

Inna Waskina

1 Die Autorin

Maja Alexandrowna Kutscherskaja (geb. am 2. Mai 1970 in Moskau) ist eine russische Schriftstellerin, Literaturwissenschaftlerin und Kritikerin. Sie promovierte an der Moskauer Staatsuniversität im Jahre 1997 in Philologie und machte 1999 ihren PhD an der University of California (UCLA). Sie ist als Professorin an der philologischen Fakultät der National Research University, Higher School of Economics¹ tätig. Sie wurde mit dem Bunin-Preis (2006) und dem „Studenten-Booker“ (2013) ausgezeichnet. Sie erhielt die meisten Leserstimmen für den Preis „Bolschaja kniga“². Kutscherskaja leitet die Creative Writing School³.

2 Laufen, nicht bleiben! / Hängt ihn nicht, laufen lassen!

Zum schulischen Curriculum im Fach Literatur gehört „Dubrowskij“, ein Roman von Alexander Sergejewitsch Puschkin. Neben dem Konflikt zwischen dem Gutsbesitzer Trojekurow und Dubrowskij erzählt dieses Werk auch eine Liebesgeschichte über die Beziehung zwischen dem Protagonisten, dem Räuber Dubrowskij, und Trojekurows Tochter Mascha. Für Mascha ist dies ihre erste Lie-

¹ Hochschule für Ökonomie in Russland mit Standorten in Moskau, Sankt-Petersburg, Nizhnij Nowgorod und Perm (Anm. d. Übersetzerin).

² „Großes Buch“ (Anm. d. Übersetzerin).

³ CWS, die „Literarischen Werkstätten“ in Moskau (Anm. d. Übersetzerin).

be – ein helles, wärmendes Gefühl. Indes stellt sich nach der Lektüre des Romans die Frage, ob Mascha Dubrowskij auch wirklich geliebt hat?

Wenn wir über „Tante Motja“ sprechen, denkt man sogleich an Mascha aus „Dubrowskij“. Allerdings gehört Mascha zur Generation 2012 – ein „komplexer Frauencharakter des 21. Jahrhunderts“ mit allen Mankos dieser Zeitspanne. Der Plot ist eigentlich wenig originell, ja sogar abgedroschen: Tante Motja alias Marina, eine ehemalige Russisch- und Literaturlehrerin, ist mit ihrer Familiensituation unzufrieden – sie ist mit einem Computerfachmann verheiratet, der grob zu ihr ist, sie hat ein Kleinkind und eine Arbeit, die sie nur selten aufatmen lässt. Motja ist als Zeitungskorrektorin tätig und mit der Zeit zunehmend enttäuscht von den Kollegen der schreibenden Zunft: „Menschen, die Zeitungsartikel verfassen, haben von dem Universum der Sprache keine Ahnung. Ihre Worte sind pechrabenschwarz und vollkommen leer. Und aufgebläht. Statt dem dichten Geäst der über den Himmel ziehenden Bäume ist es nur Totholz, unordentliche Haufen.“

In diese Situation, wenn der Mann weder liebt noch geliebt wird, wenn die Ehe am Zerbrechen ist und der Beruf weder den „Drive“ noch die davon erhoffte Freude bringt, bricht ein „Wunderbares-Helles-Für-Immer-Gefühl“ zu ihrem Kollegen, dem ewigen Wanderer, herein: „Tante Motja verliebt sich unsterblich in Sergej Michajlowitch Lanin, den müden Essayisten, Chinaforscher, Kolumnisten und TV-Sternchen“. Es scheint: das ist ES – die ewige Liebe, eine geteilte Liebe, Liebe bis in den Tod. Hier lohnt sich eine Anmerkung zum Titel: „Tante Motja“ klingt [für einen Russen]⁴ nach Küche und einer weiblichen Gestalt, eingewickelt in einen alten Morgenmantel, mit Lockenwicklern auf dem Kopf. Auch auf die anderen Namen und Persönlichkeiten Motjas ist hinzuweisen: Mot'ka, Matrjona, Matrjoschka. Motja empfindet sich selbst als eine dümmliche Matrjoschka, nicht als eine freie, sensible Marina. Sie weiß nicht, wie sie den Sprung von einer „geschlechtslosen, unansehnlichen Tante zu sich selbst als einer von Zwängen befreiten Person mit einer femininen Ausstrahlung“ schaffen sollte. Sogar im Säuglingsalter wird sie von ihrem Vater schon Matrjoschka genannt, danach einfach Motja. Lanin ist der Erste, der sie auch bei ihrem richtigen Namen nennt, er wird für sie zu einem Zauberer, der sie von dem Fluch befreit. Er wird zu einer Gottheit für sie. Die Gottheit gibt sich romantisch, sie schickt ihr poetische SMS und erzählt von goldenem Wasser irgendwo in den Dörfern Chinas. Mit Freude unterwirft sich Motja ihrer Gottheit. Genau hier entstehen Assoziationen mit der Puschkinschen Mascha – einem Mädchen, das viele französische Romane gelesen hat und dessen Herz ein tapferer Mann erobert, der einen anderen erschießt, um sie zu retten. Dubrowskij wird zu ihrem Helden und – so romantisch! – zu ihrem Ideal. Es bleibt jedoch die Frage, die wir uns schon in Bezug auf Mascha gestellt haben und nun auch im Hinblick auf Motja stellen – Liebt sie Lanin wirklich?

Ihrer Freundin Tischka gegenüber versichert Motja: „Liebe – das ist eine Gabe und das ist Freiheit, das ist kein ewiger Selbstzwang!“ Zum Thema Ehe meint sie:

⁴ Anm. d. Übersetzerin.

„Wer braucht schon diese Qual?! Ich hasse die Institution Familie!“ Mit anderen Worten: Lanin erscheint ihr als eine Chance, sich von ihrem Mann Kolja loszureißen, zu sich selbst zu finden, glücklich zu sein und sich vollständig und aufrichtig dem Geliebten zu ergeben. In dem Augenblick sieht sie genau darin ihren Lebenssinn. Doch als Ergebnis gelangt Marina zu einem der Kerngedanken des Autors. Ihr Dilemma lautet nun: „Laufe nicht, bleibe!“ Sie bemühte sich stets, ihrem Mann Kolja und dem Sohn Wärme zu schenken. In einer mühsamen Seelenarbeit versuchte sie, ihre Ehe zu bewahren. Übrigens brannte Mascha nicht mit Dubrowskij durch, sie blieb ihrem Ehemann treu und „hielt ihren Schwur“. Der Unterschied zwischen den beiden Romanen besteht im Umgang des jeweiligen Helden mit den Frauen: Während Dubrowskij versucht, Mascha vor der Ehe mit dem ungeliebten Mann zu bewahren, schlägt Lanin einen völlig anderen Weg ein: Als Motja meint, die beiden sollten ihre Ehegatten verlassen, erinnert er sich unerwartet an seine Frau und seine Verpflichtungen ihr gegenüber.

Zugleich entspinnt sich im Roman eine weitere Geschichte – die von Sergej Petrowitch Golubew, einem ergrauten Geschichtslehrer aus der Stadt Kalinow, dessen Familienchroniken Motja inspirieren. Diese Texte geben ihr frische Luft zum Atmen und Wärme. Sie erfreut sich an deren Sprache und daran, wie der Autor „die Bilder zeichnet“, indem er eine andere Sprache verwendet und ein anderes Russland entstehen lässt, das Motja besser als das heutige erscheint. Indem wir diese Geschichte verfolgen, kommen wir zu dem Schluss, dass sie Familienwerte unter dem Blickpunkt „Wie war es? – Wie ist es geworden?“ betrachtet. Die Menschen heute schätzen die Treue nicht mehr. Dies meint hier nicht nur die Treue in der Ehe – es geht um das Pflichtbewusstsein, um die treue Freundschaft, Treue zur Familie und zum Nächsten. Das Wichtigste bleibt aber diese „Seelenarbeit an eigener Ehe, ohne Hektik und Eile“ – und das genau jetzt, zu der Zeit, wenn sich die Menschen nur zu gerne voneinander trennen, sich scheiden lassen und zum Dramatisieren neigen. Die Kernbotschaft des Romans, sein „roter Faden“, ist genau diese minutiöse Arbeit: dieser Weg der Kompromisse und der Suche nach einem Konsens, der Wunsch der Eheleute, es besser zu tun und füreinander besser zu werden, und zwar ohne zu dramatisieren – und einander treu zu sein.

Besonders ist die Sprache des Romans zu betonen: eine interessante Mischung aus russischer Literatursprache (vor allem in den Briefen von Sergej Petrowitch Golubew) und der Verwendung von umgangssprachlichen Elementen, vermischt mit unzensiertem Fluchen. Insgesamt hinterlässt der Roman einen zwiespältigen Eindruck. Zum einen ist die Protagonistin Marina eine intelligente, sogar geisterfüllte, moderne Frau. Zum anderen ist sie die „Motja“, die sich selbst in diese Sackgasse jagt und nun keine Ruhe findet. Einerseits erregt sie Mitleid, andererseits eckelt man sich vor ihr. Das Familienleben wird in dem Roman als eine armselige Parallelexistenz zweier Menschen beschrieben. Dabei lässt sich nicht nur das Leben von Motja und Kolja auf diese Weise beschreiben, sondern auch das Leben ihrer Freundin Tischka. Letztere „arbeitet konsequent an ihrer Ehe“, um danach heulend in der Küche ihrer Freundin von den Seitensprüngen ihres Mannes zu

berichten. Der erste Eindruck: Eine Ehe ohne Liebe wird durch unangenehme Beschreibungen der Bettszenen wiedergegeben. Es scheint, dass nach Auffassung der Autorin alles Gute an der Institution Ehe seinen Ursprung im vorrevolutionären Russland hat, aber dort auch geblieben ist. Doch ist dem wirklich so? Puschkin zum Beispiel stellt Maschas Ehe als nicht allzu glücklich dar.

An diesem Roman hat Kutscherskaja ganze sieben Jahre lang geschrieben. Gedacht war das Werk als eine „Erzählung über die Banalität“. Jedoch lässt sich der Roman eher als eine Abhandlung über die Institution Ehe beschreiben. Gerne würde ich hinzufügen: Ehe im Kontext der russischen Gegenwart. Ich befürchte aber, dass wir überall auf die gleichen Probleme treffen. Hier würde ich gerne unsere deutschen Freunde fragen – stimmt das?

3 Wie würden wir gerne leben?

Zusammenfassend spricht die Autorin davon, dass die Ehe eine schwere, aufwendige Arbeit der Seele bedeutet. In der Ehe heißt es, sich selbst oft zu bremsen und sogar zu benachteiligen, um dem Partner entgegenzukommen. Ich kann nicht beurteilen, ob dies effektiv ist. Daher bleibt auch diese Frage offen und steht zur Diskussion. Jedoch verstehe ich die Autorin und ihre Fragestellung nicht ganz und frage mich, inwiefern Eheleute in diesem gegenseitigen Nachgeben glücklich werden können. Dies erinnert mich an einen Satz von Golubew: „Das Wichtigste ist eine traditionelle Lebensart. Ist diese verloren gegangen, gilt es, sie wieder aufzubauen.“ Mit anderen Worten: es gilt, dem zu folgen, was feststeht. In diesem Sinne zeigt uns der Roman unter anderem auch, wie die Familienwerte im Wandel sind. Vor 1917 existierte in dem vorrevolutionären Russland eine traditionelle Lebensart, die durch die gesellschaftliche Umwälzung zerstört wurde. Heute wird diese Lebensart wieder aufgebaut, jedoch ist sie anders geworden – es gibt weniger Treue und weniger Drama. Und obwohl diese Lebensart, dieses System der Familienwerte, etwas schief und schäbig ist, so ist es doch notwendig, daran weiterhin zu werken, Treue zu bewahren, und dann wird die Familie wahrscheinlich – die Autorin ist sich dessen absolut sicher – zumindest auf gegenseitigem Respekt fußen.

In diesem Sinne handelt das Buch davon, dass wir alle glücklich leben wollen, jedoch – ausgehend aus Tante Motja’s Erfahrung – nicht immer bereit und fähig sind, daran zu arbeiten. Wie das russische Sprichwort sagt: „Ohne Mühe angelst du nicht mal einen Fisch.“⁵

Literatur

Майя Кучерская, Тетя Мотя, Москва 2012.

⁵ Vgl. „Sich regen bringt Segen“ (Anm. d. Übersetzerin).

Майя Кучерская: Тетя Мотя

Инна Вакина

1 Автор

Майя Александровна Кучерская (род. 2 мая 1970, Москва) — российская писательница, литературовед и литературный критик. Кандидат филологических наук (МГУ, 1997), Ph.D. (UCLA, 1999). Профессор факультета филологии НИУ ВШЭ. Лауреат Бунинской премии (2006), Студенческого Букера (2007). Победительница в читательском голосовании премии «Большая книга» (2013). Руководитель Школы литературного мастерства Creative Writing School.

2 Бежать нельзя остаться/Казнить нельзя помиловать

В школьном курсе литературы обязательным к прочтению является роман А.С. Пушкина «Дубровский». Помимо основной конфликтной линии между бариным Троекуровым и самим Дубровским, в произведении есть и любовная линия – отношения главного героя, разбойника Дубровского, и дочери Троекурова – Маша, для которой это были первые светлые и теплые чувства. Хотя после прочтения «Дубровского», хочется задаться вопросом – а любила ли его Маша?

Говоря о «Тете Моте» Майя Кучерской, на ум точно так же приходит Маша из Дубровского, только уже из поколения-2012, и она «сложная женщина 21 века», со всеми издержками этого временного периода. По сути, сюжетная

линия Тети Моти (в миру просто – Марина, бывшая «училка» литературы), банальна и даже избита – женщина, недовольная своим семейным положением, с ребенком-детсадовцем, мужем-сисадином, который груб с ней, с работой, которая лишь изредка приносит ей глоток воздуха. Мотя работала корректором в газете и чем дальше, тем больше разочаровывалась в коллегах по пишущему цеху: «люди, которые сочиняют газетные заметки, ведасть не ведают о языковой вселенной. Черным-черны, пустым-пусты их слова. И надуты. Вместо ветвящихся, текущих по небу деревьев — мертвый хворост, неопрятные кучи».

И вот в ситуации, когда муж не любит и не любим, а брак трещит по швам, работа не приносит того драйва и удовольствия, которых так хотелось ей, в её жизнь внезапно врывается Доброе-Светлое-Вечное-Чувство к вечному страннику, коллеге: «И тетя Мотя отчаянно влюбляется в усталого эссеиста, китаиста, колумниста, телезвезду», – Сергея Михайловича Ланина. И казалось, что вот Оно – любовь до гроба, навсегда, взаимно. Здесь стоит обратить внимание на само название «Тётя Мотя» (название будто бы кухонное о тетке в халате и бигудях), и вообще на все личины Моти – Мотька, Матрена, Матрешка. Вот Мотя и ощущает себя туповатой матрешкой, а не свободной, чуткой Мариной, и не знает как прорваться от «бесполой, зачужданной тети, к себе женственной и свободной от комплексов». Даже ее отец, увидевший ее впервые младенцем – назвал ее Матрешкой, а затем просто называл Мотей. Ланин же – первый человек, который назвал ее по имени и, по сути, стал расколдовавшим ее волшебником, если не божеством. Кроме того, божество было романтично, писало ей в СМС-ках стихи, рассказывало про золотую воду где-то в китайских деревнях. И вот Мотя божеству с радостью покорилась. Здесь и возникает образ пушкинской Маши – девочки, начитавшейся французских романов и покоренной храбрым человеком, застрелившим медведя для спасения другого. Так, став ее героем, Дубровский – столь романтичный, стал и ее идеалом. Однако, вопрос про Мотю, аналогичный вопросу про Машу, остается – действительно ли она любила Ланина?

Мотя уверяла подругу Тишку, что «любовь — это дар и это свобода, а не вечное насилие над собой!», доказывая при этом, что брак «Кому нужна эта мука?! Ненавижу этот институт, институт семьи!». Другими словами, Мотя действительно рассматривала Ланина как возможность вырваться от мужа Коли, найти себя, быть счастливой и отдавать себя полностью искренне любимому человеку, в чем на тот момент повествования она видела весь смысл своего, Матрешкиного, существования. Однако в итоге Марина (или Мотя) пришла к одной из основных мыслей автора в книге, и ее дилемма стала выглядеть как «бежать нельзя, остаться». Она старалась для своего мужа Коли и сына Теплового во всем, в меру своих способностей и возможностей, корпела над долгой душевной работой над браком. А ведь и Маша в итоге не убежала с Дубровским, а осталась с уже супругом, сказав, что «дала клятву».

Однако стоит сказать, что разница в данном случае, состоит в отношении этих героев к женщинам – если Дубровский пытался спасти Машу от замужества с нелюбимым, то Ланин – шел абсолютно в другом направлении, и когда Мотя предложила уйти им от своих супругов, он вдруг вспомнил про свою жену и обязательства перед ней.

Параллельно в романе разворачивается еще одна история – седого учителя истории из г. Калинов Сергея Петровича Голубева, чьи тексты с семейной хроникой Голубевых вдохновляют Мотю. Она практически дышит ими и греется от них, радуясь языку, которым он пишет и как «рисует картины», использует при этом другой язык, а рисует и Другую Россию, которая представляется ей лучше России современной. Наблюдая за этой сюжетной линией, можно сказать, что она описывает семейные ценности в плоскостях сравнения «что было/что стало». Люди в современном мире перестали ценить верность, не просто супружескую, но верность в широком смысле этого понятия – верность долгу, верность друзьям, верность семье и своим близким. Но главное, пропал «неторопливый душевный труд над браком», а люди пристрастились к разрывам, разводам и драмам. Таким образом, основным посылом, красной линией, становится этот кропотливый труд – путь компромиссов и консенсусов супругов, желание делать лучше и быть лучше друг для друга, не прибегать к драматизму. И быть верными.

Отдельно стоит отметить язык, которым написан роман – занятное смешение литературного русского (особенно в письмах Сергея Петровича Голубева) и использование русского сленгового, да и русского нецензурного.

В целом, книга производит двойственное впечатление, т.к. с одной стороны – Марина – интеллигентная, одухотворенная современная женщина. С другой стороны – Мотя, которая мечется в этой банальной истории в которую сама себя и загнала. С одной стороны, опять же, ее жалко, с другой стороны – противно. Семейная жизнь в книге описывается как убогое существование двух людей. При том это описание не только жизни Моти и Коли, но и ее подруги – Тишки, которая «упорно работает над браком», а потом в слезах на кухне рассказывает о том, как ее муж гуляет, и на первый взгляд представляется, что брак в «нелюбви» передается через неприятное описание постельных сцен. Так, получается, будто бы по мыслям автора, что все хорошее в институте брака и семьи было в дореволюционной России, да вот только там и осталось. Но так ли это? Ведь и у Пушкина брак Машки не представляется радужным.

Кучерская работала над романом целых 7 лет, и изначально он задумывался как «повесть о пошлости», однако это скорее исследование института брака и почему-то хочется добавить, что в российских реалиях, но боюсь, что проблемы везде одинаковые. (хотя этот вопрос стоит адресовать нашим друзьям - немцам - так ли оно?).

3 Как бы мы хотели жить?

В итоге, на мой взгляд, автор говорит о том, что брак - это тяжелая, кропотливая, духовная работа, где себя необходимо зачастую останавливать или даже ущемлять, но идти навстречу супругу. Я не могу сказать, насколько это действительно, потому этот вопрос также остается открытым для обсуждения. Однако, такая позиция автора оставляет осадок недопонимания, как в таком уступничестве вообще можно быть счастливым. Однако в романе есть фраза С.П. Голубева, одного из героев, о том, что «самое важное — это традиционный уклад, и если он утрачен, его надо создавать». Другими словами, следовать тому, что было задано. В этом смысле, роман демонстрирует еще и то, как трансформировались семейные ценности, и что, по сути, традиционный уклад дореволюционной России, который в 1917 г. был разрушен и теперь его создают, восстанавливают, но он уже другой - не такой верный будто бы и более драматичный. Но даже над таким кривеньким и косеньким, все равно над ним надо работать дальше, быть верными, и тогда, возможно (а по мнению автора - точно), в семье будет как минимум уважение.

В этом смысле, книга опять-таки о том, что все мы хотим жить счастливо, но, исходя из опыта Тети Моти, не всегда хотим или не всегда можем над этим трудиться. А, как известно, без труда - не выловишь рыбку из пруда.

Использованная литература

Майя Кучерская, Тетя Мотя, Москва 2012.

Ein Gruppenbild als Abschluss der gemeinsamen Diskussion

Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt

Jonas Trodler

1 Einleitung

Wie wollen wir leben? Überaus leicht lässt sich diese Frage mit schwer beladenen Substantiven beantworten. Ich würde etwa Begriffe wie Liebe, Lebendigkeit und Gerechtigkeit benutzen. Mit diesen tugendhaften Begriffen ist nun alles und doch nichts gesagt. Für Außenstehende bleibt jedes bloße Substantiv ein lebloses Wort ohne Aussagekraft. An dieser Stelle kann uns die Belletristik helfen: Romane bieten uns eine Brücke, um uns zu verständigen. Indem sie die Begriffe in einen Kontext bringen, werden sie mit Leben gefüllt und bekommen eine Bedeutung verliehen. Dies wollen wir für unseren Dialog fruchtbar machen, um uns über die eigenen Lebensbegriffe klarer zu werden und um etwas besser verstehen zu können, was das Gegenüber mit seinen Begriffen gemeint hat.

2 Der Autor

Zunächst wollen wir den Autor des hier behandelten Romans näher betrachten. Daniel Kehlmann ist ein deutsch-österreichischer Schriftsteller. Er wurde am 13. Januar 1975 als Sohn einer Literatenfamilie in München geboren und studierte in Wien Philosophie und Germanistik. Seinen ersten Roman „Beerholms Vorstellung“ veröffentlichte er bereits mit 22 Jahren (1997). Bekannt wurde er vor allem durch seine Romane „Ich und Kaminski“ (2003), „Die Vermessung der Welt“ (2005), „Ruhm“ (2009) und „F“ (2013). Kehlmann dozierte Poetik an mehreren

Universitäten, ihm wurden vielfach Literaturpreise verliehen. Heute lebt er als freischaffender Autor in Wien und Berlin.

„Die Vermessung der Welt“ wurde zu einem der erfolgreichsten deutschen Romane der Nachkriegszeit.¹ Er wurde als Hörbuch (2005), Hörspiel (2007), Theaterstück (2008) und als Verfilmung (2012) umgesetzt. Auch weltweit war das Buch mit sechs Millionen verkauften Exemplaren in 40 Sprachen sehr erfolgreich.

Hinter seinem Schreibstil kann man das Selbstverständnis Kehlmanns als Autor durchscheinen sehen: Es herrscht ein steter ironischer Unterton, der vor allem durch die konsequente Verwendung indirekter Rede entsteht. So werden viele ohnehin groteske Situationen auf eine distanzierte Komik zugespitzt. Selbst beschreibt er seine Erzählposition so: „Es sollte so klingen, wie ein seriöser Historiker es schreiben würde, wenn er plötzlich verrückt geworden wäre“². Viele fiktionale Aussagen sind daher historisch nicht haltbar.³

3 Die Vermessung der Welt

Der Roman behandelt die Lebensgeschichten der beiden Wissenschaftler Carl Friedrich Gauß (1777 – 1855) und Alexander von Humboldt (1769 – 1859). Gerahmt wird die Handlung durch Gauß' Reise von Göttingen nach Berlin im Jahr 1828. Unwillig und missmutig bricht er mit seinem ungeliebten Sohn Eugen auf. Nach der Ankunft in Berlin erfolgt eine Rückblende, abwechselnd werden wichtige Lebenssituationen der beiden geschildert.

Humboldts Jugend beginnt mit steter Konkurrenz zu seinem ebenso gelehrten älteren Bruder Wilhelm. Alexander bekommt eine natur- und Wilhelm eine geisteswissenschaftliche Bildung angediehen. In der Freiburger Bergbauakademie lernt er Alexander Werners Neptunismuslehre über einen kalten Erdkern kennen. Auf der Suche nach Expeditionen trifft er in Paris auf seinen Begleiter Bonpland. In Spanien erwirkt er eine königliche Erlaubnis, die Kolonien der neuen Welt zu erforschen. Dort erforschen Humboldt und Bonpland eine Totenhöhle, wo sich Humboldt konzentrieren muss, keine Geister zu sehen. Sie unternehmen eine lange Bootsreise durch den Urwald, um die Existenz eines Kanals zwischen Orinoko und Amazonas zu beweisen. Auch besteigen sie den Chimborazo, den vermeintlich höchsten Berg der Welt. In Acapulco berät Humboldt schließlich die spanische Kolonialverwaltung sowie in Washington ihr verfeindetes amerikanisches Pendant. Der Lebensweg von Gauß beginnt in armen Verhältnissen mit der innigen Beziehung zu seiner Mutter. Es folgt die berühmte Anekdote, dass er im Mathematikunterricht eine Rechenaufgabe binnen kürzester Zeit durch logisches Denken löst. Damit beweist er seinen überlegenen Geist, was ihn an eine höhere Schule und mit

¹ So <http://kehlmann.com/inhalt11.html> (21.06.2017).

² <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/bucherfolg-ich-wollte-schreiben-wie-ein-verrueckt-gewordener-historiker-1304944.html> (21.06.2017).

³ Vgl. <http://www.uni-potsdam.de/u/romanistik/humboldt/hin/hin25/holl.htm> (21.06.2017).

herzoglicher Unterstützung zum Studium nach Göttingen bringt. In jungem Alter verfasst er sein Hauptwerk „Disquisitiones Arithmeticae“. Zugleich arbeitet er als Landvermesser und lernt Johanna kennen. Erst beim zweiten Versuch stimmt sie seinem Heiratsantrag zu. Gauß widmet sich nun der Astronomie und will in Göttingen, das von Napoleon belagert wurde, ein Observatorium aufbauen. Nach dem Tod Johannas heiratet er deren Freundin Minna und ist mit deren Sohn Eugen als seiner Ansicht nach unverständigem Gehilfen unterwegs. Am Ende führen die Handlungsstränge zusammen und verlieren sich wieder: Gauß nimmt an dem Berliner Naturforscherkongress teil, dort lernt er Wilhelm Weber kennen, mit dem er dann in Göttingen zusammenarbeitet und den Telegraphen erfindet. Eugen nimmt an einer verbotenen Studentenversammlung mit dem vermeintlichen „Turnvater“ Friedrich Jahn teil und wird dafür inhaftiert. Gauß will mit Humboldt beim preußischen Gendarmeriekommandanten eine Freilassung erwirken. Dazu suchen sie diesen bei einem okkulten Ritual auf, können den Beamten aber nicht überzeugen. Humboldt unternimmt am Ende noch mit großem Gefolge eine angeleitete inszenierte Expedition nach Russland, die er mehr als Zuschauer wahrnimmt. Das Buch endet mit dem freigelassenen Eugen, der nun nach Amerika übersetzt.

4 Wie wollen wir leben?

4.1 Welches Bild habe ich von der Welt?

Hier ist der Titel „Die Vermessung der Welt“ programmatisch: Gauß und Humboldt sehen die Welt vor allem als ein Objekt, das sie sich durch wissenschaftliche Methoden verfügbar machen können. Humboldt nimmt die Welt als Chaos wahr, das nur durch wissenschaftliche Präzision gebändigt werden kann. „Ein Hügel, von dem man nicht wisse, wie hoch er sei, beleidige die Vernunft und mache ihn unruhig“ (S. 42). Gauß spaziert am Ende durch die Gegenden, die er vermessen hat: „Manchmal war ihm, als hätte er den Landstrich nicht bloß vermessen, sondern erfunden, als wäre er erst durch ihn Wirklichkeit geworden“ (S. 268). Humboldt resümiert hingegen, „der Forscher sei kein Schöpfer“ (S. 291).

4.2 Nationale Prägung und Erwartungen

Kehlmann nannte seinen Roman in einem Interview „eine recht aggressive Satire über das Deutschsein“⁴. Gauß' Vater äußert die prägnante Definition, „ein Deutscher (...) sei jemand, der nie krumm sitze“ (S. 53f.). Bei den deutschen, besonders bei den preußischen Charakteren sind kühle Ordnungsgebundenheit, Disziplin und Pragmatismus zu erkennen. Während sich etwa der Franzose Bonpland auf der

⁴ <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/bucherfolg-ich-wollte-schreiben-wie-ein-verrueckt-gewordener-historiker-1304944.html> (21.06.2017).

Reise mehrfach von Frauen sexuell verführen lässt, verwehrt sich Humboldt in parallelen Situationen resolut dagegen. Einmal sagt er: „Man heirate, wenn man nichts Wesentliches im Leben vorhabe“ (S. 30). Von dieser Kühle zeugt auch Humboldts entpoetisierte Version des Goethegedichts „Wanderers Nachtlied“ (S. 128), welche in Vergleich zu fantasievollen fiktionalen Geschichten der Eingeborenen gesetzt wird.

Gauß lebt zwar weniger regelorientiert, aber er unterbricht etwa seine Hochzeitsnacht, um eine astronomische Formel zu notieren. Auch stellt er hohe intellektuelle Erwartungen an seine nahen Mitmenschen, worunter vor allem sein Sohn Eugen leiden muss.

4.3 Kant und die Menschenwürde

Immanuel Kant tritt mehrfach auf: Einmal reist der junge Gauß nach Königsberg, um ihm seine *Disquisitiones* zu schenken und über seine Ideen zu sprechen, aber der alte Kant kann seine fachlichen Erwägungen nicht verstehen.

Humboldt hingegen fragt in einigen Gesprächen nach Kant. „Der Mensch sei kein Tier, sagte Humboldt. Manchmal doch, sagte Bonpland. Humboldt fragte, ob er nie Kant gelesen habe“ (S. 48). Er versteht Kant eher als moralische Instanz, die dem Menschen über den kategorischen Imperativ seine Würde zuspricht. Dies führt etwa auch dazu, dass Humboldt die Sklaverei und die Theorie der Abstammung des Menschen vom Affen ablehnt. Dieses Verständnis der Würde bleibt bei Humboldt jedoch immer in einem strengen, beschränkenden Regelsystem verhaftet, was wohl eher gegen den Sinn von Kants Gesinnungsethik läuft.

4.4 Altern und die Frage der menschlichen Bestimmung

„Niemand, sagte Humboldt, habe eine Bestimmung. Man entschieße sich nur, eine vorzutauschen, bis man es irgendwann selbst glaube.“ (S. 264) Bei beiden Wissenschaftlern scheint es so, als hätten sie ihren Weg nicht selbst gewählt. Gauß hätte wohl lieber klassische Philologie studiert, wenn die Menschheit nicht seine größeren mathematischen Kenntnisse gebraucht hätte.

Humboldt hingegen hat, einem geheimen Brief seines Bruders Wilhelm zufolge, seine brennende Leidenschaft nach der Erforschung der Natur nicht im Angesicht des Weltpublikums, sondern im Angesicht seines Bruders entwickelt. Diese stete Konkurrenz entpuppte sich letztlich als ein produktives Sich-Gegenüberstehen der Gebrüder.

Literatur

Daniel Kehlmann, *Die Vermessung der Welt*, Reinbek ²¹2011.

Даниель Кельманн: Измерение мира

Г'юнас Тродлер

1 Введение

Как мы хотим жить? На этот вопрос довольно легко ответить, если прибегнуть к помощи многозначительных существительных. Я бы, например, использовал такие понятия, как любовь, жизнеспособность, справедливость. Эти слова полны добродетели, ими сказано всё и в то же время ничего. Для непосвящённых каждое существительное, взятое само по себе, остаётся безжизненным, пустым словом. Художественная литература протягивает нам руку помощи: романы возводят мосты, дают нам возможность понять друг друга. Литературные произведения вписывают понятия в определённый контекст, наполняют их жизнью, придают им значение. Учитывая это, легче вести беседу, легче понять себя и других.

2 Автор

Для начала бросим более пристальный взгляд на автора романа. Даниель Кельманн – австро-германский писатель. Он родился 13 января 1975 года в творческой семье, в Мюнхене. Кельманн изучал философию и германистику в венском университете. В возрасте 22 лет он опубликовал свой первый роман «Представление Беерхольма» (1997). Известность ему принесли романы «Я и Каминский» (2003), «Измерение мира» (2005), «Слава» (2009) и «Ф» (2013). Кельманн преподавал поэтику во различных университетах, стал

лауреатом многих литературных премий. В настоящее время писатель живёт в Вене и Берлине.

«Измерение мира» называют одним из наиболее успешных немецкоязычных романов послевоенного времени¹. Роман издан как аудиокнига (2005), по его мотивам сделана радиопостановка (2007), поставлен спектакль (2008) и снят фильм (2012). Книга пользуется успехом во всём мире: она переведена на 40 иностранных языков, всего продано более 6 миллионов экземпляров. По стилю романа можно догадаться о том, как писатель видит себя и окружающий мир: в каждой строке проглядывает ирония. Это впечатление усиливается благодаря тому, что автор постоянно использует приём косвенной речи. Таким образом писателю удаётся ещё более заострить описания и без того достаточно комичных ситуаций, сохраняя при том определённую дистанцию к своим героям. Кельманн пишет о себе как рассказчике: «Написанное мной должно выглядеть так, будто бы это сочинил серьёзный историк, который почему-то вдруг сошёл с ума.»² Таким образом, многие высказывания героев романа не имеют под собой исторической основы³.

3 Измерение мира

Роман посвящён судьбам двух учёных – Карла Фридриха Гаусса (1777 – 1885) и Александра фон Гумбольдта (1769 – 1859). В качестве рамки повествования выступает путешествие Гаусса из Гёттингена в Берлин в 1828 году. В плохом настроении и крайне неохотно отправляется учёный в эту поездку, сопровождаемый своим сыном Евгением. После прибытия Гаусса в Берлин роман возвращается к прошлому обоих путешественников, Гумбольдта и Гаусса, и рассказывает о важных событиях в их жизни.

Юность Гумбольдта проходит в постоянном соперничестве со старшим братом Вильгельмом, человеком высокообразованным, успешным учёным. Александр посвящает себя естественным наукам, Вильгельм – гуманитарным. В Горной Академии Фрайберга Александр знакомится с учением нештунизма о холодном ядре Земли, автором которого являлся А. Вернер. Гумбольдт ищет возможность отправиться в экспедицию, судьба сводит его с Бонпланом, его будущим спутником и партнёром в странствиях. Будучи в Испании, учёный добивается высочайшего разрешения на научную экспедицию в колонии Нового Света. В Южной Америке они исследуют Пещеру Мёртвых и лишь с огромным трудом Гумбольдту удаётся избавиться от ощущения, что вокруг него роятся призраки. Чтобы доказать

¹ <http://kehlmann.com/inhalt11.html> (21.06.2017).

² <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/bucherfolg-ich-wollte-schreiben-wie-ein-verrueckt-gewordener-historiker-1304944.html>

³ <http://www.uni-potsdam.de/u/romanistik/humboldt/hin/hin25/holl.htm>

существование пролива, соединяющего Амазонку и Ориноко, они отправляются в длительное плавание на небольшой лодке. Они покоряют гору Шимборазо, считавшуюся тогда самой высокой вершиной в мире. Гумбольдт выступает в качестве консультанта испанского управления колоний в городе Акапулько, в Вашингтоне он даёт советы соперникам Испанской короны.

Гаусс происходит из бедной семьи, он очень привязан к своей матери. Писатель рассказывает знаменитую историю о том, как Гаусс ещё школьником решает всего за пару минут сложную задачу на уроке математики при помощи логического мышления. Доказав таким образом свою гениальность, молодой человек получает возможность при содействии герцога продолжить учёбу в Гёттингене. Уже в юности он сочиняет «*Disquisitiones Arithmeticae*», его важнейший труд. В то же время он работает землемером и знакомится с Иоганной. Лишь со второй попытки ему удаётся добиться её согласия, выйти за него замуж. Гаусс занимается астрономией и планирует основать обсерваторию в осаждённом наполеоновскими войсками Гёттингене. После смерти Иоганны он женится на её подруге Минне и отправляется в путь с Евгением, сыном Минны, с точки зрения Гаусса весьма негодным помощником.

Под конец романа обе линии сходятся, чтобы вновь разойтись и потеряться: Гаусс принимает участие в Конгрессе естествоведов в Берлине, знакомится там с Вильгельмом Вебером, с которым он позже сотрудничает, будучи в Гёттингене. Вместе они изобретают телеграф. Евгений участвует в запрещённом собрании студентов, где выступает т.н. «отец гимнастики» Фридрих Йан. Евгения арестовывают. Гаусс хочет с помощью Гумбольдта добиться освобождения и подать ходатайство командиру жандармского корпуса. Для этого они навещают чиновника во время оккультного ритуала, но убедить жандарма учёным не удаётся. Гумбольдт отправляется позже с большой свитой в экспедицию по России, где он себя чувствует скорее зрителем, чем исследователем. Роман завершается сценой, когда отпущенный из-под ареста Евгений уезжает в Америку.

4 Как хотим жить мы?

4.1 Какова моя картина мира?

Название романа «Измерение мира» выбрано далеко не случайно: Гаусс и Гумбольдт рассматривают окружающий мир прежде всего в качестве объекта, который они могут познать и освоить при помощи науки и её методологии. Мир для Гумбольдта – это хаос, обуздать каковой может лишь научная точность. «Если мы не знаем точной вышины холма, то этот холм оскорбляет наш рассудок и приводит его в состояние беспокойства.» (с. 42) В

конце романа Гаусс прогуливается по тем местам, где он работал землемером: «Иногда ему представлялось, что этот кусок земли он не просто измерил, но изобрёл его, будто эти места стали реальностью лишь благодаря нему.» (с. 268) Гумбольдт подводит итог иным образом: «Исследователь – не Творец.» (с. 291)

4.2 Национальные черты и различные ожидания

В одном из интервью Кельманн назвал свой роман «довольно-таки агрессивной сатирой на немцев»⁴. Отец Гаусса даёт весьма впечатляющее определение: «Немец – это человек, который никогда не сядет криво.» (с. 53) В немецком, в особенности прусском национальном характере чётко прослеживаются такие черты как любовь к порядку, а также дисциплина и прагматизм. Так, если Бонплан во время экспедиции не раз поддаётся женским чарам, то Гумбольдт в подобных ситуациях решительно противится искушению. Как-то раз он высказывается следующим образом: «Люди женятся тогда, когда они ничего существенного в жизни совершить уже не собираются». (с. 30) Весьма далёкая от поэзии интерпретация Гумбольдтом стихотворения Гёте «Ночная песнь путника», которая в романе противопоставляется выдуманному легендам коренных жителей Амазонии, является ещё одним подтверждением этого духовного холода. (с. 128)

Гаусс, жизнь которого кажется в меньшей степени подчинённой строгим правилам, всё же способен во время брачной ночи покинуть невесту, чтобы записать пришедшую ему на ум астрономическую формулу. И он тоже выставляет высокие требования к интеллекту окружающих, от чего в первую очередь страдает его приёмный сын Евгений.

4.3 Иммануил Кант и человеческое достоинство

Кант появляется в романе неоднократно: один раз юный Гаусс едет в Кёнигсберг, чтобы подарить ему экземпляр *Disquisitiones* и обсудить с ним свои идеи, но престарелый Кант уже не может понять его рассуждения.

Гумбольдт, напротив, упоминает в ряде бесед Канта. «Человек – это не животное, сказал Гумбольдт. Иногда всё же, ответил Бонплан. Гумбольдт спросил, читал ли тот Канта.» (с. 48) Для Гумбольдта Кант – это своего рода моральная инстанция, которая через категорический императив придаёт человеку его достоинство. Именно эта точка зрения приводит к тому, что Гумбольдт одинаково негативно относится к рабовладению и к теории происхождения человека от обезьяны. В то же время понятие о достоинстве

⁴ <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/bucherfolg-ich-wollte-schreiben-wie-ein-verrueckt-gewordener-historiker-1304944.html>

Гумбольдт ставит в узкие, ограничивающие свободу рамки, что противоречит сущности кантовской этики.

4.4 Старение и вопрос о предназначении человека

«Никакого предназначения не существует, сказал Гумбольдт. Люди сами создают видимость такового, пока не начинают в оное верить.» (с. 264) Создаётся впечатление, что ни один из этих двух учёных не выбрал сам свой жизненный путь. Если бы человечество не нуждалось в его познании в области математики, то Гаусс предпочёл бы изучать классическую филологию.

Как следует из тайного письма Вильгельма Гумбольдта, страстное желание познать тайны природы родилось в Александре не из стремления стать знаменитым, а из стремления добиться успеха перед лицом брата. В конечном счёте постоянное соперничество братьев оказалось весьма продуктивным.

Использованная литература

Daniel Kehlmann, *Die Vermessung der Welt*, Reinbek 212011.

Jaan Kross: Professor Martens' Abreise

Judith Schaefer

1 Der Autor

Der Autor Jaan Kross wurde am 19. Februar 1920 in Tallinn geboren, studierte Jura in Tartu und wurde 1944 von den deutschen Besatzern sowie 1946 von den sowjetischen Besatzern festgenommen. In Haft fand er zur Literatur, sodass er nach seiner Rückkehr ab 1954 als freier Schriftsteller in Tallinn arbeitete. Als Mitglied des estnischen Schriftstellerverbandes wurden ihm viele nationale Auszeichnungen verliehen. Er verfasste in den 70er und 80er Jahren vor allem historische Romane mit autobiografischen Zügen. Weitere berühmte Werke sind *Der Verrückte des Zaren* (1979 – dt. 1990) und *Das Leben des Balthasar Rüssow* (1970 – dt. 1980).

2 Der Roman

Kross' Roman „Professor Martens' Abreise“ erschien 1984 im Original in Estland und wurde 1989 und 1992 in russischer und deutscher Übersetzung veröffentlicht. Er handelt von der historischen Person Friedrich Fromhold Martens, einem frühen Waisenkind estnischer Herkunft, das im Waisenheim in Sankt Petersburg aufwächst und zum Professor für Völkerrecht sowie zum Rechtsberater des russischen Zaren aufsteigt. Auf einer Zugfahrt von seiner Heimatstadt Parnau zu einem Geschäftstermin in Sankt Petersburg unterhält er sich mit seiner fiktiv anwesenden Ehefrau Kathi, die seit mehreren Jahren mit ihm verheiratet ist, und, anders als er, aus gutem Hause stammt. Er verspricht ihr „in völliger Aufrichtigkeit“ von seinem

bisherigen Leben zu erzählen, was ihn dazu zwingt, auch unangenehme Situationen seines Lebens detailliert wiederzugeben.

Jaan Kross behandelt in seinem Roman verschiedene Lebensentwürfe. Anhand seiner Hauptfigur lässt er rückblickend auf dessen Leben Bewertungen seines Handelns in der Vergangenheit zu. Dadurch bietet Kross ihm die Möglichkeit, seine Reaktionen in bestimmten Situationen noch einmal zu überdenken. Er bringt den Juristen Martens, der in seinen Studienjahren bereits einen klaren Entwurf seines Lebens entwickelt, in den Kontakt zu Menschen, die ganz anders leben als er. Anhand seiner Person arbeitet Kross auf, was uns im Leben als wichtig erscheint und wonach Individuen zu streben versuchen. Es zeigt sich, dass sich individuelle Wünsche oft schwer in Einklang mit beruflichem Ehrgeiz bringen lassen. Zeit seines Lebens steckt Martens so oft in seinem diplomatischen Beruf fest, dass ihm sein persönliches Ich dahinter fern ist. Dadurch fällt es ihm im Rückblick oft schwer, sein wahres Ich zu erkennen und er verwechselt es oft mit der von ihm oder von anderen geforderten Rolle.

3 Die Professoren Martens

Von größter Bedeutung in frühen Studienjahren war und ist für Martens seine Entdeckung der Parallele zwischen ihm und seinem bereits verstorbenen Namensvettern Georg Friedrich von Martens. Dieser wurde 1784 zum ordentlichen Professor für Völkerrecht an der Göttinger Universität berufen und arbeitete als Diplomat im westfälischen Königreich. Neben dem gleichen Namen waren beide fleißige Schüler mit starkem Interesse für fremde Länder, beherrschten bereits früh mehrere Sprachen, wurden zu Professoren für Völkerrecht berufen und arbeiteten mittels dieser Funktion diplomatisch in ihren Regierungen mit. Durch ihren Einsatz als Deutscher unter Napoleon und als Este unter dem russischen Zaren halfen die beiden Professoren dem Staatsapparat der besetzenden Macht weiter, wobei Letzterer seine Herkunft aus einer estnischen Familie als besonderen Nachteil empfand.

Der berühmte Georg Friedrich von Martens wurde so mit den Jahren zu gleichen Teilen Vorbild und Mutmacher des Protagonisten. Vor großen Herausforderungen ruft sich Friedrich Fromhold immer wieder den damals erreichten Erfolg seines Namensvetters ins Gedächtnis. Auf der Zugfahrt selbst verdeutlicht sich diese Verinnerlichung der Biografie des Anderen durch wiederkehrende Tagträume von dessen Kindheitserlebnissen und wichtigen Einschnitten in seinem Leben, die sich nach dem Erwachen nur schwer von den eigenen Erinnerungen trennen lassen: „Ich muss eher an meine Studienzeit denken. Wann war das? In Petersburg? Im ersten Studienjahr 1863? Oder in Göttingen 1774? In Petersburg oder in Göttingen? Alles nur Spielerei...“ (S.138). Zum Teil ist diese Verwirrung ein Ausdruck seines Versuches, der großen Verantwortung seiner Position auszuweichen.

Er gesteht sich ungerne die Konsequenz der Entscheidungen seiner Vergangenheit ein, weshalb er die Erinnerungen des anderen Martens zur Bewertung seiner Gegenwart vorzieht.

4 Wie lebt Martens und wie leben andere?

Martens wurde nicht in den Adelsstand hineingeboren, was ihm für das Erreichen höherer Positionen Nachteile brachte. Er bekam den Friedensnobelpreis trotz Nominierung nicht verliehen, was er auf seine Zugehörigkeit zum Russischen Reich schob. An ihm zeigt sich, wie persönliche Herkunft und Zugehörigkeit in Konkurrenz zu einem Lebensentwurf stehen können.

Auch der Autor Jaan Kross hatte als Este Nachteile unter dem Sowjetregime und stellt in diesem Roman verschiedene Entwürfe eines Umgangs mit persönlichen Voraussetzungen wie Nationalität, Herkunft und Geschlecht vor:

Martens Neffe Johannes engagiert sich im Arbeiteraufstand gegen die voranschreitende Russifizierung in Estland. Es ist dem Onkel unmöglich, das Nationalgefühl des Neffen nachzuempfinden. Da er selbst dem staatlichen System angehört, formuliert er erst im Gespräch mit Kathi eine Mitverantwortlichkeit.

Martens Affäre, Yvette Arlon, von der Kathi auf dieser Zugfahrt zum ersten Mal erfährt, bereitet sich in Brüssel auf ihr Kunststudium vor. Wie Martens verlor sie schon früh beide Eltern und verdient sich allein durch Fleiß ihre Erfolge. Als Künstlerin erweckt sie in ihm Faszination, da sie ihre Umwelt in einer ihm völlig fremden Art und Weise wahrnimmt und verarbeitet. Doch auch hier ist es ihm nur möglich, sie in beruflicher Weise kennenzulernen. Er beschreibt sie als ein fremdes Land, dessen Eigenarten und Regeln es zu erforschen gelte. Auf einer Reise an die Küste stellt sie ihm die gleichnamige Bauernfamilie Martens vor. Für sie ist er ebenfalls ein Belgier, dessen Vorfahren es nach Russland verschlagen hat, was er nicht korrigiert. Im fiktiven Dialog antwortet seine Ehefrau, dass die gleiche Herkunft von ihm und der Künstlerin für sein Wohlbefinden in ihrer Nähe Sorge. Es scheint durch, wie wenig sich Martens an die Hochzeit mit der gesellschaftlich höhergestellten Senatorentochter gewöhnt hatte. Selbst in seinem privatesten Raum hat er noch keinen Einklang mit seiner Vergangenheit und Gegenwart gefunden. Dies ist anders bei der Künstlerin, da sie offen über sich zu sprechen vermag und in der Kunst einen Weg gefunden hat, ihre Gefühle auszudrücken.

Hella Vuolijoki, seine letzte Zugbegegnung, greift seine Einstellung zu der eigenen Nation noch einmal auf. Die junge Estin, die in Helsinki ein Studium anstrebt, was für eine Frau im Russischen Reich noch nicht möglich war, stellt ihm ein selbstbewusstes Lebenskonzept vor. Als junge Sozialistin und Sympathisantin der Arbeiteraufstände stößt sie eine politische Diskussion an, in der Martens oft schwer Argumente zu entgegnen weiß. Er lässt sich aber als gesellschaftlich höhergestellter Mann und Teil des Systems wenig beeindruckt. Vielmehr wundert er sich über das frische, gewaltfreie und nationale Bestreben der jungen Frau. Es

zeichnet sich bei ihm ein gewisses Bedauern darüber ab, ihre Motivationen und Gedanken nicht nachvollziehen zu können, was jedoch keinen deutlichen Ausdruck findet.

Nach der Verabschiedung von Hella und einem kurzen Aufenthalt in dem Umsteigebahnhof Walk stürzt Martens beim Einstieg in den letzten Zug nach Sankt Petersburg auf die Gleise und stirbt.

5 Wie wollen wir leben?

Den Verlust der eigenen Kindheit und Identität wertet Martens durch die Verbindung zu dem großen Professor aus Göttingen auf. Für ihn stellt die Weltpolitik eine Bühne dar, auf der er aufgrund seines Wissens und seiner Fähigkeit zum spontanen Wandel der Sprache und des Ausdrucks agieren kann. Menschen, die demgegenüber ihrem Herzen folgen, erzeugen in ihm eine von ihm selbst unerkannte Anziehung, die in eben dieser Erfüllung gegenüber seiner eigenen Unerfülltheit gründet.

Der Autor Jaan Kross vermag uns vor Augen zu führen, wie wertvoll das eigene Leben mit den eigenen, unvergleichlichen Eigenarten und Voraussetzungen ist, derer es sich nicht zu schämen, sondern die es zu verwirklichen gilt.

Die Fragen, die sich auch für den Protagonisten Martens ergeben, sind dabei: „Inwieweit können wir uns selbst entsprechen?“ Oder: „Inwieweit richten wir unsere Werte und Entscheidungen nach unserem Konstrukt davon aus, wie wir gerne leben würden?“

Die Frage ist, ob ein Leben in einem solchen Konjunktiv („Was würde die Person tun, der ich gerne entsprechen würde?“) uns zu Zufriedenheit führt, oder ob wir dabei uns selbst zurücklassen und irgendwann vergessen.

Ich denke, dass es für manche Entscheidungen und Herausforderungen im Leben wichtig ist, sich seiner Person und damit seines reinen Gewissens sicher zu sein. Jede unserer Handlungen rührt von unserer ganz eigenen Vergangenheit und Erfahrungen her, die sich mit keiner anderen Person vergleichen lassen. Wenn wir uns selbst überstürzen, können Konstrukte unseres Selbst, eines Systems und einer Gesellschaft entstehen, die aber in sich leer und haltlos sind. Die Frage ist, inwieweit sich dann Entwicklungen bewerten lassen und inwieweit sie einem wirklichen Wesen entsprechen. Oft würde es einfach reichen, dass wir mutiger dem folgen, was wir sind, als dem, was wir gerne werden würden. Denn Zukunft entwickelt sich aus einer starken Gegenwart.

Literatur

Jaan Kross, Professor Martens' Abreise, München 1995.

Яан Кросс: Уход профессора Мартенса

Юдит Шеффер

1 Автор

Писатель Яан Кросс родился в Таллинне 19 февраля 1920 года и изучал юриспруденцию в Тартуском университете. В 1944 году его арестовали немецкие оккупационные власти, в 1946 году – советские. Находясь в заключении, он открыл в себе интерес к литературе, после возвращения в родной город он, начиная с 1954 года, был вольным писателем. Кросс являлся членом Союза писателей Эстонии, был удостоен многих премий и наград. В 1970-х и 1980-х гг. Кросс написал несколько исторических романов, несущих автобиографические черты. Другие его знаменитые произведения: «Императорский безумец» (1978, в немецком переводе – 1990) и «Три поветрия» (1970, в немецком переводе роман вышел под заголовком «Жизнь Бальтазара Рюссов» в 1980 году).

2 Роман

Роман Кросса «Уход профессора Мартенса» вышел в свет на эстонском языке в 1984 году и был переведён в 1989 году на русский и в 1992 году на немецкий языки. Герой романа – историческая личность, Фридрих Фромгольд Мартенс. Осиротев в раннем детстве, Мартенс растёт в приюте для сирот в Санкт-Петербурге и становится позже профессором международного права а также советником русского царя. Он едет на поезде

по делам из своего родного города Парнау в Санкт-Петербург и ведёт воображаемую беседу со своей женой Кати. Они женаты много лет и, в отличие от своего мужа, Кати происходит из «хорошей семьи». Мартенс «от всего сердца» обещает ей объяснить, что же его вынуждает подробно рассказывать о малоприятных ситуациях и подробностях его биографии.

Ян Кросс описывает в своём романе различные жизненные концепции. Оглядываясь в прошлое, он даёт возможность главному герою оценить свои поступки. Таким образом писатель позволяет ему переоценить себя и свою реакцию в тех или иных обстоятельствах. Юрист Мартенс, который ещё в бытность студентом разработал чёткий план своей жизни, вступает по воле автора в контакт с людьми, живущими совершенно по-иному. На примере Мартенса Кросс показывает, что для нас важно в жизни и к чему пытаются стремиться люди. Оказывается, что личные пожелания и стремления далеко не просто привести в согласие с честолюбием и желанием сделать карьеру. Мартенс в течение лет до такой степени отождествляет себя с привычной ролью профессионального дипломата, что его собственное Я становится ему самому чужим. Именно потому, оглядываясь назад, он с таким трудом пытается отыскать своё Я и нередко путает искомое Я с навязанной ему другими людьми ролью.

3 Профессора по имени Мартенс

Ещё в первые годы студенчества Мартенс обнаружил своё сходство с к тому времени уже покойным однофамильцем, Георгом Фридрихом фон Мартенсом. Это сходство приобрело для профессора постепенно огромное значение. Однофамилец героя романа Кросса был в 1784 году призван на должность штатного профессора Гёттингенского университета и служил на дипломатических должностях в Королевстве Вестфалия. Обоих Мартенсов объединяло помимо фамилии очень многое: оба были прилежными учениками, испытывали горячий интерес к другим странам и народам, рано овладели многими иностранными языками, стали профессорами международного права и сотрудничали в качестве учёных и дипломатов с правительствами своих стран. Немец в официальной должности на зависимой от наполеоновской Франции территории, эстонец – советник русского царя: оба профессора оказывали поддержку оккупационным властям, причём герой романа всегда рассматривал своё происхождение из эстонской семьи как особенный недостаток.

Знаменитый Георг Фридрих фон Мартенс стал с течением лет для протагониста романа Кросса одновременно примером для подражания и духовной поддержкой. Перед серьёзными испытаниями Фридрих Фромхольд всегда вспоминал об успехах своего однофамильца. Вот и во время этой поездки Мартенс погружается в мечты-воспоминания о детских годах и

важнейших этапах жизни другого Мартенса, и, возвращаясь к реальности, лишь с большим трудом различает эту чужую судьбу и свою собственную жизнь. Таким образом, судьба однофамильца стала частью личности героя романа. Мартенс размышляет: «Мне надо бы подумать о моих собственных студенческих годах. Когда и где же я был студентом? В Петербурге? На первом курсе я учился в 1863 году? Или я был студентом в Гёттингене в 1774? В Петербурге или Гёттингене? Ах, это всё пустое, всё игра...» (с. 138) Это смешение воспоминаний отчасти является попыткой смягчить груз ответственности, лежащий на облечённом высокой должностью дипломате. Лишь неохотно анализирует Мартенс последствия принятых им в прошлом решений, видимо поэтому он использует воспоминания однофамильца в качестве критерия оценки своего настоящего.

4 Как живёт Мартенс и как живут другие?

Мартенс не смог добиться дворянского титула – весьма неудачное обстоятельство с точки зрения карьеры. Несмотря на то, что он был номинирован на Нобелевскую премию мира, эту престижную премию он не получил. Как считал сам Мартенс – из-за своей принадлежности к Российской Империи.

Яан Кросс, будучи эстонцем, находился при советской власти в невыгодной ситуации. В своём романе он представляет читателю различные варианты и возможности адаптации человеческой личности к таким её константам как национальность, происхождение и пол.

Племянник Мартенса Йоханнес – активный участник рабочего движения против политики русификации в Эстонии. Дядя не способен понять национальные чувства племянника. Поскольку он сам часть государственного аппарата, то лишь в этом внутреннем диалоге в Кати он говорит об своей ответственности по отношению к нации.

Любовница Мартенса Иветта Арлон, о которой профессор впервые рассказывает Кати во время этой поездки, готовится в Брюсселе стать студенткой и изучать искусство. Как и сам Мартенс, она рано потеряла родителей и обязана своими успехами лишь собственному прилежанию. Мартенс восхищается ею: человек искусства, она видит окружающий мир совершенно по-иному, чем он сам. Даже эту близкую ему женщину профессиональный дипломат воспринимает с точки зрения своей профессии и не может иначе. Он описывает её как чужую страну, особенности и нравы которой ему предстоит исследовать. Во время их совместной поездки к морю она познакомила его с семьёй крестьян по фамилии Мартенс. Она сама думает, что он бельгиец, предки которого волею судеб оказались в России. Мартенс оставляет её в этом заблуждении. В вымышленной беседе Кати объясняет мужу, что мысль о происхождении из

одной и той же страны придаёт ему чувство комфорта в обществе подруги. Становится очевидно, что даже годы спустя Мартенс не освоился с ролью мужа дочери высокопоставленного санкт-петербургского сенатора. Даже наедине с самим собой он не может до конца примириться со своим прошлым и настоящим. Иветта нашла в искусстве способ выразить свои чувства и научилась откровенно говорить о себе.

В поезде он встречает под конец Хеллу Вуолийоки, что заставляет его ещё раз задуматься о своём отношении к собственной нации. Хелла, образец целеустремлённой женщины, хочет получить высшее образование в Хельсинки. Молодая социалистка, симпатизирующая восстаниям рабочих, она вовлекает профессора в дискуссию на политические темы, в которой он не всегда сразу находит, что ответить. На него, стоящего на общественной лестнице значительно выше своей собеседницы и к тому же являющегося частью существующей политической системы, горячность Хеллы не производит особенного впечатления. Он скорее удивляется свежим и мирным национальным устремлениям молодой женщины. Создаётся впечатление, что он сожалеет о том, что не в состоянии понять мотивы и образ мысли Хеллы, однако до конца эта идея в романе не развита.

Попрощавшись с Хеллой, Мартенс ждёт на маленькой станции Валк своего поезда, чтобы ехать дальше, в Санкт-Петербург. При посадке на прибывший поезд он умирает от сердечного приступа и падает на рельсы.

5 Как хотим жить мы?

Мартенс пытается компенсировать утерянные детство и идентичность поиском связей и параллелей между своей судьбой и жизнью знаменитого профессора из Гёттингена. Международная политика превращается для него в подобие сцены, на которой он успешно выступает благодаря своей способности легко переходить с языка на язык и менять стиль речи. Люди, следующие своему сердцу, притягивают его, хотя Мартенс сам этого подчас не осознаёт. Причина подобного воздействия кроется вероятно в том, что эти, другие люди живут в отличие от него полной жизнью.

Писатель Яаан Кросс показывает нам, насколько ценна наша жизнь со всеми её особенностями и обстоятельствами, которых не следует стыдиться, а напротив, которые нужно разумно использовать.

На примере героя романа автор ставит следующие вопросы: «Насколько мы в состоянии соответствовать самим себе?» Или: «В какой степени мы руководствуемся в наших решениях и в формировании нашей системы ценностей нашим собственным представлением о том, как бы мы хотели жить?»

В этой связи встаёт и такой вопрос: «Принесёт ли подобная жизнь в сослагательном наклонении, а именно «Как бы поступил человек, которым я

бы хотел быть?»), нам удовлетворение? Или быть может, подобная жизненная максима заставит нас отказаться от собственной личности и в конечном счёте забыть самих себя?

Я думаю, что для принятия ряда решений и преодоления встречающихся на жизненном пути препятствий необходимо познать самого себя, свою личность и таким образом жить в ощущении, что твоя совесть чиста. Каждое принимаемое нами решение основывается на нашем личном опыте и тем самым обуславливается нашим индивидуальным и тем самым уникальным прошлым. Если мы сами себя торопим и действуем опрометчиво, то есть опасность возникновения конструкций нашей собственной идентичности, общества и политической системы, которые не имеют под собой реальной основы и, следовательно, нестабильны по своей сущности. Вопрос в том, насколько можно в таком случае дать оценку событиям и тенденциям развития и насколько эта оценка будет соответствовать внутренней сути событий? Зачастую достаточно просто набраться мужества и следовать своим внутренним побуждениям, вместо того чтобы руководствоваться представлением о том, кем бы мы хотели быть. Прочная основа в настоящем является лучшим залогом будущего.

Использованная литература

Jaан Kross, Professor Martens' Abreise, München 1995.

Pascal Mercier: Nachtzug nach Lissabon

Jannik Garvs

1 Der Autor

Peter Bieri (Pseudonym Pascal Mercier) wurde am 23.6.1944 in Bern geboren. Er ist sowohl Schriftsteller als auch promovierter Philosoph, studierte außerdem noch Anglistik und Indologie. Unter anderem wurde ihm 2006 die Lichtenberg-Medaille von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen verliehen. Als Schriftsteller gelang ihm unter dem Pseudonym Pascal Mercier der Durchbruch mit dem Roman „Nachtzug nach Lissabon“, welcher 2004 vom Carl Hanser Verlag herausgegeben wurde.

2 Nachtzug nach Lissabon

Der von Pascal Mercier verfasste Roman „Nachtzug nach Lissabon“ setzt sich thematisch mit der Analyse des eigenen Lebensstils auseinander. Hierfür nutzt er die Elemente einer erzählenden Geschichte. Seinen Protagonisten, Raimund Gregorius, beschreibt er als jemanden, welcher bemüht ist, die Kulturen fremder Länder mithilfe von Büchern, welche in der jeweiligen Landessprache geschrieben wurden, zu verstehen.

In Merciers Roman wird die Frage „Wie wollen wir leben?“ schon in den ersten Kapiteln aufgegriffen. Diese Thematik wird bis zum Ende des Buches behandelt. Zunächst beschreibt Mercier die standardisierte Lebensweise seines Protagonisten Gregorius, welche durch ein für Gregorius nicht vorhersehbares ungewohn-

tes Ereignis (das Zusammentreffen mit einer portugiesisch sprechenden Frau) aufgerissen wird. Dieses Ereignis ist der Auslöser für die Folgehandlungen, die im Roman beschrieben werden und eine Bilanzierung von Gregorius' bisherigem Leben bilden, einschließlich des Entschlusses, sein „altes Leben“ hinter sich zu lassen. Eingeläutet wird diese Entscheidung durch den Beginn des Erlernens einer weiteren neuen Sprache – nämlich Portugiesisch – sowie eines antiquarisch erworbenen, in Portugiesisch geschriebenen (fiktiven) Buches mit dem Titel „Um ourives das palavras“. Es wurde 1975 verfasst von Amadeu Inácio de Almeida Prado, einem portugiesischen Arzt und Philosophen, der während der Ära der Salazar-Diktatur in Portugal lebte.

Als Aus- und Aufbruchsmotiv aus dem bisherigen Leben des Protagonisten dient ein Zug, hinzu kommt das Zurücklassen von Büchern, die symbolisch für sein altes Leben stehen. Zu Beginn der Zugreise, welche ihn nach Lissabon führt, fängt Gregorius an, sein Leben und seine bisherigen Entscheidungen Revue passieren zu lassen. Jedoch plagen ihn Zweifel, ob die Entscheidung, sein altes Leben hinter sich zu lassen, richtig gewesen sei. Mithilfe der neu erworbenen portugiesischen Sprachkenntnisse kommt er bis zu seiner Ankunft in Lissabon mit anderen Zugreisenden ins Gespräch. In Lissabon beginnt der Protagonist, sich mit den Lebensstilen der Menschen auseinanderzusetzen und sie zu verstehen.

Stück für Stück wird das Motiv und die Bedeutung der im Roman beschriebenen (fiktiven) Bücher klarer, durch die der Protagonist beginnt, „Lebens-Kultur“ zu verstehen. Diese Bücher und die neu erlernte Fremdsprache bilden somit für den Protagonisten den Schlüssel, um die Kultur und die Menschen in Lissabon zu verstehen. Das Buch, welches er in Bern erstand, fungiert als eine Art Reiseführer, anhand dessen er versucht, den Lebensweg des Verfassers Prado zu verfolgen. Dies führt im weiteren Verlauf des Romans zu einer Verkettung unterschiedlichster Ereignisse.

Gregorius lernt auf seiner Reise durch Lissabon verschiedene Menschen kennen und ist von deren unterschiedlichen Lebensweisen fasziniert. Parallel erfasst ihn das Gefühl, sich selbst zu verlieren. Der Protagonist reist zurück nach Bern. Dort angekommen ist es ihm nicht möglich, in sein altes Leben zurückzukehren. Verbunden mit dem Wunsch, mithilfe seiner Vergangenheit wieder Halt zu finden, besucht er in Bern Stätten, die sein bisheriges Leben prägten. Doch die gegenteilige Wirkung tritt ein – „sein Bern“ ist verloren, ein anderes gibt es nicht mehr. Er reist wieder zurück nach Lissabon, da er sich zum einen dorthin gezogen fühlt, aber auch, weil er in Bern keinen Halt mehr zu finden meint.

In Lissabon angekommen nimmt Gregorius wieder seine Nachforschungen auf, erweitert zudem seine Sprachkenntnisse in Portugiesisch. Als Folge dessen fällt es ihm immer leichter, die Texte aus dem Portugiesischen zu übersetzen. Buch und Sprache rücken damit auch für den Leser in den Vordergrund, da der Protagonist sich an Orte begibt, die beschrieben werden, um so beim Lesen eine besondere Nähe und Verbindung mit diesem zu erlangen. Auch das Verhältnis zur Stadt Lissabon beginnt sich aus der Sicht des Protagonisten zu verändern. Dies

eröffnet ihm die Möglichkeit, sich noch intensiver mit dem Buch Prados und dem fiktiven Autoren selbst zu beschäftigen und sich in ihn hineinzusetzen. Im Zuge dessen beginnt der Protagonist immer stärker Parallelen zu ziehen zwischen gelesenen Büchern und sich selbst. Jedoch lösen diese Entdeckungen und Veränderungen im Charakter und Denken zum wiederholten Male Ängste bei ihm aus. Je weiter Gregorius sich dem Ende des Buches von Prado nähert, desto mehr befürchtet er, dass damit auch die Reise, auf welche er sich begeben hatte, für ihn enden wird. Zudem tauchen bei dem Protagonisten Anzeichen für eine mögliche Krankheit (einen Tumor) auf, so dass ihm geraten wird, sich wieder nach Bern zu begeben, um dort einen Arzt aufzusuchen. Dorthin reist er über Umwege zurück, nachdem er das Buch, welches ihm auch als Reiseführer diente, ausgelesen hat. In Bern angekommen wird die Veränderung des Protagonisten deutlich. Er verspürt den Drang, fotografisch ein Abbild Berns zu schaffen, wie es jetzt ist. Nach Vollendung der Aufnahmen begibt sich Merciers Protagonist ins Krankenhaus, um neurologische Untersuchungen vornehmen zu lassen. An dieser Stelle endet das Buch. Der Fokus bleibt also auf dem Vergangenen, den Büchern und dem Erlebten in Lissabon, in Konfrontation mit Gregorius' bisherigem Leben.

3 Inwieweit wird die Frage „Wie wollen wir leben?“ in dem Buch behandelt?

Die Frage „Wie wollen wir leben?“ wird in Merciers Buch „Nachtzug nach Lissabon“ umformuliert in „Will ich mein Leben so weiterleben wie bisher oder ist mein derzeitiger Lebensstil zu überdenken?“ Der Leser wird mit dieser Frage durch die Textausschnitte der im Roman auftauchenden fiktiven Bücher konfrontiert, die der Protagonist liest, und muss daraus, ebenso wie Gregorius, seine eigenen Schlüsse ziehen. Durch die Textstellen des einen „Buches im Buch“ werden weitere Fragen in den Raum gestellt: Wer bestimmt, wie wir leben? Was passiert mit Menschen, die entgegen gängiger Wert- und Moralvorstellungen handeln, weil sie entweder den eigenen nicht entsprechen oder sich anderen Werten oder Normen verpflichtet fühlen – hier: als Arzt, der seinen hippokratischen Eid geleistet hat? Prado rettet im Roman einem Offizier der Geheimpolizei das Leben, welcher aktiv gegen Widerstandskämpfer der Salazar-Diktatur sowie Menschen aus der Zivilbevölkerung vorging, weil er sich seinem hippokratischen Eid verpflichtet fühlt. Als Reaktion darauf schlägt ihm blanker Hass entgegen, auch von denjenigen, denen er regelmäßig half. Prado schließt sich daraufhin selbst dem Widerstand an, da er sich verpflichtet fühlt, irgendetwas wiedergutmachen zu müssen, obwohl er im Sinne des ärztlichen und persönlichen Kodex' richtig handelte.

Inwieweit ist es überhaupt möglich, sein Leben vollkommen selbstbestimmt zu leben? Man könnte die Situation Gregorius' und Prados beispielhaft für die Frage sehen, was die Gesellschaft von ihnen erwartet: „Wie sollen wir laut den Ansichten anderer Menschen leben, um ihren und den allgemeinen Wert- und Moralvorstel-

lungen entsprechen zu können?“ Das Buch spielt mit diesem Gedanken: Zu Beginn verlässt der Protagonist Gregorius einfach die Schule, um nach Lissabon zu reisen und verstößt damit gegen die allgemeine Gesellschaftsansicht, man könne nicht einfach gehen, wenn die Unterrichtsverpflichtung noch nicht erfüllt ist. Der Protagonist selbst stellt sich die Frage, wie die anderen wohl sein Handeln beurteilen werden, was sie darüber sagen oder denken. Die Gesellschaft macht es jenen, welche entgegen der allgemein „gültigen“ Vorstellungen handeln, schwer. Dies lässt sich an der Handlung Prados gut beschreiben. Hätte er als Arzt nicht lebensrettend gehandelt oder auch nur einen kleinen Moment gewartet, wäre der Mann verstorben. Damit hätte er im Sinne seiner um ihn herum lebenden Mitmenschen und ihrer allgemeinen Meinung richtig gehandelt. Als Folge dessen wäre das Leben von Prado in seinen gewohnten Bahnen geblieben, es hätte vermutlich keine gravierende Veränderung in seinem Leben stattgefunden. Mercier hat hier einen Kontrast zu seinem Protagonisten geschaffen. Während Gregorius sich selbst auf die Suche macht, sich die Frage zu beantworten, wie wir leben sollen, wird Prado, der sich diese Frage nicht stellte, dazu gezwungen, sein Leben zu ändern. Im Falle Prados zwangen diesen die äußeren gesellschaftlichen Zwänge, ohne dass er hier auf sein eigenes Wohl hätte achten können. Daher ist die Frage nach dem eigenen Wohl auch eine Frage nach der geistigen Stärke. Inwieweit ist es möglich, sich gegen gesellschaftlichen oder anderen Druck zu stellen? Im Fall von Gregorius fällt es diesem deutlich leichter. Er muss sich mit dem Druck herkömmlicher Meinungen zur Arbeitsmoral und dem der Institution Schule auseinandersetzen, sich aber nicht gegenüber menschlichen Überzeugungen behaupten. Gregorius entzieht sich diesem Druck größtenteils, da er spontan nach Lissabon reist und folglich auch nicht erreichbar ist für die Schulleitung.

Hier präsentiert das Buch die Frage „Wie sollen wir leben?“ als eine Frage, inwieweit wir durch Moral, Ethik und in der Gesellschaft vorherrschende Auffassungen gebunden sind. Wo und wann ist es noch möglich, selbst darüber zu entscheiden, wie man leben möchte, ohne dabei Bedenken zu haben, zu stark anzuecken und/oder von der Gesellschaft verstoßen zu werden? Das Buch gibt auf diese Frage keine abschließende Antwort. Stattdessen ermöglicht es dem Leser, diese Frage für sich selbst zu stellen.

Literatur

Peter Bieri (Pseudonym Pascal Mercier), *Nachtzug nach Lissabon*, München
152006.

Паскаль Мерсье: Ночной поезд на Лиссабон

Янник Гарве

1 Автор

Петер Бири (псевдоним Паскаль Мерсье) родился 23 июня 1944 года в Берне. Он писатель, а также учёный-философ, кроме того он изучал англистику и индологию. Помимо прочих наград ему была в 2006 году в Гёттингене Академией наук вручена медаль имени Лихтенберга. Писательскую славу ему принёс роман «Ночной поезд на Лиссабон», написанный им под псевдонимом Паскаль Мерсье (2004).

2 Ночной поезд на Лиссабон

Главная тема романа Паскаля Мерсье «Ночной поезд на Лиссабон» - это анализ его собственного стиля жизни. Автор выбирает для достижения этой цели приём литературного повествования. Главный герой романа Раймунд Грегориус является по описанию автора человеком, пытающимся понять культуры других стран путём чтения книг на языке оригинала.

Вопрос «Как мы хотим жить?» ставится писателем уже в первых главах романа. Это тема проходит красной нитью через всё повествование. В начале Мерсье описывает упорядоченную жизнь главного героя, нарушенную непредвиденным событием – встречей Грегориуса с женщиной, говорящей по-португальски. Эта встреча стала отправным пунктом для всех последующих описываемых в романе событий, подводящих в свою очередь

итог предыдущей жизни Грегориуса, включая и его решение изменить жизнь. Герой начинает изучать новый язык – португальский – и покупает у букиниста написанную на этом языке (вымышленную автором) книгу под названием «Um ourives das palavras» – именно с этих двух событий и начинается развёртываться сюжетная линия романа. Вымышленная книга, купленная Грегориусом, якобы написана в 1975 году португальским врачом и философом Амадеу Инасио де Алмейда Прадо, жившим в Португалии в эпоху диктатора Салазара.

В качестве символа разрыва героя с прошлым и его стремления к новому выступает его поездка на поезде, а также оставленные им книги, символизирующие его прежнюю жизнь. В начале своего путешествия в Лиссабон перед внутренним взглядом Грегориуса проходит вся его предыдущая жизнь и принятые им прежде решения. Им овладевают сомнения, он не уверен в правильности своего решения расстаться с прошлым. Знания португальского, который он недавно выучил, помогают ему по пути вступить в беседу со своими спутниками. Приехав в Лиссабон, главный герой романа начинает знакомиться с образом и концепциями жизни различных людей и учится их понимать.

Раз за разом начинают проясняться предназначение и символический смысл описанных в романе (фиктивных) книг, помогающих герою постичь «культуру жизни». Эти произведения и знание португальского дают в руки Грегориусу ключ к пониманию жителей Лиссабона и культуры Португалии. Приобретённая им в Берне книга становится для него своего рода путеводителем, при помощи которого он старается проследить жизненный путь её автора по имени Прадо. Эти поиски запускают в романе цепочку взаимосвязанных событий. В своих походах по городу Грегориус знакомится с разными людьми, образ жизни которых его подчас завораживает. Одновременно им овладевает чувство, что он теряет себя. Герой романа возвращается в Берн. Но по возвращении он не в состоянии вернуться к своей прежней жизни. Движимый желанием обрести в своём прошлом опору, он навещает в Берне места, связанные с его предшествующей жизнью. Он достигает обратного результата: «его Берн» для него потерян, а другой Берн он найти не в состоянии. Его дорога вновь ведёт в Лиссабон, поскольку он, с одной стороны, чувствует внутреннюю связь с этим городом и потому что его, с другой стороны, ничто больше в Берне не держит.

Приехав в Лиссабон, Грегориус возобновляет свои розыски и углубляет знания португальского. Вследствие этого ему всё легче даются чтение и перевод текстов, написанных на этом языке. Для читателя романа книги и язык выходят на передний план, поскольку герой отправляется в те места, что описываются в читаемых им книгах. Таким образом он стремится уже в самом процессе чтения почувствовать связь с тем или иным домом или улицей. Герой романа ощущает, что и его отношение к Лиссабону начинает меняться. Благодаря этому он получает возможность ещё интенсивнее

заняться книгой Прадо и самим вымышленным автором книги. Грегориус оказывается даже в состоянии поставить себя на место этого писателя. Герой всё сильнее прослеживает параллели между прочитанными им книгами и им самим. И вновь его охватывает страх перед лицом этих открытий и подмечаемых им изменений в собственном характере и образе мысли. Чем ближе подходит Грегориус к концу книги Прадо, тем сильнее он опасается, что и его путешествие, в которое он отправился, скоро закончится. К тому же у него появляются симптомы возможного заболевания (опухоль); ему дают совет вернуться снова в Берн, чтобы проконсультироваться с врачом. Грегориус следует совету и, после того как он до конца прочитал книгу, ставшую для него путеводителем по Лиссабону, возвращается окольными путями назад в Берн. Здесь ясно ощущается, насколько герой изменился. Он ощущает в себе потребность запечатлеть сегодняшний Берн в фотографиях. После завершения съёмок он ложится в больницу в отделение неврологии на обследование. На этом месте роман заканчивается. Таким образом, в фокусе повествования находится прежде всего прошлое, книги и пережитое в Лиссабоне – и прежняя жизнь Грегориуса, пришедшая в противоречие с его настоящим.

3 В какой степени и как освещается в книге вопрос «Как мы хотим жить?»

В романе «Ночной поезд на Лиссабон» вопрос «Как мы хотим жить?» формулируется по-новому: «Хочу ли я жить так, как я жил до сих пор, или мне хочется переосмыслить мой образ жизни?» Данный вопрос ставят перед читателем отрывки из цитируемых в романе вымышленных книг, читаемых главным героем. Сделать выводы предоставлено самому герою и самому читателю. Цитаты из «книги в книге» ставят и новые вопросы: Кто решает, как нам жить? Что происходит с людьми, которые поступают вразрез с принятыми моральными нормами и системой ценностей, потому что они не отвечают их собственными представлениям или потому, что они следуют другим нормам и ценностям? Пример: врач, давший клятву Гиппократу. В вымышленном романе Прадо спасает жизнь офицеру тайной полиции, активному борцу против повстанцев, повинному и в действиях диктатуры Салазара против гражданского населения. Прадо поступает так, поскольку связан клятвой Гиппократу. Ответом на его поступок стал поток слепой ненависти, в том числе со стороны тех, кому он нередко помогал. Прадо решает влиться в ряды борцов сопротивления, потому что ему кажется: он должен что-то исправить. Хотя в сущности Прадо поступил в соответствии с врачебным и его личным кодексом чести.

Насколько вообще возможно вести жизнь, полностью основанную на принципах самоопределения? Как положение Грегориуса, так и ситуация, в

которой оказался Прадо, может служить примером вопроса, что же ожидает от них общество: «Как мы с точки зрения других людей должны жить, чтобы соответствовать представлениям этих людей о моральных ценностях, а также общепринятым моральным нормам?» Интересна в этой связи следующая ситуация: в самом начале романа Грегориус просто уходит из школы, чтобы отправиться в Лиссабон, тем самым нарушая общепринятые нормы, согласно которым преподаватель не может оставить своё место до тех пор, пока он не выполнит своих обязательств перед школой и учениками. Герой и сам задаётся вопросом, как же другие оценивают его поступок и что они об этом думают и говорят. Общество не очень-то благосклонно относится к тем его членам, которые нарушают «общепринятые» нормы и поступают вразрез с правилами. Данную позицию иллюстрирует и ситуация, в которой оказался Прадо. Если бы он как врач не оказал первую помощь или замешкался хотя бы на секунду, пациент бы скончался. Он поступил бы в таком случае правильно с точки зрения своего окружения и господствующего мнения. Как следствие этого жизнь Прадо не претерпела бы существенных изменений, он мог бы продолжать жить как прежде. Мерсье показывает, как по-иному реагирует Грегориус в подобной ситуации. Герой романа отправляется на поиски самого себя и ответа, как нам следует жить. Прадо подобным вопросом не задаётся и в результате вынужден изменить свою жизнь. Давление извне, которое оказывает на Прадо общество, вынуждает его принимать радикальные решения, не считаясь с собственным благополучием. Поэтому вопрос о благополучии связан также с вопросом о силе духа. Возможно ли и насколько возможно противостоять давлению со стороны общества или иному внешнему давлению? Грегориусу даётся его решение сравнительно легче. Хотя ему приходится войти в конфликт с общепринятыми понятиями о трудовой морали и с понятиями о школе как общественном институте, однако ему не нужно утверждать свою позицию в споре с убеждениями других людей. Грегориус просто-напросто уезжает в Лиссабон, так что директор школы не может с ним связаться. Тем самым он уходит от непосредственного контакта с людьми, которые могли бы оказать на него давление.

Вопрос «Как надо жить?» книга ставит следующим образом: насколько мы связаны нормами морали, этики, а также господствующими в обществе представлениями? Где и когда у нас остаётся возможность самим решать, как нам жить, не опасаясь вызвать неприятие или быть отвергнутыми обществом? Книга не даёт окончательного ответа на данный вопрос. Вместо этого она позволяет читателю этот вопрос задать самому себе.

Использованная литература

Peter Bieri (Паскаль Мерсье), *Nachtzug nach Lissabon*, München 152006.

Christoph Poschenrieder: Wie will der *Mauersegler* leben?

Lorena Feige

1 Der Autor

Christoph Poschenrieder, geboren 1964 bei Boston, studierte in München an der jesuitischen Hochschule für Philosophie, bevor er die Journalistenschule an der Columbia University in New York besuchte. Seit 1993 produziert er seine eigenen Dokumentarfilme und arbeitet als freier Journalist, konzentriert sich heute jedoch auf das literarische Schreiben. *Die Welt ist im Kopf*, sein Romandebüt von 2010 mit dem jungen Schopenhauer als Hauptfigur, erlangte internationalen Erfolg. Die Nominierung für den Deutschen Buchpreis 2014 erhielt Poschenrieder mit *Das Sandkorn*. Er lebt heute in München.

2 Worum geht es?

Bei *Mauersegler*, erschienen im Jahre 2015, handelt es sich um Poschenrieders vierten Roman. Erzählt wird von einer aus Kindertagen befreundeten Clique, bestehend aus vier Männern aus der Kleinstadt, der einst noch ein Fünfter angehörte. Dieser kam als Kind unter tragischen Umständen ums Leben: Bei dem Spielen am vereisten Weiher brach Martin ein, die Freunde entdecken seinen Körper später unter der dünnen Eisdecke. Obwohl sie alle aus der Kleinstadt fortziehen, finden sie sich, seiner gedenkend, noch in fortgeschrittenem Alter jährlich wieder zusammen. Sie haben alle auf den unterschiedlichsten Wegen eine Karriere hinter sich: Wilhelm als Jurist, Heinrich als Lebensmitteltechnologe, Ernst als Software-

Unternehmer, Siegfried als Theaterintendant und letztlich Carl als Journalist, der dem Leser aus der Ich-Perspektive erzählt. Er berichtet von der aufkommenden Idee der Gruppe, dem Gedanken der Abschiebung ins Altersheim zu trotzen und den Lebensabend im Kreise der engsten Freunde zu verbringen: Verzicht auf das mühselig werdende Federspreizen, das ihren bisherigen Alltag bestimmte. Dabei lassen sich die Herren von dem Verlust Martins leiten. So gründen sie ihre Altherren-WG in einer Villa am Ufer des Starnberger Sees. Hierher verlegen sie auch Martins Grab. In ihrer Angst vor der Fortexistenz als Pflegefall lassen die Männer von Heinrich ihr „Todesengelprogramm“ entwickeln: Sobald einer von ihnen nicht mehr weiter leben will, benachrichtigt das Programm seinen favorisierten Todesengel, dem die Pflicht zukommt, dem Leid mithilfe von Gift ein Ende zu setzen. Im Laufe der Zeit wird das Programm verfeinert, alle zu bedenkenden Schwachpunkte werden ausradiert, der Dorfarzt wird eingeweiht, eine kirgisische Pflegerin ins Haus geholt. Bevor sie dem Tod doch in die Hände fallen, machen die Männer gemeinsame Erfahrungen in ihrem letzten Lebensabschnitt.

3 Wie will der *Mauersegler* sterben?

Bevor sich der Frage „Wie wollen wir leben?“ gewidmet wird, ist zuerst die Thematik des Sterbens zu berücksichtigen. Anhand der Entscheidung, gemeinsam auf den Tod zu warten, und den entsprechenden Vorkehrungen zum überlegten Umsetzen der Sterbehilfe führt der Ich-Erzähler Carl zahlreiche Gedanken an. Diese verleihen seinen und den Prioritäten seiner Freunde hinsichtlich der Vorstellung von angemessenem Sterben Ausdruck.

Ganz oben auf dieser Liste steht *Vertrautheit*. Sie, die „langweiligste Sache der Welt“, sieht Carl als eine zentrale Säule, die die unkonventionelle Idee der Alten-WG tragen soll. Es wird das beeindruckende Leben einer Freundesgruppe beschrieben, deren Mitglieder sich in ihrer Entwicklung voneinander entfernt haben, in ihrer Distanz jedoch stets nacheinander greifen. Man greift nach Unterstützung – persönlicher oder finanzieller Art. Man greift nach Achtung und Geborgenheit. Man greift in all dem gegenseitigen Auffangen, der Möglichkeit, immer wieder zu diesen Menschen zurückkommen zu können, nach Vertrautheit. Auf dieser Basis kann sich Carl ein Zusammenleben, vor allem aber ein *Zusammensterben*, vorstellen.

Diese Beschreibung lässt die meisten Rezipienten ohne Zweifel zwar an freundschaftliche, jedoch vorherrschend an familiäre Bindungen denken. Den „gewöhnlichen Familienbegriff“ lassen die Biografien der Männer vermissen. Es werden vorherrschend zerbrochene Verhältnisse zu Frauen und Kindern gezeichnet. Dabei tritt die Abwertung von Einschränkungen und einzuhaltenden Erwartungen in Poschenrieders Text hervor. Plädiert wird dagegen für *Selbstbestimmung* – den Luxus, niemandem Rechenschaft ablegen zu müssen. Carl führt an dieser Stelle sein eigenes Verständnis von *Familie* an: Eine „Gemeinschaft, die auf die Unterstützung, Unterhaltung und Tröstung des anderen hin angelegt“ ist. Diese Fami-

lien-Idee manifestiert sich in seiner Altherren-Clique, zu der er am Ende zurückkehrt, wie man auch immer wieder zu den eigenen Eltern zurückkehren können sollte. Bedürfnisse wie bedingungslos akzeptiert und keine Last zu sein sowie trotz auftretender Peinlichkeiten weiterhin ernst genommen zu werden – für den Sterbenden alles andere als banale Dinge – schließen sich daran an. Auch impliziert jenes Verständnis von Familie einen ebenso freien Begriff von *Heimat* – eine Heimat, die nicht ortsgebunden ist, sondern die sich in den nahestehenden Personen manifestiert. Inmitten dieser Heimat dem Tod zu begegnen, hat auch für Carl etwas Tröstliches.

Orientiert an dieser Vorstellung werden weitere Begriffe und Gedanken genannt, die für den Protagonisten von großer Bedeutung sind. So integriert seine Vorstellung des weiteren *Verlässlichkeit* und *Sicherheit*. In dem Bewusstsein, sich auf den gewählten Todesengel verlassen zu können, dessen Schwur, bei dem letzten Schritt zu helfen, mehr wiegt als die letztliche Furcht, erhält der Betreffende die Sicherheit, die qualvolle Perspektive der senilen Existenz im Klinikbett zu umgehen. Diese Macht über den eigenen Tod und die Tatsache, dass sie von Poschenrieders Figuren in Anspruch genommen wird, stellt zuweilen zu schnell die Annahme in den Raum, dass eben jenes Leben, vor denen sich die Freunde fürchten, nicht mehr lebenswert sei. In diesem Sinne leistet der Roman einen diskussions-trächtigen Beitrag zum Sterbehilfe-Disput.

Mit den vorausgehenden Gedanken geht der dringliche Wunsch nach lebenslanger Erhaltung der menschlichen *Würde* einher. Dieser Begriff steht für Carl im Fokus seiner Vorstellung von einem „guten Tod“. Er beschreibt inmitten der Geschichte seine Faszination für die Vogelart des Mauerseglers, welcher fast sein ganzes Leben in der Luft verbringt. So würdevoll stellt sich Carl auch seinen Tod vor: „Der Mauersegler legt die Flügel an und will nicht mehr fliegen. So soll es auch mit mir zu Ende gehen.“ Die Zeit des Fliegens spiegelt Carls Wunsch nach der ruhigen Erinnerung an ein gelungenes Leben sowie eine letzte gelebte „Quality Time“ vor dem Abschied wider, die sich für ihn als Zeit des gemeinsamen Essens, Redens und Zusammenseins gestaltet. Doch so ausgewogen die Wünsche für den Lebensabend scheinen, so anspruchsvoll scheint der Traum von dem Mauersegler-Tod: Carl möchte kein langsames Verlöschen, kein Landen und Umkippen, sondern ein schnelles zu Boden-Stürzen des Mauerseglers, kurz: ein schnelles, aber heroisches Sterben. Diese Überlegungen bilden eine Brücke zwischen den bereits beschriebenen „praktischen“ Umständen des Sterbens und den geistlich geprägten Hoffnungen. Neben der Angst vor dem qualvollen, langsamen Verlöschen der eigenen Person steht ebenso die Angst vor dem Verlust des eigenen Andenkens. Spätestens als die Pflegerin ihrer Villa beginnt, die sich langsam auflösende Alten-WG in ein Waisenhaus umzuwandeln, wird in Carl die Zuversicht entfacht, der heranwachsenden Generation Wissen weiterzugeben und mit der eigenen Weisheit eine „Ahnung von Unendlichkeit“ zu vermitteln. Mit dieser Motivation geht der Wunsch einher, nicht in Vergessenheit zu geraten, indem dem eigenen Lebenswerk besondere Bedeutung beigemessen wird.

Carls Vorliebe für Brahms' deutsches Requiem integriert an diversen Stellen des Romans trotz des Respekts und der Angst vor dem Tod auch eine hoffnungsvolle Haltung des Autors. So bezieht er sich nicht zufällig auf das Requiem und damit auf den 1. Korintherbrief des Apostel Paulus (1Kor 15,55): „Tod, wo ist dein Stachel?“

4 Wie will der *Mauersegler* leben?

Carl glaubt, dass die Menschen sich bewusst für ihr Leben entscheiden können:

„Man zeigt ihnen diese Welt [...], man fragt sie: Wollt ihr das? [...] Sie also sagen begeistert ja. Man arrangiert eine Zeugung für sie. Da beginnt es schon mit den Kompromissen. Vielleicht findet sich nur ein Paar in Bangladesch für sie, oder in Kirgisien. Nicht alle wachsen in privilegierten Verhältnissen auf, sie bekommen nicht alle das gleiche Maß an Verstand, Schönheit und Kraft mit. Aber egal, sobald sie auf dieser Seite der eisigen Scheibe eintreffen, haben sie das sowieso vergessen. Glückliche können sie alle werden; oder nicht.“

Der Lebensabend, das Warten auf den Tod, ist laut Poschenrieder nicht weniger Teil des Lebens als andere Lebensabschnitte. Somit fordert er auch nicht weniger Gestaltungsfreude. Der Autor schildert mit den obigen Zeilen seine Überzeugung, dass wir alle, unabhängig von den Umständen, ein Glückliches im Leben erreichen können. Mehr oder weniger überraschend scheint sein Protagonist dieses Glück nach Lebensabschnitten mit Scheidung oder Alkoholsucht gerade gegen Ende seines Lebens zu finden, in welchem er ausgerechnet die Gestaltung seines Sterbeprozesses plant. Der Plan, mit Vertrautem, Verlässlichem, mit Heimat und Familie in den Tod zu gehen, akzeptiert und geliebt von durchaus speziellen und nicht einfachen Charakteren, führt Poschenrieders Figur zu dem Eintreten in ihre glücklichste Lebenszeit – trotz des Todes als ständigem Begleiter: Vor dem Tod haben die Freunde gemeinsam gelebt. Poschenrieders Roman stellt den Menschen vor folgende Fragen: Ist es uns möglich, das Sterben oder das Warten auf den Tod als Zeit zu betrachten, die unwiderruflich zum Leben gehört? Muss diese Phase tatsächlich nicht weniger Qualität aufweisen, als andere Phasen des Lebens? Poschenrieder will seinen Leser spüren lassen: Unsere Zeit ist nie vorbei, nie weniger wertvoll in Armut, Krankheit oder Alter – es ist uns überlassen, wie wir sie gestalten.

Literatur

Christoph Poschenrieder, *Mauersegler*, Zürich 2017.

Кристоф Пошенридер: Чёрный стриж

Лорена Файге

1 Автор

Кристоф Пошенридер родился в 1964 году в г. Бостон, США. Будущий писатель учился в Мюнхене в Институте Философии, принадлежащем Ордену Иезуитов, затем продолжил образование в Школе Журналистики при Колумбийском университете в Нью-Йорке. С 1993 года работает над созданием собственных документальных фильмов и работает в качестве вольного журналиста. В последнее время всё более активно занимается литературной деятельностью. В 2010 году вышел в свет первый роман автора «Весь мир – в голове», посвящённый юному Шопенгауэру. Этот дебют принёс Пошенридеру международную известность. Роман «Песчинка» был номинирован на Литературную Премию Германии в 2014 году. Сейчас автор живёт и работает в Мюнхене.

2 О чём речь?

«Чёрный стриж» вышел в 2015, это уже четвёртый роман Пошенридера. Автор повествует о компании друзей. Четверых мужчин связывает с самого детства тесная дружба. Когда-то их было пятеро, но один из них погиб ещё ребёнком при трагических обстоятельствах: Мартин играл на замёрзшем пруду и провалился под лёд. Лишь через некоторое время друзья нашли его тело под тонким слоем льда. Хотя все друзья позже покинули маленький городок, в котором прошло их детство, но каждый год они встречаются,

чтобы помянуть погибшего товарища. Они уже немолоды, каждый из них сделал карьеру: Вильгельм в качестве юриста, Генрих – как специалист в области продуктов питания, Эрнст – предприниматель и программист, Зигфрид – театральный директор и наконец Карл – как журналист. Роман написан от лица Карла. Он рассказывает, как постепенно созревает в головах друзей идея, как не оказаться в доме престарелых и провести «вечер жизни» в кругу ближайших друзей, там, где не надо больше растопыривать перья и распускать хвост.

Не в последнюю очередь ими движет воспоминание о Мартине и их общей потере. Друзья переселяются в виллу на берегу Штарнбергского озера и основывают «коммуну стариков». Сюда же они переносят могилу Мартина. Ими движет страх перед старческой беспомощностью, зависимостью от медицинской техники и врачей, поэтому Генрих разрабатывает для всей группы «Программу ангелов смерти»: как только один из них устанет жить, программа информирует Ангела смерти, которого этот человек выбрал. Задача Ангела смерти – помочь человеку уйти из жизни. Средство для достижения цели – яд. Со времени программа всё более совершенствуется, устраняются всевозможные проблемы и слабые места. Друзья посвящают в свои планы деревенского врача, нанимают домоправительницу-киргизку. Пока смерть не настигла их, они учатся вместе провести этот последний этап жизненного пути.

3 Как хочет умереть чёрный стриж?

Прежде чем обратиться к теме «Как мы хотим жить?», стоит поразмышлять на тему смерти. Карла занимает этот вопрос прежде всего в связи с решением его друзей, вместе ждать смерти, и позаботиться о своевременной эвтаназии. Карл размышляет о том, что такое «умереть достойно» для него самого и для его друзей, а также о том, что сейчас для них важнее всего.

На одном из первых мест в этом списке приоритетов находится «духовная близость». Эта «скучнейшая штука в мире» с точки зрения Карла является главной опорой, на которой основывается жизнь в их коммуне. Роман описывает впечатляющую жизнь группы друзей, которых жизнь и судьба разводят, разлучают друг с другом и которые всё же, несмотря на внутреннюю дистанцию, находят новые пути к сближению. Они помогают друг другу – деньгами и дружеским советом. Друг в друге они находят покой и уважение. Именно так и рождается та самая духовная близость, когда люди поддерживают друг друга, когда есть кто-то, на кого ты можешь положиться, когда есть к кому обратиться за помощью и советом. Духовная близость и является по мнению Карла той основой, на которой держится их сосуществование. Вместе с духовно близким человеком ты можешь не только жить, но и спокойно умереть.

Когда речь заходит о подобной тесной связи, то как правило прежде всего думается о семье, о родных и близких. Но в прошлом этих мужчин «традиционная семья» занимает скромное место. От семейных связей остались лишь осколки – испорченные, порванные отношения к женщинам, бывшим жёнам и детям. Пошенридер выступает за отказ от ненужных ограничений и против ложных ожиданий. Важнее всего для автора идея самоопределения – этой роскоши, никому ничем никогда не быть обязанным. Карл приводит и своё собственное определение семьи: «Сообщество, которое основывается на взаимной поддержке, содержании и утешении.» Компания его старых друзей становится для Карла воплощением этой идеи семьи, и именно сюда, к своим друзьям, возвращается он под конец своей жизни. Возвращается так, как человек когда-то снова приходит в свой отчий дом. Семья – это там, где тебя принимают таким, каков ты есть, там, где ты не будешь обузой, где нет неловких ситуаций - для человека, чья смерть не за горами, это далеко не пустяки! - и где тебя всегда принимают всерьёз, где с тобой считаются. Подобное понимание семьи предполагает такое же свободное толкование понятия родины. Родина – это не какое-то определённое место на карте, родина – это близкие тебе люди. Встретить смерть на понимаемой таким образом родине не так ужасно, и это утешает Карла в его размышлениях.

Исходя из выше названных представлений, автор вводит и другие понятия, которые постепенно приобретают для героев его романа всё большее значение. Немалую роль играют в рассуждениях Карла понятия надёжности и безопасности. Чувство безопасности, уверенности придаёт каждому члену группы сознание, что он может положиться на своего Ангела смерти, который поможет ему сделать последний шаг. Каждый знает, что клятва избранного Ангела смерти сильнее страха. Таким образом каждый уверен, что сможет избежать старческой зависимости и смерти на больничной койке. Это желание обрести власть над собственной смертью, которое владеет героями романа Пошенридера, заставляет читателя предположить – возможно, слишком скороспешно – что та жизнь, перед которой эти люди испытывают подобный страх, не стоит того, чтобы жить дальше. В этом отношении роман можно рассматривать как вклад в актуальную дискуссию на тему эвтаназии.

С выше названными размышлениями тесно связано и страстное желание до последнего дня сохранить человеческое достоинство. «Хорошая смерть» - это с точки зрения Карла тогда, когда человек не потерял своё достоинство. Рассказчик описывает своё восхищение чёрным стрижем, маленькой птицей, которая практически всю свою жизнь проводит в полёте. Примерно так представляет себе Карл свою собственную смерть: «Стриж складывает крылья, он не хочет больше летать. Так и мне бы хотелось завершить эту жизнь.» Время, проведённое в полёте, - это отражение желания Карла спокойно вспомнить то, что ему удалось в этой жизни, а также «Quality Time»

(«качественное время») – этот последний этап на жизненном пути, когда ещё не пришла пора сказать последнее «прости», когда друзья ещё вместе, когда они встречаются для совместных трапез, для бесед и для того, чтобы просто побыть друг с другом. Представления рассказчика о «вечере жизни» на редкость гармоничны и уравновешены. Напротив, его видение «смерти стрижа» на редкость взыскательно: Карл не хочет медленно угасать, он не хочет приземлиться и потерять равновесие. Нет, рассказчик мечтает о быстром падении стрижа, вдарит сложившего крылья. Короче говоря, ему видится внезапная смерть героя. Эти соображения служат своего рода мостом между выше описанными «практическими» обстоятельствами умирания и надеждами, которые таятся в душе. Не только страх перед медленным, мучительным угасанием собственной личности мучает рассказчика, но и страх забвения. Самое позднее, когда домоправительница постепенно превращает распадающуюся коммуны в сиротский приют, Карл утверждает в мысли, что, передавая подрастающему поколению свои знания, он и сам получит благодаря собственной мудрости некое «представление о бесконечности». Им руководит стремление не быть забытым, ему больно думать о том, что дело всей его жизни умрёт вместе с ним.

Карл любит музыку Брамса, особенно «Немецкий реквием». И это музыкальное пристрастие свидетельствует несмотря на всё уважение к смерти и страх перед концом о том, что надежда жива. Не случайно упоминает автор реквием и ссылается таким образом на Первое Послание Апостола Павла к Коринфянам (1. Кор. 15,55): «Смерть, где твоё жало?»

4 Как хочет стриж жить?

В любом случае Карл верит, что человек осознанно принимает решение жить:

«Им показывают мир ..., их спрашивают: Вы этого хотите? Они восторженно отвечают: «Да!» Им устраивают зачатие. И здесь берут начало компромиссы. Быть может, для них найдут подходящую пару в Бангладеш, а может быть, в Киргизии. Не все получают одинаковые привилегии, не все наделены в одинаковой степени разумом, красотой и физической силой. Но это неважно, поскольку, как только они оказываются по эту сторону ледяной стены, они всё забывают. Каждый из них может обрести счастье; или не обрести его.»

«Вечер жизни», ожидание смерти – с точки зрения Пошенридера это такая же часть нашей жизни, как и все остальные её этапы. Таким образом, желание сознательно пройти этот отрезок пути, обустроить его, вполне оправданно и закономерно. Автор уверен в том, что каждый, независимо от внешних обстоятельств, может добиться счастья в этой жизни. Герой романа находит своё счастье – как бы это ни было на первый взгляд странно –

именно теперь, когда он планирует собственную смерть и когда пройденные отрезки жизненного пути, в том числе развод и болезненная тяга к алкоголю, остались в прошлом. Для героя Пошенридера наступает счастливое время, он рад идти навстречу смерти в окружении близких, надёжных людей, на наконец обретенной им духовной родине и в кругу семьи. Он уверен в том, что он любим, что он здесь свой – здесь, в кругу друзей с их не такими-то лёгкими характерами и нравами. Смерть их вечный спутник. Но они знают: до смерти была жизнь, которую они прожили вместе. Роман Пошенридера задаёт читателю следующие вопросы: можем ли мы рассматривать процесс умирания и ожидание смерти как время, которое с полным правом принадлежит жизни? Не должно ли качество жизни даже на этом этапе оставаться таким же высоким, каким оно было на предыдущих этапах? Пошенридер даёт почувствовать читателю: наше время никогда не прошло, наша жизнь – это высокая ценность, даже если мы живём в бедности, даже если мы больны или стары. Мы сами решаем, как прожить эту жизнь, до её самого последнего дня. побуждениям, вместо того чтобы руководствоваться представлением о том, кем бы мы хотели быть. Прочная основа в настоящем является лучшим залогом будущего.

Использованная литература

Christoph Poschenrieder, Mauersegler, Zürich 2017.

**Sprachkurs einmal anders:
eine Seminarstunde mit Studierenden aus Perm und Göttingen**

Erste Eindrücke

Martin Tamcke¹

Überraschungen kennzeichneten die ersten Aktivitäten im Projekt. In Perm wurden die deutschen Teilnehmer von einer großen Hörschar empfangen, der sie die deutschen Romane vorstellten. Die Bibliothek hatte eine kleine Ausstellung mit den relevanten Büchern und einigen Postern organisiert. Die Angehörigen des „deutschen Clubs“ an der Bibliothek – das sind an der deutschen Literatur interessierte Leser dort – hatten dafür gesorgt, dass das Interesse an den Präsentationen der deutschen Studierenden groß war. Summarisch gaben russische Delegationsteilnehmer zudem einen Einblick in die Romane, die auf der russischen Seite Gegenstand des Dialogs im Projekt sind. Überraschend stark diskutiert wurde der Roman von Christoph Poschenrieder, der nur verdaulich zu werden schien, weil er so deutlich ironisch geschrieben ist und so das Schwere leicht sagt. Die russischen Hörer fragten besonders nach, warum junge Leser sich für so schwere und traurige Themen wie Sterbebegleitung interessierten. Dem antwortete die deutsche Seite mit dem Hinweis auf das Argument Poschenrieders, es gehe darum, dem Leben Qualität zu geben und das sei zu jeder Zeit möglich, gerade auch in der letzten Phase vor dem Tod. Dabei gehe es um aktive Gestaltung des Lebens bis zum Ende. Auch Peter Bieris Motiv, die „eigene Stimme“ zu finden, wurde von den Zuhörenden angeregt aufgegriffen: So brachten zwei russische Studentinnen die Frage zur Diskussion, wie genau sich dieser Prozess vollziehe und wie es möglich sei, die eigene von fremden Stimmen in sich selbst zu unterscheiden. Die in russischen

¹ Professor Dr. Dr. h.c. mult. Martin Tamcke, Ökumenische Theologie, Georg-August-Universität Göttingen.

Romanen aufgeworfene Frage der Befindlichkeit nach dem Zerfall der Sowjetunion stellte die Erfahrung einer eher als negativ empfundenen neuen Individualität zur Diskussion, der gegenüber sich [statt die] russische Menschen nach der einst gelebten Solidarität zurücksehnen. Aber verklärt das nicht die Sowjetzeit und das Sowjetsystem? Stimmt die Gegenüberstellung von homo sovieticus und individualisiertem Menschen? Tatsächlich zeigte sich hier ein Stück der unterschiedlichen Geschichte beider Länder. Die Deutschen mussten nach dem Zweiten Weltkrieg grundsätzlicher ihre Geschichte aufarbeiten als die Russen die Sowjetzeit. Tatsächlich bestehen zahlreiche Fremdbilder zu Deutschen in Russland und zu Russen in Deutschland, die überprüft werden müssen. Wir alle merkten bei der Diskussion, dass wir bei solchen Zuschreibungen nicht stehen bleiben dürfen, weil dabei innere Probleme unserer Gesellschaften in den anderen hineingelesen werden. Demgegenüber erfuhren wir selbst im oft anregenden Gespräch und in selbstverständlicher Geselligkeit miteinander und aneinander, dass wir in unseren Wünschen und Erwartungen an das Leben nicht weit voneinander entfernt sind.

Angeregte Diskussion vor erwartungsvollem Publikum

Göttinger und Russen

Martin Tamcke¹

Immer wieder bin ich beeindruckt, wie intensiv in Göttingen zu Russland und in Kooperation mit Russen geforscht wurde und wird. Die Forschungsbeiträge russischer Gelehrter haben dazu beigetragen, dass Göttingen zu einer der international führenden Universitäten wurde und Benjamin Franklin (1706-1790) ebenso nach Göttingen zog wie bedeutende japanische und chinesische Persönlichkeiten. Und die Liebe war nie nur eine einseitige. Auch Göttinger zog es immer wieder nach Russland und die Göttinger Geisteshaltung war lange Zeit sprichwörtlich in Russland.

Von der Gründung der Georg-August-Universität im Jahr 1734 an wirkten so Russen und Deutsche aufeinander. Zwei Russinnen seien stellvertretend genannt: Julia Lermontowa (1847-1919), die erste Frau, die in Chemie promoviert wurde, und Sofja Kowalewskaja (1850-1891), die große Mathematikerin. Russlanddeutsche wirkten hier als Brückenbauer, zum Beispiel Lou von Andreas-Salomé (1861-1937), die Freundin Freuds und Rilkes und Nietzsches und Frau des Göttinger Orientalisten Friedrich Carl Andreas (1846-1930), die mit ihrem Mann und Rilke Tolstoi zu Gesprächen traf und gebürtige Petersburgerin war.

Schon in das zweite Jahrzehnt der Universität gehört Georg Thomas von Asch (1729-1807). Er war zeitweise Generalfeldmarschall und ab 1777 Staatsrat unter Zarin Katharina I. (1684-1727). 1750 hatte er bei Albrecht von Haller (1708-1777), dem Erbauer des Göttinger Botanischen Gartens, promoviert. Kistenweise sandte

¹ Professor Dr. Dr. h.c. mult. Martin Tamcke, Ökumenische Theologie, Georg-August-Universität Göttingen.

er Exponate, Bücher und Pflanzen nach Göttingen und sorgte mit dafür, dass in kurzer Zeit die Göttinger Sammlungen weltweit führend wurden. Gemeinsam warben der Göttinger Jura-Professor Christoph Meiners (1747-1810) und der Moskauer Kurator, Fürst Michael Nikititsch Murawjow (1768-1840), der sich besonders in den Feldzügen gegen die Franzosen hervorgetan hatte, unter den deutschen Studierenden Lehrkräfte für die neugegründeten Universitäten Kasan, Charkow, Wilna, St. Petersburg und Dorpat an. Der Theologe Friedrich Bollensen (1809-1896) wurde so in Göttingen vom Alttestamentler und Orientalisten Heinrich Ewald (1803-1875) mit dem Sanskrit vertraut gemacht und wirkte von 1852 bis 1858 als Professor für Sanskrit im russischen Kasan. Heinrich Ewald selbst war korrespondierendes Mitglied der Russischen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg und genoss international höchstes Ansehen, wurde aber im Dezember 1837 seiner Göttinger Professur enthoben, weil er als einer der „Göttinger Sieben“ gegen die Beschneidung der Lehrfreiheit der Universität protestiert hatte. Erst 1848 holte ihn das Königreich Hannover reumütig von seiner Professur in Tübingen nach Göttingen zurück. Konsequenter bekämpfte er den preußischen Militarismus. Als Preußen das Königreich Hannover eroberte und von den Professoren den Eid auf den preußischen König verlangte, verweigerte Ewald den Eid. Daraufhin wurde ihm 1868 die Lehrerlaubnis von der preußischen Besatzungsmacht entzogen. Ab 1869 war er Abgeordneter im Reichstag und starb 1875. Seine intensiven Russlandkontakte warten noch auf ihre Erforschung.

Einer der herausragenden russischen Studierenden in Göttingen war der Vorkämpfer für die Befreiung der Leibeigenen in Russland, der liberale Politiker und Freimaurer Nikolai Iwanowitsch Turgenjew (1789-1871). Der Onkel des berühmten Schriftstellers war ein enger Mitarbeiter des Freiherrn vom Stein (1757-1831), des Reformers Preußens. Stein hatte in Göttingen bei dem Russlandspezialisten Schlözer studiert und war nach der preußischen Niederlage ab 1812 als Berater des Zaren Alexander I. tätig gewesen. Turgenjew veröffentlichte seine Ideen, die sich auch wesentlich in Göttingen herausgebildet hatten, hob 1818 die Leibeigenschaft auf seinem Gut auf, gehörte zu den Dekabristen und emigrierte 1822 aus Russland. Er wurde nach dem Scheitern der Dekabristen 1826 zum Tode durch Enthaupten verurteilt. Zar Nikolai begnadigte ihn noch 1826 zu „ewiger Zwangsarbeit“. Er starb in Paris. Auch sein nicht minder bedeutungsvoller Bruder Alexander studierte in Göttingen. Alexander Turgenjew (1784-1845) war am 24. September 1802 mit einem Freund in Göttingen angekommen. Sie hatten sich in der Juristischen Fakultät eingeschrieben. Seinem Mentor Ludwig von Schlözer brachte er als Geschenk ein Buch der freimaurerischen Mystik in Russland mit. Es trug den Titel „Einige Züge von der inneren Kirche, dem einzigen Wege der Wahrheit und den verschiedenen Wegen des Irrtums und Verderbens“. Schlözer rezensierte dieses Werk. Der Verfasser des Buches war der russische Freimaurer Iwan Lopuchin (1756-1816), der sich um die Dochuborzen verdient machte und hohe Ämter bei Gericht innehatte, später Senator war. In einem sich der Wirkung von Nikolai Michailowitsch Karamsins (1766-1826) Europareise von 1789/1790 verdankenden literarisch-

philosophischen Kreis hatte Turgenjew den Russen Lopuchin als ethisches Vorbild hingestellt. Karamsins Beziehung zu Göttingen, besonders die zu Schlözer, gibt der Forschung bis heute Rätsel auf. Alexander Turgenjew studierte in Göttingen vorrangig beim Völkerrechtler Georg Friedrich von Martens, ebenso wie bei dem für die russisch-orthodoxe Theologie sodann Turbulenzen heraufführenden Philosophen Friedrich Ludewig Bouterwek (1766-1828). Zu dessen Vorlesung zur Naturphilosophie hat sich eine Nachschrift Turgenjews erhalten („Überall suchen wir die Natur mit der Vernunft in Einstimmung zu bringen“). Ein in der Literatur als Schüler Bouterweks gehandelter Theologe namens Ignaz Aurelius Fessler (1756-1839) war 1809 Professor der orientalischen Sprachen und der Philosophie an der Alexander-Newski-Akademie in Sankt Petersburg geworden. Der einstige katholische Mönchspriester hatte ab 1783 in Lemberg orientalische Sprachen und Altes Testament gelehrt und war aus seinem Orden ausgetreten. Ein von ihm verfasstes Trauerspiel, das sich gegen die Jesuiten richtete, zwang ihn zur Flucht aus Lemberg. Bei den Freimaurern fand er Unterschlupf, trat aber 1792 zum Luthertum über und lebte ab 1796 in Berlin. Dort versuchte er vergeblich, mit Johann Gottlieb Fichte die Statuten einer Freimaurerloge zu reformieren. In Petersburg fertigte er mit Unterrichtsminister Rasumowsky (1752-1836), Polizeiminister Balaschew und Staatssekretär Michail Michailowitsch Speranski (1772-1839) ein Gutachten über die Tätigkeiten der Freimaurerlogen an. Das Gutachten hatte Zar Alexander I. (1777-1825) in Auftrag gegeben. Aufgrund des Gutachtens wurde die Freimaurerei in Russland genehmigt. Bouterwek war Kantianer, so nun auch Fessler. Das rief Zweifel an seiner Gläubigkeit hervor und er ging seiner Professur verlustig. Ab 1820 war er lutherischer Superintendent in Saratow und ab 1833 lutherischer Generalsuperintendent in Sankt Petersburg. Bei Fessler findet sich alles: lutherische Theologie und Freimaurerei, katholisches Erbe und Interesse an Mystik, Bibelexegese und Sprachkenntnis. Der Rezeption von Bouterweks Werk dürfte das zuletzt in Russland zumindest in kirchlichen Kreisen eher geschadet haben, obwohl Fesslers Lehre von der inneren Kirche nur zu gut zu dem passte, was Turgenjew und Lopuchin bewegte.

August Ludwig von Schlözer (1735-1809) selbst empfahl Turgenjew der Kaiserlichen Akademie in St. Petersburg als Mitglied, obwohl Adelige damals in Russland noch nicht für solche Posten in Betracht gezogen wurden. Auch Schlözer war ursprünglich Theologe. Er hatte in Wittenberg 1751 das Theologiestudium begonnen und war des international berühmten Orientalisten und Theologen Johann David Michaelis (1717-1791) wegen nach Göttingen gekommen. Von 1761 bis 1770 lehrte er in Russland, zunächst als Hauslehrer, dann als Lehrer für russische Geschichte an der Petersburger Akademie der Wissenschaften. Daraus ging u.a. seine kritische Edition der Nestorchronik (1802-1809) hervor. 1803 erhob ihn Zar Alexander I. in den Adelsstand. Schlözer beschränkte sich im Bereich der Theologie auf historisch-philologische Arbeiten. Als Schlözer wieder nach Deutschland zurückkehrte, um als Professor in Göttingen zu lehren, ging eine Gruppe russischer Studenten mit, als deren besonderer geistlicher Betreuer und Inspekteur

Dimitri Rudnew (1737-1795), der spätere Bischof Damaskin von Novgorod, mit nach Göttingen zog. Er betreute die russischen Studenten in Göttingen geistlich bis 1772 und gehört zu den bedeutendsten russisch-orthodoxen Kirchenführern des 18. Jahrhunderts. Unter den Studierenden befanden sich die Mathematiker Pjotr Inochodzew (1742-1806) und Iwan Judin (1742-1768) sowie die Historiker Wassili Swetow (1744-1783) und Wassili Wenediktov (1740-1806). Vier Studierende entstammten der Moskauer Geistlichen Akademie. Turgenjew studierte auch bei einem der führenden Theologen Göttingens, Johann Gottfried Eichhorn (1752-1827), der sich besonders durch Forschungen zum Alten und Neuen Testament auszeichnete. Turgenjew besuchte speziell einen ihn interessierenden Teil einer Vorlesung Eichhorns, der „Literaturgeschichte“, in dem es um das Verhältnis von Johann Wolfgang von Goethe (1749-1832) zu Johann Caspar Lavater (1741-1801) ging. Lavater, der Aufklärung und Pietismus miteinander zu verbinden suchte und die deutsche Theologie und Frömmigkeit nachhaltig beschäftigte, dürfte dem mystischen Hang Turgenjews und dessen Interesse für die Aufklärung entgegen gekommen sein. Goethe selbst war Mitglied der Göttinger Akademie der Wissenschaften, hielt sich mehrmals in der Stadt auf und hatte hier Freunde, etwa den Philosophen Georg Christoph Lichtenberg (1742-1799). 1804 verließ Alexander Turgenjew Göttingen und ging unter anderem als Staatssekretär an das Justizministerium. Daneben wirkte er als Sekretär der Russischen Bibelgesellschaft. Er gehörte zu den Freunden Alexander Sergejewitsch Puschkins (1799-1837) und geriet zusehends in Gegensatz zum Regime Alexanders I., der ihn im Mai 1824 aller seiner Ämter enthob. Lediglich der Kommission für die Sammlung der Gesetze durfte Turgenjew weiterhin angehören. Gewichtige Arbeiten zur russischen Geschichte krönten sein Werk. Zum großen Erstaunen der Göttinger Bürger feierten übrigens die russischen Studierenden die orthodoxen Feiertage und den Geburtstag ihres Monarchen. Sie mögen Verehrer der Aufklärung gewesen sein, aber in der Fremde des lutherischen Teiles Deutschlands zeigten sie ihre Zugehörigkeit zu Russland und seiner Kirche. Es gehört zu den Geheimnissen interkultureller Interaktionen, dass sie die eigene kulturelle Identität nicht schwächen, sondern befördern. Es ist sicher auch nicht zufällig, dass Turgenjew die Geschehnisse der Bibelgesellschaft mitbestimmte. Das entsprach ganz dem, was er in Göttingen an Forschung zur Bibel kennengelernt hatte. Der Impuls wird dann einerseits von Filaret von Moskau seinen Höhepunkt durch den Versuch erfahren, die Bibel ins Russische zu übersetzen, andererseits auch mit der Vereitelung dieses Planes zunächst tragisch scheitern. Puschkin nun, dessen Lehrer und Gönner teilweise in Göttingen studiert hatten, unter ihnen Turgenjew, lässt im „Eugen Onegin“ den positiven und idealistischen Antihelden zu Onegin eine „göttingische“ Seele haben. Göttingen war zum Inbegriff fortschrittlicher Lebendigkeit und Offenheit geworden im Gegenüber zur als erdrückend empfundenen Beharrung in Russland. Tatsächlich gab es zur wissenschaftlichen Interaktion auch eine politische. Kronprinz Alexej (1690-1718) hatte sich im Umland aufgehalten, das benachbarte Schloss Bevern war der Stammsitz Anton Ulrichs von Braunschweig-Wolfenbüttel (1714-1774), des Ehe-

manns der Regentin Anna Leopoldowna (1718-1746) und Vater des Kindzaren Iwan VI. (1740-1764). Immer wieder werden im Laufe der Geschichte um Göttingen herum Mitglieder der Zarenfamilie zu Gast sein (etwa in Bad Pyrmont).

Der Theologe Anton Friedrich Büsching (1724-1793) hatte von 1744-1747 Theologie studiert und war als Hauslehrer des Sohnes des dänischen Gesandten mit nach Russland gegangen, wo er am 7. Februar 1750 eintraf. Er predigte in den evangelischen Kirchen Petersburgs. Wegen Kriegsgefahr mit Schweden und Preußen musste er den Sohn des Gesandten am 4. August 1750 wieder in die Heimat begleiten. Seine Autobiographie lässt keinen Zweifel daran, wie entscheidend der Aufenthalt in Russland für ihn war. 1754 wurde Büsching Professor in Göttingen und legte sein Werk einer Durchsicht der Bibel aus der aufgeklärten historisch-kritischen Sichtweise vor. „Ich wagte also den Versuch, die Theologie von scholastischen Erfindungen, Ausdrücken und Sätzen zu reinigen und sie bloß der heiligen Schrift gemäß zu entwerfen.“ Die folgenden Kontroversen um ihn wurden so massiv, dass der ihm gewogene Kurator der Universität einschritt. Gerlach Adolph Freiherr von Münchhausen (1688-1770) empfahl Büsching im Februar 1757, von sich aus auf theologische Vorlesungen und Publikationen zu verzichten. So konnte er ihn weiter an der Universität halten. Fortan wirkte Büsching als Geograph und Astronom. Doch 1760 erreichte ihn der Ruf auf die Stelle des zweiten Predigers der Petrikirche und Leiters der Petrischule zu St. Petersburg. 1761 folgte er diesem Ruf und reformierte die Schule. Dabei geriet er mit Feldmarschall Burchard Christoph von Münnich (1683-1767), lange Statthalter von St. Petersburg, Generalfeldmarschall und Premierminister, in Konflikt und legte 1765 seine Ämter nieder. Er kehrte nach Deutschland zurück. Seine Revision des Unterrichts im Lateinischen, seine Überlegungen zum Unterricht des Griechischen und Hebräischen betrafen nicht nur die Petrischule, sondern wurden von ähnlichen Missständen an zahlreichen Seminaren der russisch-orthodoxen Kirche begleitet, die ebenso reformbedürftig waren. Wer in den russischen Quellen liest, welche Mühen russisch-orthodoxe Seminaristen auf sich nehmen mussten, um Latein zu lernen, der kann unschwer den kulturellen Konflikt erahnen, der sich darin ausdrückte. Und der ganze Aufwand wurde zudem nur betrieben, damit die Seminaristen hinterher die lateinisch abgefassten Lehrbücher führender protestantischer Dogmatiker memorieren konnten.

Der dritte Göttinger Theologe, den ich anführen will, ist Johann Beckmann (1739-1811). Von 1759-1762 studierte er zunächst Theologie, später weitere Fächer. Von 1763 bis 1765 unterrichtete er in St. Petersburg an der Petersschule und betrieb Studien an der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften. In Göttingen wechselte er zur Ökonomie und wurde Mitglied der Akademie der Wissenschaften. In Petersburg hatten Beckmann und Schlözer intensiv zusammen gearbeitet. Sie forschten so intensiv miteinander, dass sie den Argwohn anderer Wissenschaftler erweckten. Später wurde nach Plänen Beckmanns an den Universitäten Moskau, Kasan, Charkow und Dorpat (Tartu) (nach der Wiedereröffnung 1802) unterrichtet. Zu den zahlreichen russischen Studenten Beckmanns in Göt-

tingen gehörten der erste russische Professor für Mineralogie und Geologie, Wassili Sewergin, der Universalgelehrte der Moskauer Universität, Iwan Dwigubski (1771-1839), sowie der Herausgeber der ersten Zeitschrift für Technologie in Russland, Jakob Sacharow (1765-1837), unter seinen deutschen Studenten sticht Alexander von Humboldt (1769-1859) hervor.

Im Frühjahr 1765 hielt sich kurze Zeit Georg Forster (1754-1794) an der Schule in Petersburg als Beckmanns Schüler auf und lernte intensiv Russisch, bevor er seinen Vater Johann Reinhold Forster (1729-1798), einen Theologen und Botaniker, auf einer Inspektionsreise im Auftrag Katharinas II. (1729-1796) in die neu begründeten deutschen Wolgakolonien begleitete. Forster wird weltweit Karriere machen, als er Cook bei dessen Weltumsegelung begleitet und daraus ein viel beachtetes Werk wird. Der Göttinger Gelehrte nahm aber ein tragisches Ende aufgrund seiner Parteinahme für die Französische Revolution.

Weit über solche personalen Kontakte wirkte die Göttinger theologische Literatur in Russland. Was bedeutet es, wenn der spätere Metropolit von Moskau, Filaret, von seinem Lehrer Platon anhand der Kirchengeschichte des Kanzlers der Göttinger Universität, des lutherischen Theologieprofessors Johann Lorenz von Mosheim, unterrichtet wurde? Filaret wird später selbst eine wichtige Darstellung zur Geschichte der Russisch-Orthodoxen Kirche erstellen, die dann vom lutherischen Konsistorialpräsidenten von Moskau ins Deutsche übersetzt wurde und in Deutschland auch publiziert wurde.

In Göttingen studierte auch der Philosoph und Theologe Nikolai Onufrijewitsch Losski (1870-1965). Nach Studien bei Windelband in Straßburg und Wundt in Leipzig war in Göttingen Georg Elias Müller sein Lehrer. Er promovierte 1907 und wurde Professor an der Universität in St. Petersburg. Seine Philosophie betonte die Intuition bei der Frage der Erkenntnis. Nach der Revolution 1917 setzte er sich für das religiöse Wiedererwachen Russlands ein und unterstützte mit Pawel Alexandrowitsch Florenski offen die Kirche. Daraufhin verlor er seine Professur und wurde gemeinsam mit 224 anderen Vertretern der russischen Intelligenz 1922 aus Russland – zunächst mit deutschem Zwischenziel – ausgewiesen und lehrte in Prag, Bratislava (1942-1945), 1945-47 am Institut für orthodoxe Theologie St. Serge in Paris, 1947-1961 am Theologischen St. Wladimir-Seminar in New York. Seine letzten Jahre, 1961-1965, verbrachte er wieder in Paris. Sein Sohn, der Dogmatiker und Kirchenhistoriker Vladimir Nikolaiewitsch Lossky (1903-1958), wurde während des Studienaufenthaltes seines Vaters in Göttingen geboren. Dass er der Exekution des Metropoliten Benjamin von St. Petersburg (1873-1922) beiwohnen musste, erschütterte ihn nachhaltig. Der Versuch, die Spuren der Losskys in Göttingen zu sichten, ist noch ebenso zu wagen wie die Erarbeitung Göttinger Impulse in ihren Werken.

Als Repräsentant eines Russlanddeutschen, der eine Brücke zwischen beiden Ländern, den beiden Kirchen und den beiden Theologien bildete, sei zuletzt Gottlieb Nathanael Bonwetsch (1848-1925) angeführt. Er wurde am 17. Februar 1848 in Norka an der Wolga geboren, studierte von 1866 bis 1870 Theologie und Ge-

schichte an der Universität Dorpat, wurde 1871 Hilfspfarrer des lutherischen Propstes an der Wolga, setzte 1874/1875 sein Studium an der Universität Göttingen fort und wurde dann vertretender Pfarrer in Norka. 1877/1878 bereitete er seine Dissertation an der Universität Bonn vor und wurde an der Universität Dorpat 1878 promoviert und habilitiert. Ab 1882 lehrte er als Professor der Kirchengeschichte in Dorpat, ab 1883 als ordentlicher Professor. 1891 ging er nach Göttingen und starb dort am 18. Juli 1925.

Die Beziehungen zu Russland wurden auf Seiten Göttingens verhältnismäßig oft von Theologen getragen, aber eben Theologen, die sich kaum noch als Theologen, oft eher als Aufklärer und Pädagogen verstanden, nicht selten mit Bezug zur Freimaurerei. Das traf zwar auf reges Interesse auf russischer Seite, war aber kaum förderlich für Bezüge zur russischen Orthodoxie. In dieser wirkten Göttinger Impulse in der Theologenausbildung in der Dogmatik, Kirchengeschichte und Exegese. Göttinger Impulse zur Reform der Schulen in Russland gingen einher mit entsprechenden Impulsen zur Reform der Sprachausbildung der werdenden russisch-orthodoxen Priester. Der Göttinger Geist, den Puschkin beschwor, erschien vielen Russen als der Geist der Freiheit und Offenheit, Russland erschien vielen Göttingern den Einsatz ihres Lebens wert zu sein. Heute kann eine deutsche Schriftstellerin, Olga Grjasnowa (*1984), die in Göttingen studierte, einen Roman mit interkultureller Note unter dem Titel schreiben: „Ein Russe ist einer, der Birken liebt“ (2012). Noch immer kommen wir nicht voneinander los, wir Russen und Deutsche. Und irgendwie gehören wir zusammen.

Literatur

Zur Einführung empfohlen sei der Katalog zur Ausstellung in der Paulinerkirche:
Elmar Mittler/Silke Glitsch, Russland und die „Göttingische Seele“. 300 Jahre St. Petersburg, Göttingen 2003.²

² Siehe auch: <http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?isbn-3-930457-29-6>.

Гёттингенцы и русские

Мартин Тамке¹

На меня всегда производит сильное впечатление, насколько активно изучались и изучаются в Гёттингене связи с русскими и Россия в целом. Не в последнюю очередь именно вклад русских учёных превратил Гёттинген в один из ведущих университетов мира, привлекавших в том числе таких людей как Бенджамин Франклин (1706 – 1790) или известных исследователей из Китая и Японии. Эта любовь не осталась без ответа. Россия притягивала гёттингенцев, а «Гёттингенское умонастроение» вошло в России на долгие годы в поговорку.

С самого основания Университета имени Георга-Августа в 1734 году началось это взаимодействие и взаимовлияние русских и немцев. Назову в качестве примера имена двух русских женщин: Юлия Лермонтова (1847 – 1919), первая женщина, защитившая диссертацию в области химии, и Софья Ковалевская (1850 – 1891), знаменитая женщина-математик. Мосты возводили не в последнюю очередь русские немцы, к примеру Лу фон Андреас-Саломе (1861 – 1937), знакомая Ницше, Рильке и Фрейда, замужем за преподавателем восточных языков Гёттингенского университета Фридрихом Карлом Андреасом (1846 – 1930). Уроженка Санкт-Петербурга, она, вместе с мужем и Рильке, встречалась с Львом Толстым и вела с ним продолжительные беседы. Одним из видных деятелей молодого университета, которому тогда не исполнилось ещё и 20 лет, являлся Георг Томас фон Аш (1729 – 1807). Одно

¹ Профессор доктор Мартин Тамке, экуменического богословия, Гёттингенский университет имени Георга Августа, почетный доктор нескольких университетов.

время он занимал должность генерал-фельдмаршала, а с 1777 года являлся государственным советником при Императрице Екатерине Первой (1684 – 1727). В 1750 году он защитил докторскую диссертацию под руководством Альбрехта фон Халлера (1708 – 1777), основателя ботанического сада в Гёттингене. Целыми ящиками отправляя фон Аш в Гёттинген экспонаты, книги и растения. Собрания университета обязаны своей всемирной известностью, которую они обрели в рекордно короткие сроки, в немалой степени именно этому человеку. Гёттингенский профессор юриспруденции Кристоф Майнерс (1747 – 1810) и куратор из Москвы, князь Михаил Никитич Муравьев (1768 – 1840), который особенно отличился в походах против французов, вместе набирали среди немецких студентов будущих преподавателей для вновь основанных университетов в Казани, Харькове, Вильне, Санкт-Петербурге и Дерпте. Таким образом нашёл своё призвание и богослов Фридрих Боллензен (1809 – 1896). Специалист по изучению Ветхого Завета и востоковед Генрих Эвальд (1803 – 1875) посвятил его в Гёттингене в тайны санскрита; с 1852 по 1858 Боллензен преподавал этот язык в Казанском университете. Генрих Эвальд и сам был членом-корреспондентом Российской Академии Наук в Санкт-Петербурге и пользовался в мире науки высочайшим авторитетом. Однако в декабре 1837 он, как один из т.н. «Гёттингенских Семерых», подписавших протест против урезания академических свобод, был лишён профессорства. Лишь в 1848 году Королевство Ганновер, раскаявшись, призвало его, занимавшего к тому времени должность профессора в Тюбингене, обратно в Гёттинген. Он был последовательным борцом против прусского милитаризма. Когда Пруссия завоевала Королевство Ганновер и потребовала, чтобы все профессора поклялись на верность прусскому королю, Эвальд отказался дать эту клятву. В ответ на это он был в 1868 году прусскими оккупационными властями лишён права преподавания. С 1869 года он был депутатом Рейхстага и умер в 1875 году. Его связи с Россией ещё ожидают своего исследователя.

Николай Иванович Тургенев (1789 – 1871), либеральный политик, масон и борец за освобождение крестьян, был одним из выдающихся русских студентов Гёттингенского университета. Н.И. Тургенев приходился дядей знаменитому русскому писателю и принадлежал к числу ближайших сотрудников барона фон Штайна (1757 – 1831), прусского реформатора. Штайн обучался в Гёттингене у специалиста по России Шлёцера и трудился после поражения Пруссии начиная с 1812 года в качестве советника Царя Александра Первого. Тургенев опубликовал свои идеи, сформировавшиеся в главных чертах ещё в гёттингенское время, и отменил в 1818 году крепостное право в своём поместье. Он принадлежал к числу декабристов и покинул Россию в 1822 году. После поражения Декабрьского восстания он был приговорён в 1826 году к казни через обезглавливание. Царь Николай помиловал его в том же году, приговорив к «вечной каторге». Он умер в Париже. Александр Тургенев (1784 – 1845), брат Николая, играл не менее

важную роль в общественной жизни. Он также был студентом Гёттингенского университета, приехав туда 24 сентября 1802 года вместе со своим другом. Они записались на юридический факультет. В качестве подарка Тургенев передал своему ментору Шлёцеру труд российского мистика-масона. Книга носила заголовок «Некоторые размышления по поводу внутренней церкви, о единственном пути к правде и различных путях, ведущих к заблуждению и погибели.» Шлёцер написал рецензию на этот труд. Автором данного труда являлся Иван Лопухин (1756 – 1816), немалой заслугой которого являлось смягчение государственной политики в отношении духоборов. Лопухин занимал высокие должности в судебной сфере и позже был назначен сенатором. В рамках литературно-философского кружка, возникновение которого было следствием поездки Николая Михайловича Карамзина (1766 – 1826) по Европе в 1789/1790 годах, Тургенев говорил о Лопухине как о человеке высоких моральных принципов и примере для подражания. Отношение Карамзина к Гёттингену, в особенности его взаимоотношения со Шлёцером, до настоящего времени не до конца изучены и представляются загадкой. Александр Тургенев учился в Гёттингене в первую очередь у Георга Фридриха Мартенса, специалиста по международному праву, а также у философа Фридриха Людвига Бутервека (1766 – 1828), учение которого привело до некоторой степени к замешательству в рядах православных богословов. Сохранилась записанная Тургеновым лекция Бутервека по натурфилософии: «Повсюду стараемся мы привести природу в соответствие с требованиями разума». Богослов Игнац Аурелиус Феслер (1756 – 1839), считающийся в научной литературе учеником Бутервека, был призван в 1809 году на должность профессора восточных языков и философии Академии Александра Невского в Санкт-Петербурге. Феслер был когда-то католическим монахом в сане священника, он преподавал, начиная с 1783 года, восточные языки и Ветхий Завет в Лемберге и позднее вышел из ордена иезуитов. Спешно покинуть Лемберг ему пришлось в связи с сочинённой им драмой, критикующей иезуитов. Приют ему дали масоны, в 1792 году он принял лютеранство и в 1796 году переехал в Берлин. Живя в Берлине, он вместе с Иоганном Готлибом Фихте безуспешно пытался переработать устав масонской ложи. В Петербурге он совместно с министром народного просвещения Разумовским (1752 – 1836), министром полиции Балашёвым и государственным секретарём Михаилом Михайловичем Сперанским (1772 – 1839) написал по поручению царя Александра Первого (1777 – 1825) заключение о деятельности вольных каменщиков. Именно это заключение привело к легализации масонства в России. Бутербек был приверженцем кантианства, Феслер тоже. Это обстоятельство вызвало в тогдашней России недоверие, места профессора Феслер лишился. С 1820 года он занимает должность суперинтендента лютеранской церкви в Саратове, с 1833 года – генеральный суперинтендент в Санкт-Петербурге. В трудах Феслера можно найти буквально всё: учение

лютеранства и идеи масонства, наследие его католического прошлого и интерес к мистике, библейской экзегезе и языкознанию. Это смешение скорее повредило восприятию учения Бутервека, по крайней мере в церковных кругах, несмотря на то, что учение Феслера о внутренней церкви прекрасно гармонировало с идеями Тургенева и Лопухина.

Август Людвиг фон Шлёцер (1735 – 1809) сам рекомендовал Тургенева Императорской Академии в Санкт-Петербурге в качестве члена, несмотря на то, что дворяне в России в то время на подобные должности не принимались. Шлёцер начинал свою карьеру также в качестве богослова. Он стал в 1751 году учиться богословию в Виттенберге и перебрался в Гёттинген по зову Иоганна Давида Михаэлиса (1717 – 1791), известного востоковеда и богослова. В 1761 – 1770 годах он занимался преподавательской деятельностью в России, сначала в качестве домашнего учителя, потом в качестве преподавателя российской истории в Петербургской Академии Наук. Одним из плодов его деятельности той поры является комментированное издание Повести временных лет, написанное Шлёцером в 1802 – 1809 годах. В 1803 году царь Александр Первый присвоил ему дворянское звание. В области богословия Шлёцер ограничивался историко-философскими исследованиями. Когда Шлёцер вернулся в Германию, чтобы занять должность профессора в Гёттингене, туда же отправилась и группа студентов из России. В качестве их духовного наставника и инспектора поехал в Германию Дмитрий Руднев (1737 – 1795), позже – Епископ Новгородский Дамаскин. До 1772 года он заботился о духовных нуждах русских студентов Гёттингенского университета. Он входит в число наиболее значимых деятелей Русской православной церкви 18 столетия. Среди русских студентов Гёттингена следует назвать математика Петра Ильича Иноходцева (1742 – 1806), Ивана Юдина (1742 – 1768), а также историков Василия Светова (1744 – 1783) и Василия Венедиктова (1740 – 1806). Четверо студентов были до отъезда слушателями Московской духовной академии. Тургенев учился в том числе у одного из ведущих университетских богословов, Иоганна Готфрида Айхорна (1752 – 1827), который особенно прославился исследованиями в области Нового и Ветхого Завета. Тургенев посещал те лекции Айхорна, которые его в особенности заинтересовали, а именно лекции по истории литературы, где профессор рассказывал о взаимоотношениях Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749 – 1832) и Иоганна Каспара Лаватера (1741 – 1801). Личность Лаватера, стремившегося объединить просвещение с мировоззрением pietistов и оказавшего на богословие и духовность в Германии устойчивое влияние, была очевидно близка Тургеневу, интересовавшемуся как мистикой, так и идеями просвещения. Гёте являлся членом Академии наук Гёттингена, много раз бывал в этом городе и поддерживал дружбу с рядом гёттингенцев, в том числе с философом Георгом Кристофом Лихтенбергом (1742 – 1799). В 1804 году Александр Тургенев покинул Гёттинген, чтобы вступить в

должность государственного советника при министерстве юстиции. Параллельно он занимал должность секретаря Российского библейского общества. Он был дружен с Александром Сергеевичем Пушкиным (1799 – 1837) и очевидно критически относился к режиму Александра Первого, который лишил его всех должностей. Тургеневу удалось сохранить за собой только членство в комиссии по систематизации законов. Венцом дела всей его жизни являются труды по истории России.

Кстати, к немалому удивлению граждан Гёттингена российские студенты отмечали православные праздники и день рождения их монарха. Какими бы горячими сторонниками просвещения они ни были, но на чужбине, в протестантской части Германии, они демонстрировали свою принадлежность к России и её церкви. Загадочным образом ведёт взаимодействие между культурами не к ослаблению чувства национальной принадлежности, но напротив, усиливает это чувство. Безусловно неслучайно то обстоятельство, что Тургенев оказал значительное влияние на судьбу Библейского общества в России. Эта деятельность находилась в соответствии в теми познаниями в области библейских исследований, которые он приобрёл в Гёттингене. Своего апогея этот гёттингенский заряд достиг в планах митрополита Филарета Московского перевести Библию на (современный) русский язык. К сожалению, эти планы трагическим образом провалились. Пушкин, чьи учителя и покровители, в том числе Тургенев, отчасти получили образование в Гёттингене, рисует в своей поэме «Евгений Онегин» в образе идеалиста Ленского, положительного антипода Онегина, человека с «гёттингенской душой». В те годы Гёттинген стал символом живого прогресса и открытости – в противоположность удушающей, по мнению современников, атмосферы в России. Интересным образом, связи между Россией и Гёттингеном носили не только научный, но и политический характер. Царевич Алексей Петрович (1690 – 1718) пребывал одно время в окрестностях города; находившийся неподалёку замок Беверн являлся резиденцией Антона Ульриха фон Брауншвейг-Вольфенбюттель (1714 – 1774), мужа регентши Анны Леопольдовны (1718 – 1746) и отца царя-младенца Иоанна VI (1740 – 1764). И в дальнейшем члены царской фамилии будут время от времени наезжать в окрестности Гёттингена, например, на курорт в Бад Пирмонт.

Богослов Антон Фридрих Бюшинг (1724 – 1793) учился в Гёттингене в 1744 – 1747 годах и отправился в Россию в качестве домашнего учителя сына датского посланника. 7 февраля 1750 года он прибыл в страну и читал проповеди в евангелическо-лютеранских церквях Санкт-Петербурга. В связи с опасностью войны со Швецией и Пруссией он уже 4 августа того же года вынужден был сопровождать сына посланника обратно на родину. Его автобиографические заметки не оставляют сомнения в том, какое решающее значение приобрело для него пребывание в России. В 1754 году Бюшинг стал профессором родного университета и представил свой труд,

посвящённый анализу Библии с точки зрения историко-критического метода. «Я предпринимаю таким образом попытку освободить богословие от схоластических наслоений, высказываний и фраз, так чтобы теологическая наука опиралась исключительно на Священное писание». Вокруг его книги разгорелись столь горячие споры, что потребовалось вмешательство благосклонно к нему настроенного куратора университета. Герлах Адольф барон фон Мюнхгаузен (1688 – 1770) дал Бюшингу в феврале 1757 года совет не читать больше богословских лекций и не печатать сочинений на эти темы. Только таким образом он мог оставить его на должности профессора. Бюшинг сосредоточился на географии и астрономии. В 1760 году он был приглашён на должность второго проповедника в Соборе Св. Петра и директора школы при Соборе в Санкт-Петербурге. В 1761 он приехал в Россию и занялся преобразованиями в школе. Эта деятельность привела к конфликту Бюшинга с Бурхардом Кристофом фон Мюннихом (1683 – 1767), многие годы занимавшим должность заместителя в Санкт-Петербурге, генерал-фельдмаршала и премьер-министра. В результате конфликта Бюшинг сложил с себя все полномочия и вернулся обратно в Германию. Его планы по реформированию системы преподавания латыни, его соображения по поводу преподавания древнегреческого и древнееврейского языков касались не только школы при Соборе Св. Петра, но и образования во многочисленных духовных семинариях православной церкви, которое остро нуждалось в радикальном преобразовании. Читая русские источники, понимаешь, с каким трудом православные семинаристы учили латынь. Нетрудно догадаться, что эти затруднения являются выражением глубокого культурного конфликта. И к чему все эти усилия, если в результате знания латыни оказывались нужны лишь для того, чтобы наизусть заучивать учебники, написанными ведущими догматиками протестантизма на латинском языке.

Хотелось бы назвать в этой связи и ещё одного, третьего, богослова из Гёттингена, Иоганна Бекмана (1739 – 1811). В 1759 – 1762 годах он изучал поначалу богословские науки, а затем и другие предметы. С 1763 под 1765 год он преподавал в школе при Соборе Св. Петра в Санкт-Петербурге, а также занимался исследовательской работой при Академии наук Санкт-Петербурга. В Гёттингене он сменил поле деятельности и посвятил себя экономическим наукам. Бекман был принят в Академию наук. В Петербурге Бекман настолько активно сотрудничал со Шлёцером, что вызвал подозрение со стороны других учёных. Бекман разработал учебные планы, по которым позже было организовано преподавание в университетах Москвы, Казани, Харькова и Дерпта (Гарту), после того, как последний из этих университетов был вновь открыт в 1802 году. В числе многочисленных русских студентов, учившихся у Бекмана, стоит назвать первого российского профессора минералогии и геологии Василия Севергина, энциклопедически образованного учёного, ректора Московского университета Ивана

Алексеевича Двигубского (1771 – 1839), а также издателя первого технического журнала в России Якова Сахарова (1765 – 1837). Среди студентов-немцев нельзя не упомянуть конечно Александра фон Гумбольдта (1769 – 1859).

Весной 1765 года в петербургскую школу ненадолго приехал Георг Форстер (1754 – 1794). Он активно изучал русский язык, чтобы сопровождать своего отца Иоганна Райнхольда Форстера (1729 – 1798), богослова и ботаника, в поездке с инспекцией по поручению Екатерины Второй (1729 – 1796) в недавно основанные немецкие колонии на Волге. Форстер позже обретёт всемирную известность после того, как он отправится вместе с Куком в кругосветное плавание и напишет ставший очень популярным репортаж об этом путешествии. Судьба этого учёного сложилась трагично – движимый симпатией к идеям французской революции, он отправился в Париж, где и умер от воспаления лёгких.

Богословская литература и сочинения профессоров Гёттингена оказывали сильное влияние на умы русских людей – таким образом, связь университета с Россией далеко не ограничивалась личными контактами учёных. Как к примеру, расценить тот факт, что будущий митрополит Московский Филарет изучал Платона по учебнику истории церкви, написанному профессором богословия Иоганном Лоренцем фон Мосхаймом, канцлером Гёттингенского университета? Позже Филарет и сам напишет труд об истории Русской Православной церкви, каковой будет президентом консистории в Москве переведён на немецкий язык и издан в Германии.

Николай Онуфриевич Лосский, философ и богослов (1870 – 1965) также был студентом Гёттингенского университета. До поступления в этот университет, где его ментором являлся Георг Элиас Мюллер, он учился в Страсбурге у Виндельбанда и в Лейпциге у Вундта. Он защитил диссертацию в 1907 году и стал профессором Санкт-Петербургского университета. После революции 1917 года Лосский выступал за религиозное возрождение России и вместе с Павлом Александровичем Флоренским открыто поддерживал церковь. Репрессии новой власти не заставили себя ждать: Лосский был лишён звания профессора и вместе с 224 выдающимися представителями русской интеллигенции выдворен в 1922 году из России. После промежуточной остановки в Германии он занимался преподавательской деятельностью в Праге и Братиславе (1942 – 1945), в 1945 – 1947 годах преподавал в Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте в Париже, в 1947 – 1961 годах в Свято-Владимирской православной богословской семинарии в Нью-Йорке. Последние годы жизни, 1961 – 1965, он провёл снова в Париже. Его сын, историк церкви и догматик Владимир Николаевич Лосский (1903 – 1958) родился во время учёбы своего отца в Гёттингене. Ужасное впечатление на него произвела казнь Митрополита Санкт-Петербургского Вениамина (1873 – 1922), при

которой он вынужден был присутствовать. Ещё предстоит отправиться на поиск следов обоих Лосских в Гёттингене и ответить на вопрос о влиянии пребывания в университете на их творчество и жизнь.

И наконец, нужно назвать имя Готлиба Натанаэля Бонвеча (1848 – 1925), представителя русско-немецкой общины, человека, наводившего мосты между обеими странами и обеими церквями. Он родился 17 февраля 1848 года в Норке на Волге, изучал в 1866 – 1870 годах богословие и историю в Дерптском университете, занял в 1871 году должность помощника при евангелическо-лютеранском пробсте на Волге, продолжил в 1874 – 1875 годах обучение в Гёттингенском университете и стал по окончании обучения заместителем пастора в Норке. В 1877 – 1878 годах он писал диссертацию в Боннском университете и защитил в Дерптском университете в 1878 году как кандидатскую, так и докторскую диссертации. Начиная с 1882 года, он преподавал историю церкви в Дерпте, с 1883 года получил должность штатного профессора. В 1891 году он переехал в Гёттинген, где и умер 18 июля 1925 года.

Носителями культурных связей с Россией на стороне Гёттингена сравнительно часто выступали богословы, но, впрочем, это были богословы, которые в своём собственном понимании являлись не столько теологами, сколько просветителями и педагогами. Нередко эти люди были к тому же масонами. Данное обстоятельство хотя и вызывало живой интерес с российской стороны, но было не очень благоприятно для развития отношений с русским православием. Что касается православной церкви, то влияние Гёттингена ощущалось прежде всего в богословском образовании, в особенности в области догматики, истории церкви и экзегезы. Влияние Гёттингена на реформирование школьного образования в России сказалось в основном на обновлении системы подготовки православных священников. Гёттингенский дух, вызванный когда-то Пушкиным, представлялся многим русским духом свобод и открытости. Напротив, многие гёттингенцы считали, что ради России стоит пожертвовать годами жизни, если не самой жизнью. Ольга Грязнова (*1984), немецкая писательница, учившаяся в Гёттингене, написала роман, в котором явно прослеживается взаимосвязь двух культур, называющийся «Русский – это тот, кто любит берёзы» (2012). Мы, русские и немцы, не можем расстаться друг с другом. Нас слишком много связывает.

Использованная литература

Для начала порекомендую: Elmar Mittler/Silke Glitsch, *Russland und die „Göttingische Seele“*. Ausstellung in der Paulinerkirche, Göttingen 2003.²

² <http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?isbn-3-930457-29-6>.

Zwischen Russland und Deutschland bestehen zahlreiche Partnerschaften auf kommunaler und regionaler Ebene. Dazu gehört auch die Partnerschaft zwischen dem Land Niedersachsen und dem Gouvernement Perm. Nach dem Besuch des niedersächsischen Ministerpräsidenten beim Permer Gouverneur 2016 wurde beschlossen, die Partnerschaft durch konkrete Aktionen mit neuem Leben zu füllen. Die Permer Staatsuniversität nimmt im Gouvernement Perm als eine Art Landesuniversität eine vergleichbare Stellung ein wie die Georg-August-Universität Göttingen in Niedersachsen. Seit Jahren arbeiten das Institut für Ökumenische Theologie in Göttingen und das Department für Politologie und internationale Beziehungen in Perm wissenschaftlich zusammen. Als ein gemeinsames deutsch-russisches Projekt diskutierten Studierende beider Institute die Frage nach ihren Lebenszielen und -erwartungen anhand von moderner Literatur. Die Deutschen stellten dazu moderne deutsche Romane, die Russen moderne russische Romane vor. Die Beiträge der Studierenden liegen in diesem Band gesammelt vor und erlauben so einen Einblick in dieses gelungene Experiment deutsch-russischer partnerschaftlicher Begegnung.

ISBN: 978-3-86395-336-2

Universitätsdrucke Göttingen